

ОСКОЛКИ

СВОБОДЫ



КСЕНИЯ ХАУСТОВА

Ксения Хаустова

Осколки свободы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72794935

SelfPub; 2025

Аннотация

Ведьмы в Исливарии подвергаются гонениям. Юная Рианелла не стала исключением. После сожжения на костре ее отца девушка вынуждена бежать вместе со своими близкими, чтобы спастись. Рианелла жаждет мести и готова на все, чтобы люди, причинившие боль ее отцу, страдали. В столице Оферос Рианелла знакомится с главой церковного отряда Ноэлем, который возглавляет поимку ведьм. Несмотря на то, что они должны ненавидеть друг друга, парень и девушка, сами того не осознавая, сближаются.

Но месть Рианеллы заходит слишком далеко. Теперь это не попытка отомстить, а настоящая борьба за справедливость. Пора прекратить гонения и притеснения. Права ведьм должны быть установлены, и Рианелла добьется своих целей.

Вот только эта борьба может раскрыть слишком много тайн, разрушить и так хрупкие чувства, лишить свободы или даже жизни.

Но является ли смерть концом? Что, если за гранью жизни тянется еще одна история?

Содержание

Часть 1. Дар, названный проклятьем	6
Пролог.	6
Глава 1. Мертвая тишина	9
Глава 2. Непривлекательная встреча с привлекательным человеком	32
Глава 3. Плохое предчувствие, предвещающее появление наглой незнакомки	59
Глава 4. Богатые мануфактурщики и золотая молодежь	76
Глава 5. Смазливый мальчик из Церкви с кучей сюрпризов	92
Глава 6. Магия крови	107
Глава 7. Руки в крови, и сердце в бреду	132
Глава 8. Разговор о первом снеге	172
Глава 9. Абсурдная ситуация	192
Глава 10. Еще одна сестра	209
Глава 11. Буря в душе	229
Глава 12. Первая жертва мести	253
Глава 13. Святая вода в руках греховной девушки	268
Глава 14. Демон в женском обличье	285
Глава 15. Две противоположности	301
Глава 16. Мгновения, полные чувств	316

Глава 17. Потенциальная угроза для слишком правильного Главы	331
Глава 18. Разбившийся крест	345
Конец ознакомительного фрагмента.	352

Ксения Хаустова

Осколки свободы

si vis pacem, para bellum¹

¹ Хочешь мира, готовься к войне (*лат.*)

Часть 1. Дар, названный проклятьем

Пролог.

Пламя охватывает тело. Человеческая плоть, подверженная ненасытному огню, плавится и извергает помимо дыма отвратительный запах жженого мяса. Толпа, будто зачарованная, приковала взгляды к развернувшемуся на главной площади убийству. Не слышно криков: молчит и толпа, молчит и жертва. До рядов людей лишь доносятся стоны боли и отчаяния.

Мужчина, привязанный к деревянному столбу над костром, до крови кусает губы. Он не позволит себе кричать или плакать, какова бы ни была боль. Его тело темнеет, волосы опалились пламенем, и в костер, горящий необычайно ярко этим холодным осенним днем, льется кровь. Кровь невинного.

А все люди в толпе, которые так заворуженно смотрят на казнь, уверены в виновности этого мужчины. Его сожгли на центральной площади небольшого города на юге Исливариин в двенадцать часов пополудни. Приговор местных священников заключался в обвинении мужчины в том, что он як-

шался с ведьмами, покрывал их существование на протяжении многих лет и даже произвел на этот свет минимум одну лишнюю ведьму, которая была замечена чиновником Слоуденом и сдана им, повинувшись воле не только Божества, но и правительства, Церкви.

Девушка, которая так тщательно прячется в толпе, кутаясь в серый плащ капюшона, не должна была быть здесь на казни. По уставленному плану ей следовало уже мчаться на четырехколесной повозке, запряженной тремя бравыми скакунами, вон из города, в сторону столицы. Но она задержалась здесь, заставив помедлить и ее семью. Хотя, на деле, ее семью сейчас сжигали.

В глазах девушки, которые она так тщательно прячет, отражается настоящая боль, испытываемая мужчиной, горящему в ярком пламени несправедливости. Ее охватывает ненависть к тем, кто смел так поступить с ней, с ее отцом, с ее семьей, разрушив то, что так долго строили ее родители. В очередной раз ущемив ведьм и назвав их врагами народа.

Но ведь ведьмы ничего не сделали! Они жили, строя свою семью, расстраиваясь и радуясь по своим поводам, никак не влиявшим на жизнь простых людей. Ведьмы всегда хотели «дружить», хотели жить в мире и согласии ровно до того момента, пока их очередную сестру или человека с ними связанного, кровожадно не сжигали. Ведьм называли опасными монстрами, но разве не были этими монстрами сами люди, которые давно потеряли свою человечность?

Раньше она думала о том, чтобы тихо прожить свою жизнь. Но теперь она будет мстить. Мстить за то, что ее отца убили. Мстить тем, кто был в этом виноват. Добиваться не просто свободы, а равноправия и признания со стороны других. Добиваться того, чтобы ее могущество было увидено.

Яркое пламя, стремящееся ввысь и охватывающее своим теплом близ стоящих людей, было последним, что видела девушка в капюшоне, покидающая площадь и оставлявшая там свои слабости.

Глава 1. Мертвая тишина

Нельзя было и подумать, что обычные облака будут так пугать людей. Грозовая туча нависла над городом черным покрывалом, готовясь разразиться в любой момент. Дождь никак не начинался. Туча будто просто угрожала и издевалась над людьми, снующими по узким грязным переулкам недалеко от центра, торопясь завершить дела до того, как пойдет дождь. Изредка вдалеке мелькала молния, яркой вспышкой озарив пространство и принеся с собой взрыв грома, словно содрогалась сама земля. Люди внезапно замирали, всматриваясь в горизонт, где промелькнула молния, задумывались о чем-то, каждый о своем, и спустя мгновение продолжали с прошлым энтузиазмом слоняться по разбитой уличной плитке, как заведенные марионетки одного спектакля. Спектакля под названием «жизнь».

Грозу в Исливарии не любили. Она ассоциировалась у суеверных жителей с ведьмами, колдовством и проделками другой нечисти. Гроза для них была признаком скорого нападения ведьм, и многие спешили закрыть ставни на окнах своих старых квартир и домов. И хотя все эти поверья были полной глупостью, в этот раз погода не ошиблась: в столицу Оферос прибыли ведьмы.

В руках Рианеллы мелькала третья или четвертая сигарета. Ее пальцы так привыкли сжимать табак, что она маши-

нально доставала новые сигареты из длинных белых упаковок. Небольшой душный экипаж застрял недалеко от пункта назначения, до которого Рианелла с сестрами и матерью добиралась почти двое суток. Дом тетки должен был вот-вот показаться, но они никак не могли доехать до него. Лошади встали рядом с центральной площадью, где их экипаж был остановлен гвардейцем из суда и, кажется, кем-то из Церковного отряда. Рианелла единственная осталась внутри кибитки, пока сестры и мама вышли на улицу подышать свежим воздухом, потому что находиться внутри, пусть и дорогого, но тесного экипажа было невыносимо.

На дорогих экипажах семья де Марис не ездила. Во-первых, старалась не привлекать внимание. Во-вторых, средств на содержание полноценного экипажа не хватало. До старого женского учебного корпуса Рианелла ездила верхом, в город ходила пешком, поэтому карета тетки, на которой та настояла, чтобы девушки добрались с порта, казалась роскошью. Никто не озвучивал этого вслух, но все испытывали дискомфорт.

Несмотря на трагедию, произошедшую совсем недавно, Рианелла и ее сестры пытались жить дальше. Каждая верила в свою лучшую жизнь. Рианелла строила собственные планы по поводу мести. Мать же чахла, и это было заметно. Сестры понимали: если сдадутся они, семья падет окончательно. Отец бы этого не хотел. Он спасал их ради того, чтобы они жили дальше.

Когда открылась дверь экипажа, Рианелла даже не шелохнулась. Надежды, что они сегодня доедут до тетки, меркли с каждой минутой, проведенной в Оферосе. Впрочем, Рианелла не смела жаловаться. Ей разрешили покурить, а в их ситуации это уже было огромным дозволением.

– Как ты? – послышался тихий голос ее старшей сестры Мирабель. Ее тоненькая и бледная ладошка опустилась на плечо Рианеллы. Риа немедленно по привычке затушила сигарету о край окошка и поморщилась, забыв, что это тетин экипаж. Выбросив затушенную сигарету в окно, она повернулась к Мирабель, и та продолжила.

– Мы должны были уехать раньше... – пробормотала она, опустив свои большие голубые глаза. – Тебе не стоило... не стоило... – ее голос дрогнул, ладошка сползла с плеча сестры.

– Нет, я была обязана, – настырно сказала Рианелла, перебив сестру.

– Мама сказала, нам стоит начать новую жизнь. Она почему-то думает, что смерть папы на ее совести, что она слишком поверила в свою счастливую жизнь несовместимую с проклятьем. Правда ли мы прокляты, Риа? – в ее голубых глазах мелькнули слезы. Сестра в свои двадцать два года казалась совсем хрупким ребенком особенно после трагедии. Ее длинные русые волосы ниспадали на плечи, закрывая спину. Бледная кожа казалась болезненной. Тонкие губы дрожали. Круглое лицо на фоне общей худобы казалось осунув-

шимся. Теплое коричневое пальто, накинутое поверх черного сарафана, было застегнуто на все пуговицы и окончательно скрывало хрупкую фигуру сестры.

– Наши силы – это наш дар, – вторила Рианелла. – Пусть остальные называют это проклятием и кармой. Талантам всегда будут завидовать.

– Хотелось бы мне иметь хоть чуточку твоей непоколебимости, – вздохнула Мирабель, садясь ближе к сестре.

А кто сказал, что Рианелла непоколебима? Если ее лицо спокойно, а движения плавны, не значит, что она также безмятежна в душе. Ее трясет не хуже остальных, а боль в груди еще сильнее. Вот только Рианелла прячет чувства внутри, не позволяя даже самым близким увидеть кровоточащие на сердце раны. Ведь если расклеится даже Рианелла, склеивать их разрушающуюся семью будет уже некому.

Дверка экипажа вновь открылась. Сестры посильнее прижались друг к другу. Рианелла ощутила тепло старшей сестры, и на мгновение ее душу охватило умиротворение. Рианелла прикрыла глаза, и ей показалось, что все как раньше. Она вернулась в родной дом в небольшой провинции, и Мирабель вечером, держа младшую сестру за руку, читает ей во дворе сказки, которые отец купил им с продажи нового клинка. И верить в то, что Рианелле уже двадцать, и никаких сказок в ее жизни больше не будет, совсем не хочется. А думать про то, что отца никогда не будет рядом, и подавно.

Оставшуюся дорогу Рианелла даже не смотрит на мать и

сестер. Она прилипла к окошку и мирно наблюдает за мелькающими пейзажами, вслушивается в топот копыт лошадей и причитания извозчика.

Узкие многоквартирные дома сменяются коттеджами. Они стоят вперемежку: дешевые и дорогие. И жители в них такие же: бедные и богатые. Рианелла догадывается, что до дома осталось рукой подать, поэтому она начинается елозить в тесной душной кибитке экипажа.

Мирабель, кажется, задремала. Рианелла, пытаясь не разбудить сестру, завязывает в хвост каштановые волосы, не отрывая взгляда от улицы. Ее фиолетовые глаза пытаются ухватиться за мельчайшие детали дороги. Что стоит ожидать им дальше, неизвестно, поэтому следует запоминать все.

В доме тетушки Рианелла была единожды примерно пятнадцать лет назад. Тогда они с семьей в последний раз приехали в Оферос. В дальнейшей поездке в столицу прекратились из-за напряженной обстановки для ведьм. Во главе Церкви Исливарии Патриарх, относительно недавно занявший эту должность, ужесточил меры по поимке всей нечисти и на дух не терпел даже ее упоминание. А ведьм особенно.

Рианелла ожидала чего-то масштабного и шикарного. На подкорке ее памяти, безусловно, сохранились некоторые воспоминания об этом доме. Зная о тетушкином богатстве, подразумевался особняк, однако, когда экипаж начал подъезжать, даже особняком язык не поворачивался назвать этот дом. Целая резиденция. Казалось, в нем может поместиться

все население родного города Рианеллы и даже оставить пару свободных гостевых комнат.

Все коттеджи (и маленькие, и большие) вмиг исчезли. Они тут же забылись, совершенно померкнув в сравнении с резиденцией тетки. Длинная подъездная дорожка начиналась задолго до ворот дома. По серой гравированной дороге колеса экипажа приятно шуршали. Следом размещались огромные, в три человеческих роста, ворота. Они были металлическими и черными. На калитке – рисунок черного ворона.

За забором расстился сам дом. Он был невысоким, всего в два этажа, но длинным. Сам дом построен из коричневого дерева, но рядом находились одноэтажные постройки из кирпича цвета охры. Серая черепица покрывала крышу. На ней размещались небольшие каменные башенки с крошечными разноцветными витражами. Поместье размещалось буквой «г», и на месте угла находилась круглая башня со шпилем. Окна украшены витиеватыми позолоченными рисунками. Ставней нет. Фасад здания дополнен резными колоннами.

Огромные двухстворчатые двери имели черный цвет, будто обуглились. Широкое каменное крыльцо располагалось практически на весь передний двор. Поместье стояло на возвышенности, поэтому к нему вела лестница с узорчатыми периллами. Камень лестницы местами скололся, рисунки на камнях стерлись, словно лестница была построена задолго

до самого особняка.

У ворот росли три пышные темно-зеленые ели и кустарники с длинными неестественно темными листьями. Середину лестницы украшали две платформы по бокам, на которых стояли потертые статуи: мужчина и женщина. Мужчина сидел в задумчивой позе, и на его голове виднелся отчетливый скол. А женщина держала над головой кувшин, и каменная вода стекала из него в кусты.

Стояла мертвенная тишина. Гаркнул ворон, и вновь словно наступило забытье. Даже кони притихли. Они затормозили у огромных ворот и тоже испуганно озирались по сторонам, будто никогда здесь не бывали.

Из кустов, словно тень, вышел мужчина. Рианелла не видела его ранее, и вздрогнула, когда незнакомец неожиданно подошел к воротам. От него веяло темной энергией, сразу становилось понятно – перед ними не человек. Мужчина низкого роста с козлиной бородкой и черными глазками-пуговицами цепко оглядел экипаж. Затем принялся открывать ворота. Железные прутья легко поддались ему и лишь громко скрипели, когда мужчина разводил их в стороны.

Экипаж заехал внутрь. Гравированная дорожка превратилась в мощный камень, и подковы звонко били по нему. Извозчик остановил экипаж, спрыгнул и поспешил открыть обе дверцы, пытаясь услужливо подать руку дамам.

Пока извозчик спускал с крыши привязанные сумки, Рианелла огляделась вокруг. Тетушка точно умела жить на ши-

рокую ногу и имела хороший вкус. Ей удалось совместиться в резиденции не только моду, но и атмосферу ведьминского жилища. В Шато ведьмы всегда старались сохранить ощущение таинственности и магии. Похоже, тетушка еще и крайне смелая женщина, раз не испугалась расспросов местных жителей и Церкви о странном мистическом вкусе.

Из мыслей Рианеллу вырвал разговор матери и младшей сестры Альвины. Рианелла резко обернулась, услышав в тоне сестры недовольство.

Фигура матери казалась сгорбившейся и ссохшейся. Ее русые волосы, в которых проглядывались седые пряди, были убраны в высокий и небрежный хвост, едва ли сдерживаемый старой зеленой заколкой, подаренной матери отцом на их первую годовщину свадьбы. Холщовое платье черного цвета закрывало руки и туловище, широкая прямая юбка прятала даже обувь. В ее карих глазах стояли слезы, и вытянутое лицо было усыпано маленькими морщинками. В руках мама сжимала белый платок, резко контрастирующий с черными нарядами траура, она сминала его руками и изредка касалась им щек. Ее длинные пальцы, унизанные перстнями с большими камнями и узорами, заметно дрожали. Мама держалась хуже всех. Винить ее в этом никто не смел. Сколько себя помнила Рианелла, мать и отец всегда были рядом друг с другом что бы ни случилось. Разлука в несколько дней могла стать для них ужасным испытанием, а теперь эта разлука наступила навечно.

Альвина стояла рядом с ней в черном шерстяном плаще, завязанном поясом на талии. Ее длинные черные волосы развевались на ветру, потому что она отказалась их прибирать. Ее черные глаза и мягкие черты лица в виде пухлых губ, вздернутого носа и щечек выглядели хмурыми и даже злыми. Ее брови сошлись на переносице. В уголках глаз сохранились слезы, которые она тщательно скрывала.

– Здесь мрачно, – добавляет Альвина и морщит нос.

– Альвина, доченька, сестре жизненно необходима такая ведьминская атмосфера после того, как она добровольно покинула Шато.

– Но я не ведьма, – грубо бросила она всего лишь в пятнадцатый раз за последнюю неделю.

Альвине недавно исполнилось восемнадцать лет, и она правда не была ведьмой. Будучи младшим ребенком, все позволяли ей баловаться, и выросла она довольно самовлюбленной и капризной. Лет до шестнадцати все еще ждали, что силы проявят себя, и Альвина всего лишь поздний ребенок, однако, время шло, а ведьминские способности так и не проявлялись. Гены отца дали о себе знать: Альвина родилась обычным человеком.

Теперь девушку не устраивало, что они должны жить по правилам ведьм, относиться к Шато и скрываться ото всех, когда она обычный человек. С одной стороны, она не может бросить семью. С другой, такая жизнь тяготит ее.

– Знаешь, мам, а мне нравится! Этот домище... – Рианел-

ла произвольно обводит пальцем резиденцию, вклиниваясь в разговор.

– Аврора любит жить на широкую ногу, – печально усмехнулась мама, пряча глаза за белым платком. – Извозчик, а где же хозяйка? – обращается мать к мужчине, снимающему чемоданы.

– Элер² Нардол, должно быть, должно быть... – бормочет он, доставая из потертого коричневого сюртука часы на тонкой цепочке с окислившейся оправой. Смотрит в них и несколько раз цокает языком, будто вспоминая, во сколько должна прибыть хозяйка.

Рианелла вздрагивает от фамилии, произнесенной извозчиком. Она так привыкла быть элер де Марис, что услышать девичью фамилию матери сродни расслышать таинственное заклинание, которое будоражит кровь предков, струящуюся по венам Рианеллы.

Рианелла любит фамилию отца, но принадлежность к его семье ощущается намного меньше из-за ведьминских способностей, доставшихся от матери. Раньше Рианелла совершенно не различала ведьминские роды, и ей было безразлично, к какому относится она, однако, став старше, мировоззрение меняется, и необходимость знать правду о предках становится острее. Мать рассказала, что род Нардол является одним из самых старых и сильных родов, который, по поверьям, был проклят сильным демоном и обречен на вечные

² Элер – обращение к юной девушке и незамужней женщине.

страдания потомков.

Не сказать, что потомки сильно страдали. Да, испытывали гнет от непризнания людей, ущемление их прав, а также сожжение на кострах, однако, от страданий других родов ведьм не отличались. Но слышать свою фамилию, значащую в ведьминском кругу многое, было странно.

Рианелла покосилась на мать, но та никак не отреагировала. Она спокойно ждала вердикт извозчика, а тот, покрываясь испариной, видимо пытался выдумать подходящий ответ. В этом доме никогда не знали, когда хозяйка удостоится вернуться.

В это мгновение раздался такой шум, что все попытались закрыть уши и стали озираться по сторонам в поисках источника звука. Один извозчик да мужчина, открывавший ворота, не шелохнулись. Они повернулись на подъездную дорожку, мужчина с козлиной бородкой вновь пошире открыл железные прутья, и оба слуги низко поклонились, застыв в полусогнутом положении.

На дороге показался большой темно-красный экипаж с яркой кожаной оббивкой. Его покатая крыша была украшена узорами и драгоценными камнями. Запряжена коляска была шестью лошадьми, и шум исходил от них. Извозчик постоянно хлестал их вожжами, и те, громко топая по дороге, величественно ржали, будто от боли они становились настоящими летающими скакунами.

Экипаж промчался по дороге, буквально влетел на тер-

риторию резиденции и, сделав резкий поворот, от которого поднялась пыль, остановился. Кони перешли на тихое фырканье. Извозчик, разодетый лакей, элегантно спрыгнул на землю, оглядел всех свысока, будто он здесь хозяин, но подойти до дверцы не успел. Кибитка распахнулась сама, и деревянная дверка с грохотом ударилась о стену экипажа. Спрыгнув с лесенки (между прочим, совершенно неэлегантно), на мощенной дорожке показалась женщина средних лет. Юные девушки синхронно ахнули и воскликнули:

– Тетушка!.. – вложив в это восклицание и радость, и восхищение, и удивление, и осуждение.

Женщина широко улыбнулась и отвесила шутливый поклон, быстро махнув слугам, чтобы они выпрямились. Ее высокий, худой, но при этом спортивный стан будто принадлежал совсем юной девушке. Шоколадные волосы были довольно коротко подстрижены и едва закрывали уши. Челка зацеплена заколками с мелкими, переливающимися на свету камешками. Зеленые глаза искрятся весельем. Идеальная чистая ровная, без единой морщинки кожа, хотя женщине недавно исполнилось сорок. Это можно объяснить тем, что многие женщины ведьмы (особенно свободные) использовали зелья, приготовленные собственноручно, чтобы сохранять юный вид. И хотя это сказывалось на их здоровье, ведьмы были готовы жертвовать им или ограничивать себя во многом ради красоты и вечной молодости.

На тетушке было длинное платье в пол цвета марсала с

пышной гофрированной юбкой, узким корсетом и объемными рукавами-фонариками. Она выглядела свежо и молодо, именно так, как тетушка и хотела выглядеть: молодо, хотя юность давно оставила ее.

– Агнес! – воскликнула тетка, проигнорировав восклицание племянниц. Ее нежный, мягкий и протяжный баритон совсем не сходился с внешностью. В голосе слышался возраст.

Аврора подошла к своей сестре, оглядела ее (выглядели они, безусловно, как мать и дочь), обхватила плечи и крепко обняла. Агнес прижалась к сестре, но эти объятия длились секунды. Аврора также быстро отстранилась от сестры, как и обняла ее. Агнес усмехнулась, узнав в поведении женщины характер своей сестры.

– А вот и три цветка моей сестры! – еще шире улыбнулась она, хотя, казалось, улыбки дружелюбней не бывает. – Сейчас вы будете злиться на меня, но я совершенно не помню ваших имен! – она игриво хохотнула, и Рианелла отметила, что тетушка вряд ли полностью трезва. Конечно, а какая она должна быть, вернувшись под вечер на дорогом экипаже?

Рианелла бросила взгляд на мать, но та широко улыбалась, глядя исключительно на сестру. Агнес очень скучала по выходкам младшей сестры, по ее веселому характеру и отвратительной памяти.

– Это старшенькая Мирабель, средненькая Рианелла и младшенькая Альвина, – пояснила мама, ласково указывая

на всех дочерей по порядку. Аврора видела их последний раз пятнадцать лет назад, переписку вела исключительно с сестрой, поэтому забытые имена ей были тут же прощены.

Женщина обняла каждую из племянниц, и Рианеллу окутал легкий запах алкоголя и дорогого парфюма, исходящий от тетушки, когда женщина подошла к ней. Она улыбалась и вела себя совершенно здраво, независимо от алкоголя. Возможно, она и полностью трезвая не слишком отличалась от увиденного девушками поведения.

Тетушка чуть наклонилась и довольно ласково прижалась к Рианелле, касаясь своими руками оголенной кожи пальцев племянницы. В месте крепкого прикосновения Рианелла почувствовала странную энергию, будто искорки заплясали на ладонях. Тетя внезапно вздрогнула и грубо отстранилась от Рианеллы. Девушка не поняла, что случилось. Их силы с тетей не сошлись, и они ударили друг друга снопом искр?

Одернув руки и разомкнув прикосновения, тетушка уставилась в лицо юной племянницы. Улыбка померкла с ее лица, и в ясных глазах на мгновение показался настоящий ужас. Однако женщина быстро взяла себя в руки, натянула кривую улыбку, теперь походившую на оскал, и смято проговорила.

– Пройдемте скорее в дом!

Рианелла озадаченно уставилась ей в спину. Никто не заметил странного эпизода, поэтому девушка решила не заикливаться на нем.

Агнес, Аврора, три сестры, а также лакей и извозчик направились в сторону дома. Лакей открыл двери, пропуская хозяйку с гостями внутрь. Извозчик, таща чемоданы и сумки, тяжело пыхтел на заднем плане. Сестры порывались вырвать у него по сумке, чтобы помочь, но мужчина отмахивался, мол, негоже девицам носить тяжелые вещи.

Внутри резиденция выглядела еще роскошнее. Мебели было немного, но она выглядела дорого. Диваны, шкафы, столы и стулья украшены узорами и позолоченными гравировками. На стенах висят картины. Ковры с высоким ворсом, в котором тонут ноги. Несколько слуг носятся по коридорам, из кухни доносится шум. Зацепиться властям и Церкви здесь было не за что, но ведьма, очутившаяся в резиденции, сразу ощущала себя комфортно.

– Ваши вещи доставят по комнатам, а лакей позже покажет ваши новые места жительства, но сначала... – тетушка выдержала драматичную паузу. – Ужин!

– Ты же только что приехала с какого-то мероприятия? – с улыбкой спросила Агнес. Аврора с осуждением посмотрела на нее и, подхватив под руку, первой потащила в столовую.

– Даже если бы я посетила тысячу мероприятий, я ни за что не отказалась бы от ужина в честь моей сестренки и ее цветочков!

Рианелла не сдержала смешок. Она знала об экстравагантности тетушки, но не думала, что она настолько необычна. Девушка подвинулась к Мирабель и чуть наклонилась к ней,

прошептав.

– С ней будни точно не будут скучными.

Мирабель не сдержалась и тоже хихикнула, пихнув сестру в плечо, чтобы та вела себя сдержанней. Но с чего бы у Рианеллы появилась эта сдержанность?

Они вошли в просторную столовую, заставленную мебелью из белого дерева. Длинный стол занимал практически всю площадь комнаты. Воздушные темно-красные подушки покрывали высокие стулья. Шум из кухни стал громче, а двое слуг сновали по комнате и ловко расставляли по столу тарелки.

Стол был обставлен блюдами, самыми разными яствами, сладостями. У Рианеллы загорелись глаза. В их старом доме они часто завтракали или ужинали всей семьей, но такие огромные столы не накрывали даже по праздникам.

Все расселись за столом на подготовленных местах. Тетушка привычно схватила бокал и налила себе из хрустального сосуда вино. Закинув ногу на ногу и заметно отъехав от стола, она развязно принялась потягивать алкоголь и разглядывать прибывших гостей. Мама аккуратно взяла белую салфетку и положила себе на колени. Отрезая вилкой маленькие кусочки от положенной слугой курицы, она тихо ела.

– Как вы добрались? – серьезно спросила тетушка. Кажется, она следила за реакцией каждого за столом.

– Совсем не помню, как мы оставили дом, – вздохнула мама, откладывая вилку. – Будто ничего и не помню уже из

него. Столько лет в нем провели, а все забыто! Может, оно и к лучшему...

– Мы должны были отбыть раньше, – добавила Альвина, поедая жаркое. – Но, так вышло, задержались в городе, – девушка многозначительно глянула на Рианеллу, но та проигнорировала ее взгляд.

– В порту корабль попался неплохой, но у меня началась морская болезнь, – взмахнула рукой Мирабель.

– Мы приплыли на два часа раньше планированного. Капитан сказал, что попутный ветер дул нам в спину, и мы были удачливы, – вставила и свою часть рассказа Рианелла. – А потом нас встретил твой экипаж, который, кажется, подждал нас там уже несколько лет.

– Когда я получила ваше письмо, – неоднозначно взмахнула ладонью в воздухе тетушка. – Мороз пробрал по коже, – она демонстративно вздрогнула. – В словах Агнес не было ничего разборчивого, но я догадалась, что приблизилась беда. Габрион был арестован, а впоследствии и казнен за связь с ведьмами. Мне никогда он не нравился, но Агнес любила его, и я испугалась за вас. Приказала готовить гостевые комнаты, а также сожгла полученное письмо.

– Мы рады, что ты согласилась приютить нас, – кивнула мама. – Никогда бы не подумала, что мы встретимся в следующий раз по такому отвратительному поводу... – к концу фразы ее голос сошел на нет.

– Нас сдали Слоудены! – в сердцах воскликнула Рианел-

ла. Вилка ударилась о тарелку с отчетливым звуком. – Этот ублюдок решил, что имеет права распоряжаться человеческими жизнями!

– Рианелла, – мягко осадила ее Мирабель и коснулась плеча.

– Я не оставлю этого просто так, – продолжала девушка. – Я обязательно отомщу ему. Смерть для него самое легкое наказание, поэтому я придумаю нечто ужаснее.

– Не стоит горячиться, дочь моя, – вздохнула мама, незаметно смахивая слезы. – Любой другой сдал бы нас точно также.

– Нет, мама, ты знаешь, что Слоуден сдали нас потому, что мы отказались плясать под их дудку!

– Мсть не всегда выход, – добавила Мирабель. – Разве станет тебе легче от того, что ты отомстишь ему?

– Конечно, станет! Мой отец, который умер буквально просто по воли какого-то чиновника с властью и ораторскими навыками, будет упокоен.

– Правильно, начинай мстить и навлеки на нас беду! – фыркнула Альвина, недовольно скривившись. – У нас ведь мало проблем, верно? Ты о живых вообще думаешь? Отец умер за то, чтобы мы сейчас жили, а не пытались, как обычно, лезть куда не просят. Ты можешь наконец-то спокойно сидеть?

– Альвина де Марис, – крайне строго окликнула ее мать.

– Рианелла, – вновь позвала Мирабель и сжала плечо сест-

ры в стальной хватке.

– Прекратите обе, – добавила уже слабо матушка. Альвина обиженно поджала губы, а Рианелла опустила глаза в тарелку, чтобы справедливость, горящая в ней ярким опасным пламенем, не вырвалась наружу.

– Впрочем, навряд ли нам удастся надолго остаться здесь, – попыталась перевести тему Мирабель. – В богатом доме аристократки Нардол внезапно появилась толпа женщин? Местные зададутся вопросом.

– Скажу, что ко мне приехали подружки, одна из которых со своей матушкой, – отмахнулась Аврора. – Даже не стану приплетать вас к одному роду. В Оферосе я знаменита тем, что не люблю одиночество, поэтому никого не удивят гости в моем доме. Но осторожность никто не исключал. Вас запомнили?

– Местный Церковный отряд видел меня и Рианеллу, – ответила мама. – Не думаю, что в толпе они разглядят нас, но от Церкви стоит держаться подальше. К тому же, мы убегали из дома быстро и прятались в центре на съемной квартире, боюсь, что могли оставить следы в доме. Возможно, областной Церковный отряд уже передал информацию в Оферос, и наш розыск продолжится.

– Маменька, ты упомяни, что наш след все же взяли, – не промолчала Альвина.

– Да, так и есть, – понуро добавила Агнес. – Отыскать в небольшом городе семью с фамилией де Марис не составило

труда. Мы петляли, выезжая из города в порт, потому что Церковный отряд отыскал район и предположительно дом, в котором мы скрывались.

– А все из-за кого? – опять не смогла промолчать Альвина. – Нашей драгоценной Рианелле было жизненно необходимо увидеть, как сжигают отца! Ты ведь нас задержала, Риа.

– Для меня было важно увидеть последние минуты отца, – спокойно отреагировала Рианелла, считая, что не совершила ничего плохого. – Я хотела достойно попрощаться с ним и укрепить чувство мести. Не обвиняй меня в том, что наш след взяли. Его бы взяли в любом случае просто немного позже. Эти пару дней не сыграли бы никакой роли. Не найди они квартиру, отыскали бы корабль, на котором мы отплыли в Оферос.

– Альвина, сейчас и правда тяжелое время, не стоит так горячиться, – попыталась вразумить сестру Мирабель, потому что знала, что другая сестра уже на грани и готова взорваться в любую минуту.

– Вы будете вставать на сторону Риы до тех пор, пока она ни приведет в наш дом врагов, ни откроет им дверь и ни прикажет убить нас всех.

– Что за угрозы? Прекратите обе, нам хватает горестей. Если любая из вас вонзит мне нож в сердце, я ни на мгновение не посчитаю вас предательницами. Значит, я того заслужу.

– Маменька, что же ты такое говоришь! – воскликнула

Мирабель. – Мы любим тебя и будем вечно целовать твои прелестные ручки. Так ведь? – строгим взглядом старшей сестры, который проявлялся крайне редко, она оглядела обеих младших сестер. Те переглянулись, смиренно кивнули и синхронно ответили.

– Так. Мы любим тебя.

Взгляд мамы смягчился, она улыбнулась и вернулась к еде. Тетушка, молча наблюдавшая за сценой, присвистнула.

– Вот почему я не хотела детей.

За столом пронесся смешок.

– И теперь благодаря тому, что у меня нет родных нахлебников, я могу обеспечить вас всех.

– Я пойду работать, – вновь открыла рот Рианелла. – Сидеть в четырех стенах взаперти равняется смерти для меня. Я буду осторожна.

– Я тоже хочу работать, тетушка, – подхватила Мирабель, поддерживая младшую сестру. – Резиденция станет ненавистна нам, если мы не будем покидать ее. Да и Альвине стоит продолжить хоть какое-нибудь обучение.

– Ой, не надо ваших глупостей в стиле сильных женщин, – отмахнулась тетушка и нахмурилась. – Мне хватит денег содержать вас и еще ваших детей.

– Но без работы никак, – пожалала плечами Мирабель, давая понять, что решение не изменит.

– Девочки привыкли к труду, так что не стоит их держать, – сказала мама.

– Это все твои благодетельные замашки, Агнес! – с недовольством произнесла Аврора. – Растили их в бедной среде, так они теперь и богатства не знают. И даже когда есть возможность...

– Аврора, я думала, все это давно в прошлом.

– О чем вы, мам? – тут же оживились все сестры, переглянувшись, и бывшей минуту назад вражды будто и не было.

– Я не хотела, чтобы Агнес выходила замуж за вашего отца. Мне плевать, что он был человеком, меня волновало его материальное состояние. И я понимала, что кузнец не сможет достойно обеспечить мою сестру.

– И что ты предлагала? Бросить его только потому, что он беден?

– К тебе сватались богатые мужчины, – многозначительно сказала тетя, видимо намекая на кого-то конкретного. Брови сестер взметнулись вверх.

– Да, он был богат, но никогда бы не принял меня настоящей и убил бы, если бы узнал, что я ведьма. А с Габрионом я могла быть собой, построила счастливую семью и родила дочерей.

– И где сейчас твоя счастливая семья? – брякнула, не подумав, тетя. Завидев в глазах старшей сестры слезы, она немедленно добавила. – Прости! Я всего лишь хотела, чтобы он защитил тебя, – тетушка накрыла ладонью руку сестры и чуть сжала. – Ты правда хочешь отпустить их работать в Оферосе? – нахмурилась она.

– Почему бы и нет? Висеть вечно на твоей шее они точно не будут. Пусть ищут работу. Быть может, найдут себе место в Оферосе, – ответила мама, но ее голос дрогнул.

– Твоя воля, – отмахнулась тетя и сделала большой глоток из бокала, выражая свое несогласие.

Впрочем, удерживать сестер дома было бесполезно. Каждая рвалась на свободу и все равно не осталась бы в четырех стенах резиденции.

Глава 2. Непривлекательная встреча с привлекательным человеком

Когда я разглядела тебя в толпе,
ты промелькнул для меня также незаметно,
как все остальные.

Но что-то внутри меня заставило запомнить тебя.

Мрачные тучи, нависшие над Оферосом, переместились в мысли Рианеллы. Черные клубы навязчивых, сковывающих дум поглощают ее разум.

Она сидит в большом красном кожаном кресле на втором этаже тетушкиного особняка в библиотеке. За ее спиной раскинулись встроенные шкафы с многолетней пылью, паутиной и настоящими бумажными сокровищами. Рианелла напротив распахнутого окна. Старая пожелтевшая шторка колышется на вечернем ветре. Они прибыли с семьей пару дней назад, но из-за отвратительной погоды никто не покидал стены дома и даже слуги не ходили на рынок. Поиск работы отложился, приходилось коротать время, пусть и в просторных, но четырех стенах.

Рианелла пряталась в библиотеке. Здесь одиночество и тяжелые размышления не решались ее беспокоить, наивно полагая, что девушка кропотливо пыхтит над многолетней историей, собранной в библиотеке, но Рианелла всего лишь курила. Чтобы стойкий запах не задерживался в комнате и не

осел на книгах, она открывала настежь окно, придвигала к нему вплотную кресло и могла часами сидеть, куря и разглядывая пейзаж.

Вид отрывался на подъездную дорожку, лестницу, статуи и черные врата. На мощенном камне образовалась лужа после недавно закончившегося дождя. Виднелись соседние коттеджи, которые меркли по сравнению с тетушкиным домом. Следом – город.

Издалека была видно, как извилистые улочки едва ли не накладывались друг на друга. Из-за возвышенностей и холмов город стоял неравномерно. Некоторые дома были выше других. Столица простиралась на мили вперед, и крошечные крыши домиков растворялись в горизонте. Темно-серое небо нависло над городом. Грозы не было, но дождь шел периодически, периодически омывая Оферос.

Для Рианеллы, выросшей в провинции, казалось, что она приехала в другую страну. Все здесь так отличалось от того места, где она выросла, будто оказалась в новом мире. Никто друг друга здесь не знал и не сплетничал, распространены больше многоквартирные дома нежели частные и даже богачи... даже богачи какие-то не такие. И хотя Рианелла делала выводы только по тому, что видела в день приезда, она понимала: жизнь в Оферосе разительно отличается.

В руках тлела сигарета. Рианелла забывала подносить ее ко рту и сделала всего несколько затяжек. Дым поднимался к окну и уходил в небо. Рианелла сделала затяжку и избави-

лась от пепла, стукнув по сигарете два раза. Пепел упал в маленькую пепельницу из хрусталя, которая стояла на оконной раме. Ее Рианелла привезла из родного города. Пепельницу подарил ей отец, как бы странно это ни звучало. Когда он узнал, что дочь курит, не стал строить из себя строгого родителя, а подарил пепельницу. Теперь даже курение ассоциировалось у девушки с умершим отцом.

Дверь библиотеки тихо скрипнула. Если бы Рианелла не отвлеклась на затяжку, вынырнув из своих мыслей, она даже бы не услышала неожиданное появление кого-то. Рианелла медленно обернулась. К ней направлялась тетя в простом ситцевом платье.

Рианелла немедленно затушила сигарету и отряхнула руки, будто пыталась скрыть следы курения, но запах уже въелся в ее кожу.

– Ни к чему это, – отмахнулась тетя, намекая на то, что Рианелла быстро затушила сигарету в ее присутствии. – Думаешь, я начну кричать и брошусь к твоей матери с криками о том, что она все-таки оплошала в воспитании? – тетя хмыкнула и встала рядом с племянницей, опершись локтями на оконную раму. – Агнес не могла в этом оплошать. Она воспитала дочерей намного лучше, чем мы сами.

Аврора тяжело вздохнула, и у Рианеллы сложилось впечатление, что последние слова не предназначались на всеуслышанье. Скорее всего, тетя случайно обронила свои мысли.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Аврора. – Мирабель

сказала, ты не выходила отсюда с обеда.

– Думаю, – тихо, но твердо ответила Рианелла. Тетя обернулась, выгнув бровь в немом вопросе, мол, о чем же можно так долго думать. – Думаю о мести. Хочу отомстить Слоуденам, которые сдали нас.

– В тебе трепещет гнев, и я тебя понимаю. Кто сдал вас? Почему так вышло? Я не стала спрашивать об этом у Агнес. Она подавлена.

– Ты же знаешь, что отец был кузнецом? Конечно, знаешь, о чем я... – взмахнула рукой Рианелла. Пепельница на оконной раме дернулась и поднялась, вылетела в окно. Рианелла шевелила пальцами, а пепельница тем временем летела по улице, высыпая пепел в кусты. – Отец в последнее время брал меньше заказов. Мы с Мирабель старались работать, и денег вполне хватало. Здоровье же отца не позволяло как раньше ковать железо с прежним энтузиазмом. У нас запросил три клинка чиновник Слоуден. Мерзкой такой тип, – в подтверждении своих слов Рианелла поежилась. – Отец поставил свое условие, произведет не раньше последних чисел следующего месяца. Слоуден пропустил это мимо ушей и счастливый ушел по своим делам. После этого он зачастил к нам с приездами, мол, проверял, как идет работы. Кто знает, может, он уже догадывался обо всем, но он бесцеремонно вламывался в нашу жизнь. Отец объяснил ему, что не стоит так часто приезжать, он направит посыльного с запиской, как только закончит работу. Слоуден потребовал

ее раньше срока. Заявил, что его раздражают расторопные мастера. Сказал, мол, он связан с правительством, ему едва ли не ножки должны целовать. Мне так хотелось его заколдовать! Мирабель вовремя одернула. После этого Слоуден стал приезжать практически каждый день. И ведь не лень же было! Похоже, вынашивал план подобраться к нам. Возможно, что-то знал, но не имел доказательств. В тот день мы с мамой практиковались в фехтовании на черных магических клинках. Слоуден заявился посреди «урока», даже не постучался. Когда мы осознали, что случилось, клинки дрогнули и рассеялись, еще больше подтвердив их магическое происхождение. Все так быстро завернулось. Даже толком сделать ничего не успели. Отец сразу приказал бежать. У него не возникло даже мысли скрыться с нами. Сказал, что задержит их здесь. Пока пройдет его арест и обыск в доме, мы успеем спрятаться. Так и вышло.

– Это ужасно. Никакие они не государственные служащие, а последние убудки. Его ведь теперь повысят! Целую семью ведьм сдал. Альвина сказала, что на ваш след напали. Ты правда осталась в городе, чтобы увидеть казнь отца?

– Я простила с ним таким образом. К костям бы меня не подпустили, а так я попыталась разделить с ним ту боль, что он испытывал в этой агонии.

– Как ты хочешь отомстить Слоудену? Убить его?

– Для начала хочу изучить Оферос. Посмотрю, что происходит в столице. Смерть чиновника привлечет внимание,

да и особой боли он не испытает. Хочу подготовиться. Хочу перевернуть его жизнь.

– Не боишься перевернуть жизнь всего Офероса? – усмехнулась тетя и покосилась на племянницу.

– О чем ты?

Но тетушка промолчала и лишь хмыкнула собственным мыслям.

– Ты знаешь, почему я покинула Шато?

– Мама говорила, в тебе плескался юношеский максимализм.

– Такой же сейчас плещет и в тебе. Но это не так. Я никому не говорила истинную причину моего ухода. Как ты думаешь, в чем она заключалась? – Аврора медленно повернулась, и ее зеленые глаза устремились в фиолетовые глаза племянницы.

– Не знаю, – Рианелла почувствовала необъяснимую тревожность и дернула плечами. – Может быть, ты поругалась с кем-то? Или тебе, как Альвине, крайне не нравилась ведьминская жизнь?

– Не-ет, – тетушка растянула слово, и в ее глазах мелькнула печаль. – С нынешней Главой Шато мы имели маленькую разницу в возрасте и были лучшими подругами. Тогда она еще была обычной девушкой, и наши головы переполняли юношеские мысли. Она знала, что станет Главой Шато, ведь являлась единственной дочерью своей матери, вот только... – глаза Авроры сверкнули. – Однажды в порыве моей любви

к ней я сжала ее ладонь. Крепко, будто стиснула навсегда, – тетя опустила взгляда и сжала ладонь в настоящем, словно воспроизведя воспоминания. – И перед моими глазами замелькали картинки. Много картинок. Но все они показывали одно: великое падение Шато и ужасную смерть моей подруги. И тогда я порывисто запричитала, чтобы она отказалась от поста Главы, потому что ее погубит эта роль. Она не поверила мне. Посчитала мои слова глупыми переживаниями и попытками привязать ее к себе.

– А ты пыталась привязать?

– Я лишь хотела уберечь. Но и привязать мечтала.

– Поэтому ты теперь так одинока?

– Возможно, – неоднозначно ответила она.

– Ну а бедствие, которое ты предвещала? Глава Шато жива и правит на своих землях.

– Никто не говорил, что видение должно случиться сразу. Я отказалась от Шато, потому что знала уже тогда его исход. Да и отношения с подругой испортились.

– Почему ты скрыла это? Не рассказала моей маме? Или другим ведьмам? Главе?

– О том, что я умею видеть будущее знала только она, – задумчиво заявила тетя, отвернувшись обратно к окну, подразумеваемая под «она» теперешнюю Главу Шато.

– Почему тогда делишься этим со мной? – насторожилась Рианелла. Пыталась ли тетя что-то вложить в этот рассказ? Донести нечто страшное до племянницы? Предостеречь ее,

но не прямым текстом? Рианелла совершенно не понимала. Шестеренки в ее голове крутились с особой силой, но никакого подтекста в тетиных словах она не находила. Быть может, она знала еще слишком мало.

– Однажды ты поймешь мои слова. Наверное, даже осудишь, – хмыкнула тетя. – Но этот мир полон осуждений, и тебя никогда не примут такой, какая ты есть.

– Я не виновата, что родилась ведьмой. Я не стесняюсь своего происхождения и буду бороться на благо рода.

– Дело не в этом. Будь ты и человеком, тебя бы осуждали. За внешность, за поведение, за чувства и за любовь. Даже твою месть, которая вполне объяснима, порицали бы в обществе, потому что люди примут только идеального человека. А ничего идеального не бывает. Они делают за закрытыми дверьми то же самое, но кому-то не везет, и он попадает на глаза. Понимаешь, о чем я?

Рианелла уверенно кивнула.

– Ты виделась с Главой Шато после своего ухода? Я имею в виду, твою подругу.

– Нет, – твердо заявила Аврора. – Теперь уже все в прошлом и видеться с ней не имеет никакого смысла. Она была замужем, у нее есть дети, и она Глава. Да и мои видения никогда не ошибаются.

– Твоя жизнь в резиденции похожа на праздничную и легкую, но сейчас, пообщавшись с тобой ближе, я осознаю, как тоскует твоя душа, – поделилась своими мыслями Рианелла,

хотя понимала, что такое слышать тете будет не очень приятно.

– Не может быть легкой и праздничной жизни у того, кому исполнилось сорок, – усмехнулась тетя и опять повернулась к Рианелле. В ее глазах плясало веселье. Но настоящим ли оно было? – Потому что у ведьмы, демоницы или человека, неважно, уже есть прошлое. И это прошлое никуда от тебя больше не денется. Пока вы молоды, вы можете веселиться, потому что скелетов в шкафу у вас не так много.

– О, у меня уже достаточно, – опустила взгляд Рианелла, но на ее губах играла улыбка.

– Ты про Алессио? – игриво спросила тетя.

– Мама рассказывала о нем? – встрепенулась девушка. – Я его не стесняюсь, не стесняюсь своей любви к нему, но вся ситуация... Боюсь, что мы могли поторопиться. По крайней мере, со свадьбой.

– Агнес писала мне, как ты была красива в белом платье. Жаль, я этого не увидела, потому что сестра сказала, что это единственный день, когда она узрела тебя чистой и невинной.

Рианелла закатила глаза. Тетушка рассмеялась.

– Неправда, я просто не хотела опозориться перед всеми. Гостей было немного, мы отпраздновали крайне узким кругом в Шато. Правда, пробыть долго счастливыми нам не позволили, – Рианелла глянула в окно, и ее сердце уколола боль расставания.

– Он знает, что ты уехала?

– Ему должны передать письмо, но я не уверена, дойдет ли оно до него.

– Ты выглядишь опечаленной, но при этом не носишь даже кольца. Не боишься ли ты остыть к нему за время его отсутствия? Ведь неизвестно, насколько еще растянется ваше расставание.

Рианелла опустила взгляд на свои руки, будто кольцо могло появиться из воздуха само по себе. Безусловно, она забрала обручальное кольцо, когда покидала дом, однако, записав его в карман сумки, так и не доставала его. Алессио был далеко, почему же она отказывалась носить хотя бы кольцо, чтобы ощущать его рядом и вспоминать о нем? Она старалась не думать об истинной причине, но тетя так просто расколола ее и озвучила самый большой страх.

– Честно, я жду от него хоть какой-нибудь весточки. Однако в городе очень мало людей знают, что я вообще уехала, уже не говоря куда. Даже Шато в неведении. Мама боялась отослать им письмо, переживая, что его перехватят.

– Я была удивлена, что из племянниц ты вышла первая замуж. Тебе было всего девятнадцать. Характером для замужества подходит, быть может, Мира, но точно не ты.

– Мира хочет раз и навсегда, – отмахнулась Рианелла.

– А ты?

– Я тоже, но в другом смысле... Прозвучало ужасно, да? Я полюбила Алессио, но приняла это быстро и безболезненно

для себя. Моя сестра, скорее всего, писала бы ему длинное письмо в стихотворной форме, где излагала высосанную из пальцы проблему, из-за которой они не могут быть вместе.

Аврора рассмеялась.

– Точно, это в ее стиле.

– Алессио не стал для меня лишним грузом, а, наоборот, отдушиной. Я не искала в любви проблем, мне хотелось легкости. На этом мы с ним сошлись.

– Однако у него были свои тараканы в голове...

– Как у всех нас, – нахмурилась Рианелла. – Не хочу об этом говорить сейчас.

– Понимаю, – тетя кивнула. – Ну-ка, дай своей тетушки сигарету. Алкоголем я тебя спаивать не буду, твоя мать мне этого не простит, а вот закурить я не откажусь.

Рианелла послушно достала пачку и вынула оттуда одну сигарету для тети, но сама курить не стала. Аврора щелкнула пальцами, на них загорелся небольшой огонек, она подошла к сигарете и затянулась. В нос Рианеллы вновь ударил запах табака.

– Знаешь, а мы чем-то похожи, – слишком печально произнесла такие слова тетя. – В детстве я и твоя мать разительно отличались. Мы никогда не соперничали друг с другом, но общество хотело столкнуть нас лбами. Агнес была более рассудительной, спокойной, с серьезностью относилась ко всем вещам. Я влюблялась, расплескивалась чувствами, творила то, что сейчас и вспоминать стыдно. Агнес всегда ме-

ня тормозила. Пыталась поставить меня на путь праведный. Во всем, – тетя бросила на племянницу взгляд, оторвавшись на секунду от сигареты, и многозначительно подмигнула. – Если ты понимаешь, о чем я. Я же пыталась уговорить ее не выходить замуж за бедного мужчину, а согласиться на богатое сватовство. Мы обе совершенно не слушали друг друга. И вот, к чему это привело. Обе насладились мгновениями счастья, посчитав, что наш выбор был правильным, а теперь рыдаем у разбитого корыта.

– Не нужно загонять себя в рамки и твердить о том, что жизнь кончена. Все может прийти и уйти. Не стоит заикливаться на чем-то одном.

– Да, мы с тобой точно похожи, – усмехнулась тетя. – Мои слова цитируешь. Единственное, чем мы различаемся, ты слишком рвешься на работу. Оставайся в особняке, Риа? Будем вести беседы такими тихими вечерами? Они не заменят ни одно светское мероприятие.

– Вечера буду стараться проводить дома, – пообещала Рианелла, хмыкнув от того, как тетушка назвала свою крупнейшую резиденцию особняком. – Но уже завтра, если позволит погода, отправлюсь в город. Работа нужна и мне, и Мирабель не только ради денег, но и ради общения и глотка свежего воздуха. Мама никогда не сидела без дела. Сколько себя помню, она занимала свои руки хоть чем-то: готовкой, уборкой, практикой в магии, садоводством, вышиванием, вязанием, рисованием... Мы с Мирабель выросли таки-

ми же. Даже курить для меня уже дело, лишь бы руки свободными не были. А вот Альвину ты учиться не заставишь. Сейчас скажи ей окончить хоть одни женские курсы, какие нам позволит Исливария, она будет отнекиваться до последнего и бить кулаком в грудь, что согласна на светские вечера. Она не понимает, что у нее единственной есть шанс выйти в люди, раз она не ведьма.

– Я переговорю с ней. Уговаривать людей я умею.

Впервые за последние несколько дней солнечные лучи пробиваются в спальню Рианеллы. По привычке девушка, позабыв, что такое солнце, не задернула шторы, поэтому теплый свет окутал ее комнату и разбудил. Разлепив с трудом веки, она попыталась оглядеть пространство вокруг, чтобы сознание вернулось к ней. Кажется, спать легла она около трех часов и совершенно не выспалась.

Дверь распахнулась. В спальню влетела Мирабель в легком синем платье с кружевными манжетами и воротничком. Она бросилась к сестре и попыталась стащить ту с постели.

– Вставай скорее! Вставай же, Риа!

Рианелла оттолкнула сестру и перевернулась на другой бок в надежде, что сестра отстанет от нее. Однако Мирабель не успокоилась. Казалось, она получила прекрасные новости.

– Просыпайся! После завтрака пойдем в город! Ты по-

смотри, какая благодать на улице! Такой благодати давно мы не видели!

Слова Мирабель немного прояснили мысли Рианеллы. Она приподнялась на локтях, глянула на полностью собравшуюся сестру и перевела взгляд в окно: на голубом небе и правда светило яркое солнце.

– Надо покурить, – прохрипела Рианелла и поднялась с постели, закутываясь по сильнее в шелковый халат. Несмотря на теплую для осени погоду за окном, в резиденции было довольно прохладно.

Мирабель недовольно скривилась и отскочила от сестры, но не стала ей запрещать. Опустившись в кресло, стоящее рядом с кроватью, она добавила.

– У тебя уютно.

– Будто ты здесь не была, – опять хрипнула Рианелла и попыталась откашляться. Холодный ветер из открытого окна пронзил ее и наполнил комнату, унося с собой запах сигарет. Спальня и правда была уютной. Мебель в темных тонах, обои теплого оранжевого цвета, будто солнце на закате, красная оббивка кресла и стульев. Мягкая белоснежная перина на кровати. В таких роскошных покоях девушка никогда не жила.

Двухстворчатые двери вновь открылись. Показалась Альвина в шелковом зеленом платье с черным пояском. Скрестив руки на груди, она оглядела старших сестер и закатила глаза, выражая недовольство по поводу курения. Притворив

за собой двери, она недовольно выдала.

– Тетя уже направила письмо к местному ремесленнику, чтобы тот взял меня в свои ученицы. Словно я дочь сапожника какая-то! – возмущенно выдохнула она и плюхнулась на один из стульев, раскладывая руки на высоких подлокотниках.

– Ты дочь кузнеца, – напомнила Рианелла.

– Чем заниматься-то? – поинтересовалась Мирабель. – Вряд ли сапоги шить.

– Полотна бисером вышивать.

– Это дорого, – тут же заявила Рианелла. – В жизни точно не пропадешь, если научишься. Дело довольно стереотипное и будто бы патриархальное, но, я считаю, денежное.

– Вот и вышивай своим бисером, – недовольно буркнула Альвина. – Зачем учиться, если сейчас у нас есть деньги? Когда начнутся проблемы, тогда сразу выйду на работу.

– Куда тебя возьмут, если ничего не умеешь? – попыталась вразумить ее Рианелла.

– Ты со своими музыкальными курсами много куда устроиться можешь? А Мирабель с педагогическими?

– Прекрати ерничать, – отрезала Рианелла, затушив сигарету. Альвина уже открыла рот возразить, однако, не стала. Видимо, понимала, что старшая сестра злится. Какой бы характер ни был у Альвины, она слушалась старших сестер даже больше, чем родную мать.

После того как Рианелла переделась в длинное красное

платье и взяла вязаный темный свитер, девушки спустились на первый этаж. В столовой уже сидели мама и тетя, так что оставалось только присоединиться. Впервые в резиденции после приезда гостей, словно с появлением солнца, возникло и радостное настроение, желание шутить и искренне смеяться.

Как и планировалось, после завтрака сестры направились в город пешком. Они хотели прогуляться. Аврора настаивала на том, чтобы приставить к ним сопровождающую служанку, но девушки отказались.

Чем дальше они уходили от резиденции, тем многолюднее становилось. Оферос встретил их шумом. И чем ближе Центральная площадь, тем сильнее этот шум. Людей вокруг было так много, что они смешивались в один большой клубок. Никто ни на кого не обращал внимание, и каждый спешил по своему делу. Отовсюду доносились голоса, крики и смех. Во входных дверях многоквартирных домов исчезали жители. На балконах мелькали женщины с постиранными вещами и курящие мужчины. Какие-то подростки целовались в узком переулке. Во дворах частных домов слышался шум маленьких детей и звуки животных. Какая-то ребятня отрывала облупившуюся краску с дома. По дороге неся экипаж, запряженный двумя скакунами. Дорогие повозки смешивались с бедными телегами. В окошках мелькали абсолютно разные лица.

Мирабель, Рианелла и Альвина шли бок о бок, периоди-

чески хватая друг друга за руки, чтобы не потеряться. В такой толпе они оказывались крайне редко. В их родном городе почти все население собиралось на Центральной площади по праздникам, а тут такое происходило каждый день.

– Нам нужно привыкать к такой бурной жизни! – крикнула Мирабель.

Рианелла стыдливо оторвала взгляд от магазинных витрин. Прозрачные стекла на переулке скрывали множество разных товаров: одежду, украшения, овощи, мясо, сладости и хлеб. Одна только украшенная бумажными вырезками пекарня привлекала взор Рианеллы. Хотелось забежать в эту дверку и скупить все, что там продавалось. В их провинции хлеб покупался в лавках на рынке, ни о каких витринах и целых магазинах там не слышали, поэтому девушки чувствовали себя крайне странно, очутившись в таком волшебном мире после стольких лет в захолустье.

Девушки медленно шагали по дорожке дальше, стараясь не терять друг друга из вида. Они подобралась уже к Центральной площади, и толпа окончательно их поглотила. Центральная площадь представляла из себя огромную площадку, в центре которой находилась статуя обнимающихся мужчины и женщины, которые махали руками, будто здороваясь со всеми. Рядом со статуей построена деревянная сцена, чуть возвышенная над остальными. На ней делались разные объявления и показывались сценки по праздникам.

По самой площади не могли ездить кареты и экипажи,

поэтому здесь было немного тише. Повозкам требовалось объезжать площадь, чтобы не загрязнять центр города. Площадь была окружена многоэтажными домами разных нейтральных цветов, которые прилипли друг к другу. В некоторых местах имелись арки во внутренние дворы, но переулков между зданиями не было. В одном месте круг из домов разрывался, и дальше вела вниз дорога. Оттуда уже доносились звуки экипажа. Дорога вела в сторону порта и пристани, к морю. Из-за возвышенности Центральной площади с нее открывался чудесный вид на горизонт и синее море.

Девушки восхищенно переглянулись, и Рианелла не сдержалась, воскликнув.

– Вау, здесь просто прекрасно!

Никто не мог оспорить ее слов.

Поговорив с прохожими, девушки выяснили, где находилось здание областного управления, и сидели чиновники. Сестры направились туда, чтобы оставить на рынке труда свои вакансии. Заполнив анкеты, куда они вписали полную информацию о себе и об образовании, девушки покинули администрацию. После этого все-таки зашли в пекарню и купили сладости, не сдержавшись такого напора со стороны красочных витрин.

Рианелла чувствовала себя почти полностью счастливой. Над головой светит солнце, рядом сестры, они оставили вакансии для поиска работ, купили сладости и гуляют по шумному Оферосу. Что может быть лучше? Они же свободны!

Пока сестры разглядывали витрины, разинув рты, Альвина случайно столкнулась с каким-то парнем. Рианелла ловко подхватила ее, ставя на ноги. Густо покраснев, Альвина принялась извиняться. Парень, высокий блондин, повернулся и удивленно оглядел девушек. Поняв, что на него едва ли не свалилась невысокая брюнетка, он широко улыбнулся и, слегка растягивая слова, начал причитать, что в этом нет ничего страшного.

Альвина с ее манерой лести и комплиментов пуще прежнего стала извиняться и отвесила парочку комплиментов парню, чтобы задобрить его, хотя он не злился. Рианелла отпустила сестру и, закатив глаза, повернулась к старшей. Пряча улыбку в кулак, Мирабель хихикнула. Не прошло и часа, Альвина уже сцепилась языком с каким-то слащавым юнцом, который с трудом годился ей в ровесники.

Альвина, хлопая глазками, кажется, уже успела завести дружеский диалог с незнакомцем. Сестры неловко переминались с ноги на ногу. Вроде обрывать разговор не хотелось, но и вокруг было столько всего интересного!

Рианелла, быстро заскучав, слушая щебечущую речь сестры, стала озираться по сторонам. Вокруг сцены собралась густая толпа. Они слушали речь, появившихся на деревянном возвышении мужчин и двух женщин. Рианелла прищурилась. Люди вслушивались в каждое слово. О чем выступающие говорили, Рианелла не слышала, но нахмурилась. Хлопнув сестру по плечу, она бросила.

– Встретимся у статуи, не задерживайся! – и, схватив Ми-
рабель за руку, потащила в сторону сцены. Мирабель попро-
бовала сопротивляться, не желая оставлять Альвину одну,
но Рианелла спокойно ответила. – Я тоже хочу развлекаться.
Альвина не одна, нашла себе поклонника. Да и куда она де-
нется на площади! Если она заблудится, буду звать ее тупи-
цей до конца жизни.

Приблизившись к сцене, Рианелле удается разглядеть вы-
ступающих. По их облачениям она сразу догадывается, что
они из Церкви. Церковь Офероса Рианелла еще не видела,
поэтому ей было любопытно рассмотреть местных охотни-
ков за нечистью, которые прикрываются верой в Небеса.

На деревянной сцене стояло четверо мужчин и две жен-
щины. Женщины были облачены в длинные черные мона-
шеские одеяния, закрывавшие полностью их тела, кроме ла-
доней. На голове у женщин были длинные черные платки,
которые завязывались толстой белой лентой. Лица монахинь
были серыми и померкшими, в глазах не горела жажда жиз-
ни. Они были уже в возрасте, примерно ровесницы ее мате-
ри, но казались старухами. Они больше походили на ведьм,
нежели сама Рианелла.

Мужчины были облачены в абсолютно одинаковое об-
мундирование. На них были серебристые костюмы, кото-
рые мелькали при ярком свете солнца. Костюмы состояли
из брюк и камзола, достигающего мужчинам ровно до черного
ремня брюк. Камзолы застегивались на золотые пуговицы и

на груди имели белый блестящий орнамент расправленных крыльев. Их руки закрывали белые перчатки. Их притворно сладкая внешность и крылья на камзоле, олицетворяющие свободу, вызывали лишь рвотный рефлекс.

– Пойдем отсюда, – дернула ее за рукав Мирабель. Кто-то в собравшейся толпе шикнул на нее, будто девушка мешала слушать великого композитора или поэта, а не лицемеров Церкви.

– Подожди, – прошептала Рианелла. – Давай послушаем их бред.

Весь отряд молчал, кроме единственного мужчины, стоящего чуть впереди. Похоже, он был главным и самым харизматичным, поэтому его выбрали на эту роль. Мужчина, лет на пять старше Рианеллы, был высоким и широкоплечим, однако, его телосложение можно было назвать худым. Камзол облегал мужчину и обрисовывал формы тела, когда тот двигался. Точно, худой, но довольно жилистый и сильный. В одной руке, облаченной в белоснежную перчатку, он держал второй такой же идеально чистый кусок ткани.

Кожа у него была цвета слоновой кости, выделялся острый подбородок и такие же острые скулы. Светлые русые волосы крупными волнами идеально покрывали голову, видимо, уложены каким-то специальным средством, потому что они даже поблескивали на свету. Рианелла хмыкнула себе под нос: она меньше уделяла внимания своим волосам. Густые брови сошлись на переносице. Особое внимание при-

влекали его прозрачные голубые глаза, которые будто разноцветное стекло, отражали его эмоции. Весь он был каким-то слащавым и слишком правильным, с одной стороны, мужественным, но, с другой, изящным. Про такого мужчину можно было смело сказать: привлекательный. Но привлекательный не из-за чересчур прекрасных черт лица, а со стороны искусства. Будто парень сам был воплощением Небес.

Его речь была складна, он не заикался и не использовал слова-паразиты. Он ласкал слух своим говором и тембром. Но Рианелла на это не повелась. Она слышала в этих сладких речах истинных подтекст.

– Наши меры радикальны, однако, это необходимо для удержания власти. Представьте, мы ослабим бдительность и что тогда? Ваши дочери будут выходить замуж за демонов, а сыновья жениться на ведьмах? Во что тогда превратится мир?

«В равноправное существование» – хотелось крикнуть Рианелле, но она сильнее сжала зубы. Такого бы на Центральной площади ей точно не простили.

– Род человеческий особенный, он разумен и сумел эволюционировать. Вся нечисть, как монета с двумя сторонами, эволюционировала вместе с нами. Но некоторые демоны! Что они из себя представляют? Сгустки энергии, неспособные говорить на человеческом языке! Кто они такие? Разве достойны они делить с нами землю?

«Они демоны из своих родов, со своей речью и правилами»

ми. Не все они отравляют людям жизнь. А среди людей и так достаточно тех, кто молится не богам, а существам, отвечающим за соблазн, месть и проклятия. Кто они, по мнению людей? Неужели они думают, что за такие грехи отвечают боги? О, нет, они просят исполнить свои желания демонов, а потом сами же их ловят и истребляют».

– Ведьмы околдуют нас! Навлекут на нас свои чары и захватят власть. Для этого нужно искоренять зло.

«Нет, вы просто ненавидите тех, кто может оказаться сильнее вас».

– Ведьмы способны соблазнить и мужчин, и женщин, предать их разврату. Сколько нам известно историй с очарованными юношами, которые женились на ведьмах, даже зная об их происхождении? Так зачем же нам убивать сородичей, нам стоит искоренить зло, изжить его...

Договорить парню Рианелла не дала. Ее нервы сдали. Такой сумасбродной речи она не слышала давненько даже от Церкви. Вот это отряд промывал людям уши! Они буквально пропагандировали исключительно одни идеи – убивать нечисть – не давая людям даже выбора.

– А может они просто любили? – раздался голос Рианеллы в толпе. Звонящая тишина оглушила будто всю площадь. Люди оторвали взгляды от выступающего и отыскивали в толпе столь смелую девушку. Рианелла не могла позволить, чтобы такие оскорбления сыпались в сторону ведьм в ее присутствии. Да эти падкие мужчины сами кланялись ведьмам

в ноги и молили их о любви! И теперь смеют обвинять женщин? Хоть где-то женщины не будут виноваты? – Про какое соблазнение ты говоришь? – крикнула Рианелла незнакомцу, щурясь от солнца, но гордо смотря вверх, пытаясь сохранить с парнем зрительный контакт. – Ты сам-то разве не отдавался соблазну? За закрытыми дверьми, я уверена, ты делал вещи и похлеще тех, о которых говоришь на людях! Так зачем проповедовать ту жизнь, которую не ведешь сам?

– Девушка... – начал он твердым голосом, будто хотел переубедить Рианеллу и объяснить ей что к чему. Но Рианелла перебила его, упрямо и грубо продолжая.

– Да как ты вообще...

Ее оборвали на полуслове. Чья-то теплая ладошка заткнула ей рот, не позволяя больше сорваться с губ ни единому слову. Рианелла попыталась вырваться, но Мирабель так крепко схватила сестру, что не дернешься. Все уставились на них, но Церковный отряд не шелохнулся, продолжая стоять на сцене, лишь растерянно переглядываясь. Похоже, они не привыкли, чтобы им перечили и так открыто выражали несогласие.

Мирабель цепко ухватила сестру за руку, второй все еще зажимая ее рот, и, бросая извинения во все стороны, буквально поволокла разъяренную Рианеллу прочь.

Оттащив ее на приличное расстояние и спрятавшись за статуей, Мирабель наконец-то отпустила Рианеллу, и та раздраженно принялась плевать, пытаясь поправить волосы и

сжечь взглядом сестру.

– Зачем ты меня остановила? Почему не разрешила высказаться? Они ведь не правы, Мира! Они не священники, а лжецы!

– Это не значит, что нужно так открыто кидаться на них, – спокойно отреагировала Мирабель, следя за выходками сестры. Вдруг, еще чего выкинет.

– Я... – Рианелла запнулась, сделала глубокий вздох. – Я не могу спокойно стоять в стороне, пока они несут такую околесицу про ведьм.

– Знаю, – кивнула Мирабель. – Но умерь пыл. Тебе нужно быть поспокойнее, иначе тебе несдобровать.

– Что случилось? – нахмурилась Альвина, которая буквально выросла из-под земли. Старшие сестры подпрыгнули от неожиданности и уставились на девушку.

– Ничего, – тут же ответила Мирабель. – Рианелла едва ли не потерялась в толпе, бурно реагируя на все вокруг. Вот я и сказала ей быть осторожней.

– Ладно, – согласилась Альвина. – Вернемся домой? От шума уже разболелась голова.

– А где твой блондин-поклонник?

– Он попросил у меня адрес, и я назвала выдуманную улицу. Боюсь, нам не судьба больше встретиться, – усмехнулась Альвина не слишком расстроено.

Сестры вернулись домой к обеду. Переполненные эмоциями и впечатлениями, с юношеским румянцем на щеках, они

наперебой рассказывали маме и тетушке, что видели и слышали, лишь старшие умолчали о позорном эпизоде.

– Мы тоже не сидели без дела, – после бурного рассказа племянниц сказала Аврора. – Я договорилась об учебе Альвины. Будешь заниматься вышиванием бисером. И не смотри на меня так, – вдруг строго заявила тетя, глядя на Альвину нахмурено. – Не будет учебы, не будет и светских мероприятий в твоей жизни.

Альвина обиженно надулась, но послушно пробормотала.

– Хорошо, тетушка. Приступлю к учебе.

– Вот и отлично, – искренне порадовалась мама. – Я тоже устроилась на работу. Вернее, Аврора мне помогла, – неловко пробормотала мама. – Вас она не сломала своим желание помочь, – она усмехнулась. – А мою карьеру устроила. Я буду работать в больнице медсестрой. Быть может, даже ведьминские способности пушу на благо человечества.

Рианелла фыркнула, однако, ее эмоцию заглушили поздравления Мирабель. Рианеллу распирали гнев. Почему к ведьмам так несправедливо относятся? А к демонам? Люди ведь правда часто поклоняются им, чтобы получить то, что обычно не обсуждают в общественных местах?

Как же ей добиться того, чтобы ведьм принимали такими, какие они есть? Сколько лет ей потребуется сражаться, чтобы доказать, она не преступница? Сколько времени ей потребуется, чтобы обрести свое место в этом мире, успокоить жажду мести и счастливо зажить? Ведь эмоции так и распи-

рают ее.

Глава 3. Плохое предчувствие, предвещающее появление наглой незнакомки

Если бы я мог попросить о чем-нибудь,
Что точно исполнится,
я бы хотел вернуться в тот момент,
когда мы встретились.
Тогда сейчас все было бы по-другому.
Я сделал бы все,
чтобы не заметить тебя в толпе.

Яркие солнечные лучи так удивляют, что Ноэль то и дело отрывает взгляд от разложенной на столе письменности и поднимает голубые глаза на пейзаж за окном. Солнечные лучи Оферос не видел уже несколько дней. Осень так поглотила город, что никто и не думал, будто она вернет хорошую погоду хоть на мгновение. Но нет, грозы закончились, тучи рассеялись, и настало благоприятное мгновение.

Раннее утро, но Ноэль уже сидит за столом. Нужно успеть прочесть и написать письма. Перед ним стопка непрочитанных писем, а также чистый лист бумаги и чернила, подготовленные для нового письма. Почему-то слова не идут в голову этим утром.

Рядом кружка крепкого кофе, который принесла един-

ственная в доме служанка. Ноэль делает щедрый глоток и поправляет шелковую рубашку для сна. Ему душно, хотя окно приоткрыто, а легкий наряд для сна пропускает ветерок.

Сделав тяжелый вздох, взъерошив русые волосы и глотнув кофе, Ноэль наконец-то принимается писать письмо.

«Моя дорогая!

Надеюсь, это письмо еще застанет тебя дома. Твой отец написал мне на днях, что ты должна прибыть в Оферос. Я очень жду тебя и нахожусь в крайнем волнении. Твой приезд должен преподнести новые эмоции. Я так странно себя чувствую, что даже сейчас эти слова даются мне с трудом. Твое прибытие в Оферос означает более частые наши встречи, и я нахожусь в предвкушении того, что смогу любоваться твоим ликом и наслаждаться нежными речами практически каждый день.

Мне хочется показать тебе Оферос. Я знаю, что ты уже бывала в столице не раз, но мне хочется рассказать именно о тех местах, которые значат нечто для меня. К тому же, я прочитал несколько томиков поэзии и могу задекламировать тебе выдающиеся стихотворения. Я знаю, долгая поэзия утомляет тебя, но эти произведения искусства должны коснуться твоего слуха!

Я еще не говорил о твоём приезде дедушке и сестре, но все в восторге только от одной мысли о свадьбе. Представляю, как после церемонии ты переедешь в нашу усадьбу, и мы будем вместе встречать рассветы. Делить с кем-то эти эмоции –

это намного важнее дележки постели, и я верю, что мы уживемся с тобой, и быт не станет тем, что заставит очерстветь наши сердца и превратиться в обычных сожителей, которые называют друг друга мужем и женой, женившимися когда-то по случайной тени влюбленности.

Передай твоему отцу от меня низкий поклон. Я целую твою ручку и ожидаю твоего приезда. С уважением, твой Ноэль Лékвелл!»

Отложив готовое письмо, Ноэль вновь схватил кружку кофе. Обычно он растягивал напиток на все утро, до сборов на службу в Церковь, а сегодня осушил в несколько глотков. Впрочем, все этим утром было странное: и неожиданно хорошая погода, и отсутствие мыслей, и быстро выпитая кружка кофе.

Ноэль еще раз пробежался глазами по письму невесте и запечатал его, готовя к отправке. Никаких громких слов любви и пафосных обещаний, хотя они вот-вот должны были жениться. Все кратко и по делу, а любовь выражена в простых словах уважения и заботы. И когда невеста уже придет в Оферос, время до свадьбы промчится незаметно, и возможности сомневаться в своем выборе больше не будет.

После этого Ноэль тянется к стопке запечатанных писем. Верхнее же прямым из Церкви и подписано Патриархом лично Ноэлю. Парень спешит открыть его. Обычно Патриарх не посылает ему писем и записок, ведь они обязательно увидятся на службе. Похоже, ситуация была критической, и

требовалось доложить информацию без лишних ушей.

Руки Ноэля дрогнули, когда он развернул письмо. Мелкий почерк Патриарха было очень трудно разобрать, и парень нахмурился, выглядывая слова главы Церкви.

«Ноэль, мальчик мой, дело не терпит отлагательств! Отправляю тебе посыльного с письмом. Понимаю, что уже сегодня мы свидимся в Церкви, но работать нужно начинать уже сейчас. Областная Церковь доложила нам о деле о сожженном человеке, причастному к порочному роману с ведьмой. По предварительным данным, его жена и дочь (единственный ли она ребенок?) сбежали. Впрочем, думаю, ты уже слышал эту историю.

Ты тот, кому я полностью доверяю, и я хочу, чтобы ты занялся общественной работой и сегодня часов в одиннадцать утра выступил с речью на Центральной площади и объяснил людям их верный путь. Пусть те, кто только задумываются над грехом, встанут на правильную дорожку.

Я бы сам занялся этим, но теперь необходимо помимо общих задач насчет вечерних служб заниматься и расследованием побега ведьм. Твой голос будет услышан народом, я уверен. Вразуми их и наставь грешников, а тех, кто живет по воле Небес, напомни им праведный путь. Ведьмы способны очаровать, но нам нельзя давать слабину даже людям, с ними связавшимися. С утренней службы я тебя, безусловно, отпускаю. Возьми некоторых ребят и огласи свое мнение народу. Уверен, оно будет схоже с моим.

Забегу сегодня после утренней службы в Церковь, я дам тебе еще несколько наставлений и расскажу о всплывших в деле ведьмах;

С уважением, Патриарх».

Ноэль вздохнул. Еще раз пробежался по тексту. Буквы разбегались перед глазами. Что же сегодня за день такой? Все идет как-то не так, как обычно. Дурное предчувствие буквально повисло в воздухе.

Про сбежавших ведьм и сожженного человека в провинции Ноэль, конечно, слышал. Вся Исливария, особенно Церковь, только и обсуждала это событие в последние дни. Почему именно Оферос занимается расследованием этого дела? Неужели есть доказательства побега ведьм в столицу? Если так, то Ноэлю немедленно требуется вступить в отряд по поимке ведьм, отыскать нечисть и изничтожить ее своими руками, чтобы хоть немного подавить жажду мести.

Патриарх говорил, что месть – это чувство, от которого должны отказаться священнослужители и те, кто состоит в Церковном отряде. Ноэль был согласен с ним, но столько несправедливости он перетерпел в жизни, что теперь не мог просто взять и отказаться от мести. Он хотел заставить мучиться виновных так, как всю жизнь мучился он и его семья.

Отложив письмо в сторону, Ноэль сжал переносицу. Читать остальные письма расхотелось, и он оставил их на вечер.

В дверь постучали. Он быстро оглядел свой растрепанный вид, но понимал, что собраться не успеет, поэтому, подняв-

шись, попросил войти пришедшего. На пороге появился дедушка Ноэля, Луис, держа на руках племянницу Ноэля, свою правнучку Элоизу.

Элоиза прижималась к дедушке, обвивая своими тоненькими детскими ручками его шею. Несмотря на возраст, дедушка таскал четырехлетнюю внучку на руках и выглядел вполне бодро. Ноэль обожал дедулю, тот воспитал его и сестру, вложил душу в свое дело и был обманут семьей, отчего все, кто у него остались: Ноэль, да его сестрица с дочерью.

Ребенок еще, кажется, дремал. Дедушка постоянно подталкивал ей длинный плед, тянущийся за ними хвостом, на плечи, чтобы закрывать спину. Дедушка в привычной своей рабочей одежде (похоже, уже с утра копался в саду), в рубашке с закатанными до плеч рукавами, в холщовых брюках, вошел в комнату и чуть улыбнулся Ноэлю в знак приветствия.

Ноэль попытался одернуть пониже свою рубаху для сна, чтобы выглядеть хоть немного подобающе дедушке, но тот махнул свободной рукой. Ноэль подошел к нему и забрал Элоизу. Теплое тельце ребенка также прижалось к нему, как до этого к старику. Ноэль невольно по привычке покачал племянницу, и та во сне дернулась, нахмутив свои тоненькие бровки.

– Сегодня такое прекрасное утро, – негромким голосом сказал дедушка. Он покосился на внука, затем на Элоизу и после этого перевел взгляд в окно.

– Не сказать, – отмахнулся Ноэль. – Но погода и правда

чудесная.

– Что-то случилось? – искренне поинтересовался дедушка, с тяжелым стоном усаживаясь на кресло. – Уложи ее, – строго попросил он, указывая на ребенка.

Ноэль тут же развернулся в сторону своей постели, положил Элоизу и накрыл по самый подбородок пледом. Ребенок продолжал безмятежно спать, даже не почуввав то, что его переложили на кровать.

– Зачем ты вытащил ее из кровати? – глядя на племянницу, спросил Ноэль.

– Она проснулась и начала плакать. Кажется, приснился какой-то кошмар. Селеста разволновалась, а ей и так нездоровилось сегодня ночью, – дед вздохнул, с нежностью глядя на правнучку.

– Элоиза, как обычно, не могла покинуть покоев сестры?

– Да. Прилипчивая она у нас. И то плохо.

Сердце Ноэля болезненно защемило. Его сестра Селеста была инвалидом, ноги ее не ходили после жестокого нападения, и тело постоянно преследовала слабость. Теперь даже держать на руках дочь ей было крайне тяжело.

– Я убью их всех, – прошипел сквозь зубы Ноэль, и его пальцы невольно сжались в кулаки.

– Не горячись. Селеста не просит от тебя того и напоминает, чтобы ты боролся со своим гневом. Негоже такому знатному мужу, как ты, подчиняться эмоциям, – остановил его вспльщивость мужчина. Ноэль послушно кивнул. Оба по-

молчали. – Но от ответа не уходи, Ноэль, – жестко напомнил дедушка, намекая на то, что хочет знать: все ли в порядке у внука.

– С утра прислал Патриарх письмо, сегодня нужно будет выступить на центральной площади по поводу недавно сбежавших ведьм. Он хочет видеть меня в Церкви после утренней службы, чтобы я мог выслушать его насчет этого дела. Честно, у меня какое-то дурное предчувствие.

– Можешь остаться дома, я напишу Патриарху, что тебе нездоровится.

– Я уже не ребенок, – Ноэль покачал головой. – К тому же, мое предчувствие не связано со здоровьем. Наверное, погода на меня так влияет. Пойду собираться, – тут же добавил Ноэль, чтобы дед не стал его переубеждать. – Оденусь в ванной, заberi Элоизу, как проснется.

По прибытии в Церковь утренняя служба уже закончилась, поэтому холл и главный зал были пусты. Здание главной Церкви в готическом стиле находилось в центре города, и его было видно издалека. Высокая башенка со шпилем, внутри которой колокол, резные двухстворчатые двери, боковые стены увиты плющом и ветвями цветов, которые распускались по весне, но сейчас представляли из себя голые палки.

Внутри за душным холлом следовал главный зал с рядами старых деревянных лавочек с высокими спинками, в центре алтарь. Окна расписаны витражами и сейчас распахнуты,

впуская в большое помещение легкий ветерок. Боковые двери вели на каменную лестницу, которая не освещалась. На втором этаже приходские монахи, монахи и разные священники устраивали аудиенции с людьми, чтобы те могли покаяться в своих грехах. В других комнатах второго этажа находились библиотека и кабинет Патриарха, где он собирал Церковные отряды или священнослужителей для наставлений.

На первом этаже Ноэля встретил только Залан. Залан Уэлбон был юным (ему едва-едва исполнилось восемнадцать) единственным сыном Патриарха. Его русые, практически белые волосы были собраны в аккуратный пучок и зализаны до такой степени, что не торчала ни единая прядка. Патриарх ненавидел, когда у сына были не собраны волосы, и он порывался их постоянно отстричь, но парень не позволял. Серые глаза покраснели от слез. Серое облачение для начинающих священнослужителей висело на нем, как мешок. На груди, словно давил на тело и тянул шею к земле, болтался большой деревянный крест. Тонкие белые пальцы парня держали метлу и медленно водили ей по полу, больше разнося пыль и грязь, нежели подметая.

– Здравствуй, Залан, – поздоровался Ноэль, слегка кивнув ему. Молодой человек оторвался от своего монотонного дела и вздрогнул, похоже, не заметив, как вошел парень.

– Доброе утро, лер³ Леквелл, – он значительно ниже по-

³ Лер – уважительное обращение к мужчине.

клонился и прижал к себе метлу, будто Ноэль собирался ее отбирать.

– Как алер⁴ Уэлбон?

Губы паренька дрогнули.

– Верим в лучшее и молимся Небесам, господин, – вымолвил Залан слабым голосом и опустил взгляд. Ноэль прекратил допрос и прошел к боковой двери, чтобы подняться на второй этаж.

Ноэль не ожидал кого-то там встретить, поэтому, постучавшись, без приглашения вошел в кабинет Патриарха, однако, в удивлении замер, увидев весь Отряд и несколько священников, выстроившихся по линии перед Патриархом. Дорогое облачение Патриарха волочилось за ним, когда он расхаживал перед подчиненными. Строгие серые глаза вглядывались каждому в лик, пытаясь проследить за всеми эмоциями.

Патриарх замолчал и остановился, услышав чей-то приход. Обернувшись, он увидел Ноэля, и на его хмуром лице отразилась легкая улыбка, показавшая мелкие морщинки по всему лицу. Патриарх похлопал по плечу командира Церковного отряда, своего личного ученика, а Ноэль низко поклонился. Патриарха парень считал своим отцом и доверял ему безоговорочно. Верность ему с самого детства поглощала сердце Ноэля.

После смерти родителей обучаться в престижных школах

⁴ Алер – уважительное обращение к замужней женщине.

для мальчиков возможности не было, а к обычным Ноэль был не готов. Тогда дед отдал его Церкви, где Патриарх, в те годы только-только получив статус и титул, принялся обучать мальчишку, впоследствии направил его в Церковный отряд и сделал его командиром. Для сироты-Ноэля Патриарх был настоящим отцом, который всегда оказывался рядом в минуту, когда паренька охватывали гнетущие мысли, и он ставил ученика на путь праведный. Патриарх показал, что такое добро и зло, как нужно бороться с плохими людьми, какой образ жизни вести.

– Вот и командир прибыл, лер Леквелл.

Все поклонились. Мысль о том, что Патриарх особенно гордился своим учеником, доверял ему и относился с таким же теплым чувством, как относятся к родным детям, согрела душу Ноэля. Он боялся не оправдать ожиданий Патриарха или очернить его репутацию, поэтому жил так, как наставляла Церковь.

Ноэль тоже занял позицию в построении и слушал дальнейшую речь Патриарха.

– Дело крайне серьезное не только потому, что ведьмы сбежали, но и по той причине, по крайней мере по переданным данным областной церковью, ведьмы имеют связь с Южным Шато, которое мы так долго разыскиваем, но никак не способны обнаружить. Ведьмы прячутся от нас и безмятежно живут там на протяжении уже многих лет. Именно Оферос должен заняться этим делом, чтобы изгнать нечисть

из Исливариин. Поисковую работу будут исполнять назначенные мною люди, Церковный отряд тоже будет являться частью этого дела, – Патриарх покосился в сторону Ноэля. – Внешность ведьм практически неизвестна, никакой информации из сожженного лера мы тоже не получили, – буркнул Патриарх и нахмурился. – Я попросил Глав каждой территории Офероса дать отчет о возможных местах нахождения скрываемых ведьм. Розыск уже ведется. Однако данных слишком мало, мы будто ищем иголку в стоге сена. Сегодня часть Церковного отряда выступит с речью на Центральной площади, быть может, люди посодействуют нам и помогут в поисках ведьм.

Все согласно закивали.

Патриарх закончил свою речь типичной фразой: «да благословят нас Небеса», и все собравшиеся начали расходиться. Ноэль задержался. Патриарх, кажется, не заметил, что его ученик планирует остаться и уже подошел к столу, открыл зеленую книгу и пролистал несколько желтых страниц. Ноэль заинтересовано проглядел книгу с того ракурса, где он стоял. Издание явно было очень старым, корешок потрепался, а страницы пожелтели. Парень одернул себя: просматривать личные книги Патриарха не было хорошей идеей. Ноэль неловко кашлянул, оповещая о себе, и Патриарх раздраженно захлопнул книгу.

– Я считаю, что ты мой истинный последователь, Ноэль, – обратился к нему неформально Патриарх, но слова его бы-

ли крайне серьезны. – Я уверен, что ты разделяешь мое мнение и понимаешь, что зло должно быть искоренено из нашего мира. Демоны могут толкнуть нас на кривую дорожку, а ведьмы соблазнить. Соблазнить! – так резко воскликнул он, что Ноэль вздрогнул. – Помни об этом. Чарам женщин нельзя поддаваться. Благо ты скоро женишься. Как же мне хочется наконец-то встретиться с твоей невестой. Я знал ее отца, но ее никогда не видел. Уверен, она благодетельна и воспитана, идеальна для такого серьезного человека, как ты. Ты подаешь надежды, Ноэль, и, возможно, однажды займешь мое место.

– Мне льстит то, что ваше отношение ко мне так трепетно, Патриарх, но, уверен, ваш родной сын способен посоревноваться со мной в уме и благодетели.

– Этот сорванец совершенно не понимает, кем он родился, – с тяжелым вздохом Патриарх опустил на кресло у стола. – Он еще слишком юн, но, боюсь, уже поздно менять его. Он пошел характером весь в свою мать. Такая же тонкая душа, которую легко обидеть. Нужно быть чуточку жестче, чтобы удержать власть. А ты, Ноэль, должен понимать, что Церковь нуждается во власти, иначе мы падем хуже какого-нибудь свергнутого Императора.

– Я вас понял, господин. Я не разочарую вас.

С этими словами Ноэль откланялся и покинул кабинет Патриарха.

Уже через час он стоял на деревянной сцене на Централь-

ной площади Офероса с несколькими своими товарищами по Отряду, а также двумя монахинями из местного монастыря, расположенного на берегу моря. Они готовились к речи и зазывали людей послушать их слова. Площадь кишела людьми, и нашлось много тех, кто никуда не спешил и с радостью остановились рядом со сценой. Зеваки болтали головами в разные стороны и перешептывались.

Собранный с иголки Ноэль не обращал на них внимание и следил лишь за количеством собравшихся людей. Когда один из парней на сцене говорит, что народу вполне хватит, Ноэль откашливается и подходит к краю сцены. Тот же парень просит тишины, и шепотки замолкают. Ноэль начинает свою речь.

Он говорит о добре и зле, о том, что случилось недавно, о ведьмах, демонах и другой нечисти. Ноэль не заготавливал эту речь, лишь думал о тех темах, которые хотел бы в ней затронуть. Теперь слова лились у него из уст сами по себе. К тому же вся ненависть была основана на личном опыте, и он знал, что могут устроить ведьмы, как разрушить человеческую жизнь.

И речь его лилась складным потоком, пока внезапно, будто гром среди ясного неба, не обрушился крик.

– А может они просто любили? – грубый вопль разнесся по округи из толпы. Все слова резко покинули Ноэля.

Вся толпа, отошедшая от шока в мгновение, стала рыскать глазами и искать «предателя», который крикнул это. Ноэль

обернулся к своим товарищам, но те глядели растерянно не меньше прохожих в толпе. Только после этого Ноэль наконец-то отыскал глазами девушку, которая посмела перечить командиру Церковного отряда.

Она стояла в середине толпы. Высокая, она еще и задирала голову к небу, ужасно щурилась, но стойко глядела на Ноэля, не смея отвести взгляда. Глаза, кажется, были фиолетовыми, такими необычными, что притягивали к себе внимание, но из-за палящего солнца рассмотреть их не было возможности. Ее длинные шоколадные волосы струились по плечам, их трепал легкий ветер, и несколько прядей небрежно падали на лоб. Прямые густые брови были нахмурены, между ними залегла глубокая морщинка. Нос с небольшой горбинкой смотрелся очень эстетично, а пухлые губы скривились в неприязни. На ней было темно-красное платье, которое облегло ее фигуру и заканчивалось в районе щиколоток. Поверх был надет длинный темно-коричневый свитер крупной вязки.

Ноэлю казалось, что он стоит, разинув рот. И весь его идеальный образ даже нельзя было посметь поставить рядом с образом этой наглой девицы.

– Про какое соблазнение ты говоришь? – опять крикнула девушка, но Ноэль будто слышал ее голос издалека. Ему все еще казалось, что он стоит, разинув рот. – Ты сам-то разве не отдавался соблазну? За закрытыми дверьми, я уверена, ты делал вещи и похлеще тех, о которых говоришь на людях!

Так зачем проповедовать ту жизнь, которую не ведешь сам?

Кажется, она говорила про соблазн и лицемерие. Это были громкие оскорбления в сторону церковных служащих, поэтому толпа изумленно ахнула. Товарищи Ноэля все еще стояли, покрытые дымкой глубокого изумления. Ноэль же попытался взять себя в руки.

– Девушка... – начал он твердым голосом, но слова тут же вылетели из его головы. Впрочем, никаких слов там и не было. Впервые он не мог сымпровизировать. Девушка, будто почувствовав его растерянность, немедленно продолжила, перебив Ноэля. Это было еще одно оскорбление в сторону церковного служителя.

– Да как ты вообще...

Еще одним нарушением являлось фамильярное обращение. Впрочем, договорить девушке не дали. Ее спутница, на которую Ноэль сначала не обратил внимание, бледная как полотно, схватила наглуую незнакомку и твердо заткнула ей рот. Никто не успел среагировать, как спутница уже утащила незнакомку в тень.

Ноэль провожает их взглядом и не приказывает схватить. Мало ли несогласных с ним на улицах города? Неужели всех хватать и сажать в тюрьму? Несмотря на нарушенные правила, ее могли лишь обвинить в неуважении к Церкви, но реального преступления незнакомка не совершала.

Неужели из-за нее у Ноэля было странное предчувствие с утра? Что эта девушка делала на Центральной площади?

Почему ее так обидела речь Ноэля? Увидятся ли они еще когда-нибудь в огромном Оферосе?

А самое главное, почему образ этой наглой незнакомки никак не выходит из головы?

Глава 4. Богатые мануфактурщики и золотая молодежь

Кажется, весь дом еще спал, когда Мирабель ранним утром поднялась с постели. Ей нравились ранние подъемы, потому что можно было успеть переделать больше дел за день. Теперь же Мирабель проснулась, чтобы собираться на работу. Первый рабочий день вызывал мандраж и переживания, но и радостное возбуждение от предстоящих событий. Мирабель хотела как можно быстрее получить первое жалованье, чтобы принести его тетушке и показать свою полезность.

Распахнув окно и впустив в комнату свежий воздух, Мирабель прикрыла глаза и сделала глубокий вздох. Улыбка сама появилась на ее лице. Она вспомнила о папе и о том, что ему обязательно бы понравилось у тети Авроры, потому что он любил тихие загадочные места. Но папы здесь не было, да и сама Мирабель не должна была находиться тут. Все закручивалось совершенно не так, как девушка планировала.

Переодевшись в строгое темно-зеленое платье, прихватив пальто, Мирабель наспех заплелась и надела белый воротничок, какой носили учительницы в ее старой школе в провинции. Ее уютную комнату заливал солнечный свет. Настроение поднималось от атмосферы, царившей в комнате и за окном.

Мирабель спустилась на первый этаж, полностью собранная, и планировала не завтракать, лишь выпить чашку кофе, чтобы окончательно снять наваждение сна. В доме было еще тихо, но на кухне слышался шум, служанка готовила завтрак. Мирабель вошла в комнату, чтобы попросить кофе.

Служанка гремела посудой, но обернулась, когда хлопнула дверь. Они поздоровались, но женщина на кухне оказалась не одна. На высокой тумбе, на которой обычно стоял мешок муки (теперь мешок был сброшен в угол кухни) сидела Рианелла, поджав под себя одну ногу, а вторую свесив и болтая ей. Ее белые хлопковые штаны и такая же рубашка для сна были мятыми. Волосы сестры спутаны и убраны на макушке в подобии пучка. Едва открывшиеся глаза непонимающе моргают. В руках она сжимает чашку кофе, от которого поднимается пар.

– А младшая госпожа уже проснулась, – прыснула от смеха Мирабель, глядя на растрепанный вид сестры. – Налейте, пожалуйста, и мне кофе.

– Конечно, элер де Марис, – тут же бросает дела служанка и делает кофе для девушки. Мирабель подходит к Рианелле и проводит ладонью у нее перед лицом.

– Ты вообще соображаешь? – все еще с улыбкой спрашивает Мирабель. Ее забавляет состояние сестры. Рианелла всегда ненавидела рано просыпаться.

– Нет, – довольно честно отвечает сестра и делает глоток кофе. – Весь дом спит. И я хочу спать.

– Ваша матушка уже ушла, – опровергает слова Рианеллы служанка. – Смены в больнице начинаются очень рано, поэтому она покинула дом еще до вашего пробуждения.

– Тебе тоже стоит поторопиться, – строго говорит Мирабель, обращаясь к сестре и принимая от служанки кружку с кофе. – Ты еще не собралась. Где почтовое отделение? Тебе долго до него идти? Опаздывать в первый рабочий день – худшее представление себя работодателям.

– Я знаю, – кривится Рианелла. – Но просыпаться в такую рань невыносимо!

– Ты взяла весь список домов, куда ты должна разносить почту? Адреса? Фамилии проживающих, на всякий случай? Ты должна быть осторожна, – продолжала наставлять сестру Мирабель, на что Рианелла только невпопад кивала, скорее похоже, что засыпала, и пыталась выпить свой несчастный кофе.

Мирабель махнула рукой, допила свой кофе и с улыбкой со всеми попрощалась. Чтобы не торопиться и дойти вовремя до усадьбы Раурос, Мирабель решила выйти пораньше.

Дорога прошла без приключений, по тихому и еще спящему Оферосу Мирабель быстро добралась до нужной ей усадьбы. Та находилась в районе дорогих коттеджей, расположенных на западе Офероса. Дом Рауросов был самым большим и притягивающим взгляды.

Особняк окружен деревьями и кустарниками, отчего тонет в зелени. Здание узкое, но высокое, четыре этажа. Кир-

пичи крашены в бежевым цвет, а крыша ярко-красная. С улицы есть лестница, сразу ведущая на второй этаж. На втором этаже балконы с резными оградками и уставленными на них цветами в горшках. Небольшие окна завешаны белыми шторами, ставней нет. Усадьба светлая и притягательная, совсем не похожа на готический особняк тетушки.

Дом огибают высокие серые ворота. Их открывает встретивший девушку одетый с иголки лакей. По каменистой тропинке и зеленому саду он ведет гостью в дом. Мирабель озирается по сторонам, запоминая каждый камешек.

Отворяют деревянную дверь, внутри оказывается также светло. Стены и мебель в пастельных тонах. Узкие коридоры ведут развилками, словно лабиринтом. Лакей заводит Мирабель в гостиную, где на шикарной белой софе сидит чопорная женщина. Ее черные волосы запряты под элегантную фиолетовую шляпку, и несколько прядей выбиваются из прически, падая на лоб. Такое же фиолетовое платье надето на ней, туго перетягивая крупную фигуру. Черные глаза цепко оглядывают пришедшую девушку, как только та входит. Взгляд у женщины жесткий. Черты лица грубые, но этим и делают ее привлекательной.

– Госпожа, прибыла гувернантка.

– Наконец-то! – фыркает женщина и отрывается от книги, лежащей у нее на коленях. – Эта девица выглядит поприличнее той, что обучала Лилиану раньше. Надеюсь, ты не сбежишь также с нашим дворцом, как сделала твоя предше-

стенница, – презрительно фыркнула женщина, поднялась с дивана и громким басом крикнула вглубь дома. – Гедеон! Гедеон, иди посмотри на девчонку, которую я наняла для Лилианы!

Мирабель ежится под жестким взглядом алер Раурос. Женщина кажется ей жестокой и своенравной. Спустя минуту в дверях возникает мужчина, выглядящий значительно старше своей жены. Он невысокий и толстый, камзол на нем едва ли не расходится. Лицо у него устрашающее: квадратный подбородок, маленькие черные глазки, жесткие черные волосы, которые стоят колом. Неприятный мужчина не удосуживается взглянуть ни на лакея, ни на гувернантку, ни даже на жену. Он вздыхает и морщится, становясь еще страшнее.

– Меня зовут Мирабель, лер Раурос, – Мирабель первой начинает разговор с этими людьми. Даже воздух в комнате тяжелеет, когда они собираются вместе. – Я буду гувернанткой вашей дочери.

– Лилиана на втором этаже, сейчас прикажу ее отыскать. Я Гедеон Раурос, а это моя супруга Иоланда, – без особого энтузиазма говорит он. Затем приказывает лакею отыскать их дочь. Мирабель продолжает разглядывать обстановку дома.

Рауросы богаты. Тетушка сказала, что у них своя мебельная фабрика, но Мирабель не знала, насколько богаты могут быть люди, имея свою мануфактуру. В доме словно витала атмосфера богатства. Она разбавляла тяжелый воздух. Ка-

жется, Рауросов нельзя было назвать идеальной семьей, но с деньгами у них проблем точно не водилось. Неужели очередной брак по расчету, который разрушил семейную идиллию и так не взрастил любовь?

Спустя несколько минут со второго этажа спускается девочка тринадцати лет. Мирабель ожидает увидеть подобие Иоланды, такую же капризную и своенравную девчонку, как мать, но ожидания не оправдываются. Лилиана широко улыбается, и ее круглое детское личико делает ее младше. У нее оливковая кожа и длинные каштановые волосы, убранные не очень бережно в пучок. Накрахмаленное белое платье запачкано понизу, будто девочка бегала в саду в грязи.

Лилиана кланяется родителям и с любопытством глядит на новую гувернантку. Геден представляет их друг другу, и Лилиана предлагает провести первое занятие в саду, потому что на улице еще теплая погода. Родителям не особо важно, где будет заниматься их чадо, складывается впечатление, что они хотят избавиться от нее как можно быстрее и скинуть ответственность за присмотр дочери на кого-нибудь другого.

Лилиана приносит книги, купленные ее родителями для занятий, и проводит новую гувернантку на задний двор. Круглый сад тонет в зелени. В самом его краю находится беседка с лавочкой и небольшими каменными выступами, которые можно использовать, как стол.

Лилиана плюхается на лавочку, вертя головой в разные стороны и не собираясь концентрироваться на учебе. Мира-

бель быстро проглядывает новенькие учебники и схватывает то место, где остановилась прошлая гувернантка до побега из дома со своей любовью. Теперь хозяевам бояться этого не стоит, у Мирабель цель заработать и принести в дом тетушки денег.

– Элер Раурос, перестаньте ерзать, – строго окликает ее Мирабель, но не жестко, чтобы не рушить отношения с ребенком. Лилиана поворачивается к ней, хлопает большими карими глазами и пытается сосредоточиться на учебнике.

Мирабель начинает объяснять девочке решение алгебраических уравнений, но надолго спокойствия ребенку не хватает. Энергия в ней так и плещет, переваливает через край, будто в разбушевавшемся котле кипятков.

Занятие алгеброй сильно выматывает не только Лилиану, но и Мирабель, потому что гувернантке постоянно необходимо возвращать внимание ребенка к учебнику. Когда Мирабель заикается об иностранных языках, Лилиана отчаянно стонет и подрывается с каменной лавочки.

Мирабель вздрагивает, но не успевает ухватить непослушную девчонку, как та уже, горько причитая, начинает вертеться вокруг беседки, изображая пируэты классических танцев.

– Я не хочу биться над учебниками! Это все маменькина затея! Я хочу танцевать! Или выступать! Играть графинь и влюбленных дур на сцене! – дыхание девочки тяжелое, она так быстро и изящно вертится вокруг беседки, что у Ми-

рабель начинает кружиться голова. Пыль поднимается столбом. Понятно, почему платье снизу были грязным.

– Не сквернословьте, элер Раурос, – строго одергивает ее Мирабель и поднимается с лавочки. Даже у нее уже кружится голова.

– Я хочу на сцену! – вопит она и несколько раз подпрыгивает, элегантно вытянув ножки, будто собирается взлететь.

– Вы должны рассказать о своих пристрастиях матушке и отцу, только они способны помочь вам в этом деле.

– Им не нравятся мои увлечения. Они считают, что развлекать толпу должны низшие слои населения, а я не шут, чтобы смешить публику.

– На сцене не только смешат, – встает на сторону Лилианы Мирабель.

– Да, я бы сыграла отличную драму! Ох, я умираю! – вскрикивает она, хватаясь за столб беседки и медленно опускается, будто и впрямь теряет сознание. Мирабель не сдерживает улыбки, однако, немедленно подходит к девочке и крепко перехватывает ее за локоть.

– Вы испачкаете платье.

На удивление, Лилиана послушно поднимается на ноги и впервые ровно встает, не шевелясь.

– Давайте не будем заниматься? – она выгибает свою тоненькую бровь. – Я ничего не скажу родителям. Ваше жалованье не пострадает...

– Наука важна даже в театре, – не соглашается с ней Ми-

рабель. Обреченное лицо ребенка вызывает у нее новую порцию улыбки. – Давайте заключим с вами пари? Вы прилежно отучитесь несколько десятков наших встреч, а я уговорю ваших родителей на посещение вами со мной какой-нибудь оперы или трагедии в Оферосе. Я сама не бывала в театрах столицы, и мне будет интересно понаблюдать за местными актерами. Если все пойдет по плану, мы сможем с вами обсудить просмотренный спектакль.

Глаза девочки загораются, и она, покрасневшая и все еще тяжело дышащая, запрокидывает голову к гувернантке и радостно выдает.

– Договорились! Но сначала вы мне объясните, зачем мне в театре наука? – Лилиана послушно плюхается обратно на лавочку. Ее платье загрязнилось еще сильнее. Мирабель, распрямляя складки, дружелюбно улыбается.

– Представьте, вас попросили сыграть светскую даму, а вы не выучили со своей гувернанткой правила этикета. Как вы будете вести себя за столом, если прогуливали занятия? Или вас попросили сыграть первую женщину, открыто начавшую заниматься наукой. Откуда вам знать, как работает физика или математика, если вы ее не учили? Тогда вы подпортите репутацию женщин-ученых и только докажете недалководным мужчинам, что женщинам не положено заниматься наукой. А, может быть, вас попросили сыграть провинциальную учительницу...

– Все, все, я поняла! – драматично воскликнула Лилиа-

на и вскинула руки, показывая, что гувернантка победила. – Вы правы, возможно, все эти уроки, которых жаждет так моя маменька, не бесполезны. Давайте скорее заниматься! Чем больше я выучу, тем быстрее смогу оказаться на сцене в разных образах!

– Не торопите события, элер Раурос. У вас еще вся жизнь впереди, сцена успеет заметить вас.

Теперь Лилиана и правда вела себя намного лучше. Хотя усидеть ей все еще было крайне сложно, она послушно занималась. Мирабель позволяла девочке каждые полчаса пятнадцать минут отдыхать, чтобы та выместила свою бесконечную энергию и вернулась к усидчивой учебе.

После занятий Мирабель проводила ученицу в дом и планировала оставить на выделенной ей полке в шкафу библиотеки книги, чтобы доставать их для нужных занятий. Однако второй этаж отличался узкими коридорами, и Мирабель немного заплутала, путаясь в одинаковых поворотах и закрытых дверях. Заходить в них было крайне опасно, иначе был шанс наткнуться на хозяев, которые будут крайне недовольны вторжением девушки.

Мирабель снова и снова возвращалась к лестнице, чтобы отыскать за нужным поворотом необходимую комнату, библиотеку, но немного терялась. Прижимая к груди книги, она тяжело дышала и уже планировала сдать, как случайно наткнулась в коридоре на молодого человека.

Мирабель так была занята поисками библиотеки, что не

заметила, как он вынырнул из-за поворота. Они столкнулись, и Мирабель случайно наступила на идеально отполированную туфлю незнакомого господина. Учебники в ее руках должны были упасть, но незнакомец вовремя подхватил их, заставив не упасть и книги, и Мирабель.

Девушка испуганно вжала голову в плечи и подняла взгляд на молодого человека. Ему было лет двадцать пять. По внешности сразу было видно, что он аристократ. Высокий и опрятный, молодой человек выглядел очень элегантно и богато. Его кремовая кожа отливала блеском в свете коридорных свечей, черные прямые волосы покрывали голову и были зачесаны назад. Острые, резко выраженные, черты лица придавали его образу загадочности, а квадратное лицо и прямой нос – строгий вид. Янтарные глаза со скукой смотрели вокруг. Выражение его лица ни капельки не изменилось из-за случившегося недоразумения. Лишь брови чуть дернулись вверх, но тут же вернулись в прежнее положение, будто ему было абсолютно плевать. А, между прочим, врезаться так в девиц крайне неприлично.

– Прошу прощения, – отозвалась Мирабель и чуть поклонилась. Она не знала этого парня, однако, понимала, даже если он гость, явно из знатной семьи и не стоит с таким ругаться.

Незнакомец обвел ее взглядом, тихо хмыкнул, не шевеля губами, и прошел мимо, будто Мирабель рядом и не было, а он врезался в стену, не вписавшись в поворот. Он ис-

чез также быстро, как и появился, но его нахальство и отсутствие брошенных ради приличия пары фраз, вроде: «Ничего страшного» или «С вами все в порядке?» вывели из себя даже спокойную Мирабель. Она повернулась на лестницу, на которой исчез незнакомец, и надменно фыркнула в его сторону, выражая этим все свое недовольство. Все-таки представители современной золотой молодежи крайне отвратительно воспитаны. Хотя, чего с них взять, если гувернантки сами сбегают с другими слугами, поддавшись чувствам?

Мирабель, наконец, отыскала библиотеку. Облегченно выдохнув, она убрала на нижнюю полку все книги для учебы Лилианы, а также мельком оглядела библиотеку. Она уже задержалась в чужой усадьбе, пробил полдень, и пора было возвращаться домой. Мирабель едва удалось побороть желание изучить библиотеку, рассмотреть издания книг и авторов, которых читали в богатом доме.

Мирабель поспешно спустилась на первый этаж и в коридоре столкнулась с Иоландой. Чопорная женщина все тем же жестким взглядом изучала лакея, который рассказывал ей последние новости из Офероса. Завидев гувернантку, она приказала ей остановиться.

– Мирабель, как прошли ваши занятия с Лилианой? – заинтересовалась она, отмахнувшись от лакея, как от назойливой мухи.

– Элер Раурос прекрасная ученица, но немного непоседливая. Я отыскала к ней подход, и мы уже сейчас неплохо

ладим. Алер Раурос, ее обучение будет в надлежащем виде, вы видели мои документы об окончании преподавательских курсов.

– Я рада, я рада... – пробормотала Иоланда не совсем уж радостным тоном. Недовольно постучав по накрахмаленному переднику своего платья, она добавила. – Эта девчонка никак не может взять в толк, что такое светское общество и насколько важно вертеться в нем.

Конечно, не может взять в толк. Ей безразлично это светское общество. Все, к чему стремится ее душа, к сцене и свободе. Мирабель не могла сказать этого вслух хозяйке усадьбы, но она понимала, что удержать такую девочку, как Лилиана, родителям точно не удастся. Рано или поздно она может даже сбежать, если посягнут на ее свободу. Возможно, мать это тоже осознает, но не хочет принимать и верит в изменения ее характера.

– Вы довольно кротки и послушны, – вдруг Иоланда перешла на личность Мирабель. Девушка удивленно вскинула бровь, но услужливо кивнула. Теперь Мирабель поняла, почему же Рианелла так не хотела работать в богатом доме гувернанткой. Сестра бы под дулом револьвера не приняла бы облик кроткой и послушной учительницы. – И вы мне симпатизируете, – добавила Иоланда достаточно строго, чтобы понимать: эта похвала от хозяйки ничего не значит. – Буквально через несколько минут подадут обед. Присоединяйтесь к нам. Мы не настолько жестоки, чтобы отправить юную

гувернантку вон из дома голодной, – хозяйка развернулась и ушла в сторону столовой. А выглядели они именно так, чтобы отправить голодную девушку на улицу. Жест Иоланды обозначал то, что она не терпит возражений и может силой затолкать обед в рот Мирабель, поэтому девушка даже не смела помыслить об отказе. Лакей любезно предложил проводить гувернантку до столовой.

Столовая большая и просторная, мебель в ней в одной серебристой окраске. Дверь в кухню постоянно хлопает, и появляются слуги с подносами. Вся семья уже за столом. На краю садится лакей, рядом Мирабель.

Во главе стола сидит Гедеон. Его тучная фигура едва помещается на стуле. По левую руку от него сидит Иоланда, по правую – тот самый незнакомец, с которым Мирабель столкнулась в коридоре. Рядом с ним Лилиана, она уткнулась в тарелку, но видно, что наблюдает исподлобья за матерью. Когда в комнате появляется гувернантка, девочка приободряется, словно хоть кто-то может составить ей компанию за этой пафосной трапезой.

И тут Мирабель понимает, что детей у Рауросов может быть несколько. Похоже, молодой человек, с которым она столкнулась, сын четы Раурос. Единственная проблема, Иоланда кажется слишком молодой, чтобы быть матерью этого парня.

Гедеон поднимает взгляд на жену и холодно просит.

– Дорогая, подай мне тарелку с закусками с твоей сторо-

ны.

Иоланда молча поднимает тарелку и подает мужу. Тот даже не благодарит ее, лишь одаривает скорым взглядом, что уже достойно с его стороны.

– Ты съездишь со мной в гости к Голицыным? Они приезжают на этих выходных вместе с... – спрашивает аккуратно Иоланда.

– Нет, – обрывает муж ее на полуслове и вскидывает голову. Его щеки трясутся. – Я не могу не проконтролировать новую поставку древесины на мануфактуру.

– Я бы могла помочь тебе...

– Женщинам нечего там делать, – грубо бросает он. – Твоя власть дома, вот и распорядись ей, – говорит он, окидывая взглядом столовую. – Может, еще предложишь передать тебе управление мануфактурой?

– Ничего подобного, Гедеон, – понуро опускает голову Иоланда. Кажется, Мирабель понимает, в чем дело, и почему Лилиане запрещен театр. Да они же консерваторы до мозга костей! И тут происходит по истине волшебное превращение. Иоланда разворачивается к детям и, презренно скривив губы, ворчит. – Лилиана, сиди ровнее. Никаких локтей на столе! Что за недовольный вид?

Лилиана вся выпрямляется, как струна, и откладывает тарелку и вовсе в сторону, будто собирается уходить. Но одного взгляда матери хватает, чтобы она замерла и послушно вернулась к трапезе. Паренька она не трогает, но вот Гедеон,

отрываясь от плотного ужина, произносит.

– Ксандер, завтра подадут коней в начале восьмого, будь готов, мы отправимся на мануфактуру...

Значит, парня зовут Ксандер, и Мирабель не ошиблась, он сын Рауросов. Ксандер понимающе кивает и соглашается с отцом, а сам незаметно для невнимательных родителей перекладывает из своей тарелки вкусную часть жаркого и салат в тарелку сестры. Лилиана быстро съедает все, положенное братом, но к остальному не притрагивается. Ксандер разговаривает с отцом с таким же безразличным лицом, как и прошелся мимо Мирабель, когда они столкнулись. Похоже, этого молодого человека невозможно чем-то заинтересовать.

– Лилиана, я ведь сказала про локти, – выдыхает зло Йоланда, глядя на дочь. Она так поглощала положенную братом порцию, что опять поставила локоть на стол. Одернув его, Лилиана тихо извинилась. – У нас гостья, за столом твоя гувернантка, не стыдно так себя вести? – добавляет мать. Тут Мирабель заинтересовывается Ксандер, видимо, наконец-то узнавший, что за незнакомка за столом. Он поворачивается к ней и вновь со скучающим взглядом смотрит на нее. Ни тени улыбки, ни отблеска отвращения. Попросту никаких эмоций с его стороны.

Глава 5. Смазливый мальчик из Церкви с кучей сюрпризов

Ливень так хлещет Рианеллу по лицу, что она щурится и прикрывает глаза воротником плаща. Ветер то подталкивает ее вперед, то относит назад. Погода разбушевалась не на шутку. Оферос погряз в ливне и урагане. Дороги затоплены, у нескольких домов снесло крыши, лавки не работают, рынок второй день пустует. Даже продуктов не купить. Однако самые стойкие, боясь, что им не выплатят жалованье, продолжают работать. И Рианелла не исключение.

Сначала, выглянув в окно с утра и увидев нависшие угрозой черные тучи над городом, она не хотела даже подниматься с постели, не говоря про работу, но понимала, что из зарплаты вычтут этот день и серьезно отчитают, а записку в такую погоду никто не понесет. Поэтому она приняла стойкое решение идти на работу.

Теперь, кутаясь в плащ, Рианелла пыталась не взлететь на таком ветру. Одежда давно промокла, плащ пропитался дождевой водой. Холод пробирал до костей. А погода продолжала устраивать балаганы на улицах города.

Вокруг было неестественно темно, дождь закрывал обзор, и Рианелла не всегда понимала, в нужный ли почтовый ящик кинула конверт. Она прижимала к груди кожаную сумку, дабы сберечь письма, и до людей дошли те важные весточ-

ки, которые они ждали. Редко встречающиеся прохожие казались нереальными. Некоторые люди тоже пытались прорваться сквозь пелену дождя и ветра.

Под такую погоду только пить кофе и сидеть на холодном подоконнике, причитая на меланхолию души, но точно не работать. Благо, дождь прекращался, будто набухшие тучи выплакали все свои слезы.

Когда Рианелла свернула в переулок частных домов, дождь окончательно прекратился. Рианелла, промокшая до нитки, даже не выдохнула. Последний переулок ей еще придется обойти, а после этого идти пешком дальше в город по делам. Главное, не говорить, в каком она состоянии расхаживала целый день, матери. Мама точно не оценит такую любовь к труду. А Рианелла точно заболит. Но работать все равно придется, несмотря на состояние. Не может же она прийти к тетке и заявить, что устала работать, и останется сидеть у нее на шее? Ее гордость не простит ей этого.

Из домов начали выходить люди. Они ворчали на лужи и отвратительную погоду, но никто не замечал Рианеллу, которая продолжала совать письма в почтовые ящики, несмотря на свой вид: пальто промокло, ноги по колено в воде, волосы спутались и прилипли к лицу.

Рианелла прошла мимо дома Рауросов, у которых работала Мирабель уже пару недель. Следом шло несколько коттеджей и, наконец, последний дом, который располагался чуть в стороне и имел самый большой участок.

Особняк всего в два этажа высотой, но длинный. Белая краска превратилась с годами в серую, в некоторых местах облупилась, создавая пятна на стенах. Квадратные окна с раздвижными решетками, но все закрыты. Маленькие башенки украшают дом, по бокам статуи львов, а мраморное крыльцо потрескалось в одном месте. Боковая часть особняка покрылась местами плющом. Дом окружен высокий серым забором. Калитка просто прикрыта, нет замка. Черный металлический почтовый ящик сорван и валяется в луже рядом. Несколько писем вывалились из него и застряли в грязи.

Еще сломанных почтовых ящиков ей не хватало. Рианелла раздраженно вздохнула, подошла к воротам и собрала письма. Похоже, хозяева особо не ждут посланий, раз так пренебрежительно относятся к почте. Как же нужно было закрепить почтовый ящик, чтобы его снесло ветром? Только лишние проблемы на голову почтальонов.

Собрав грязные письма и вытащив то, что должна была доставить Рианелла, девушка приоткрыла калитку. Заглянула во внутренний двор. Никаких лакеев здесь не было, а особняк и вовсе выглядел заброшенным. Может быть, хозяева съехали, а отправители писем не в курсе об этом? Кто в здравом уме мог выбрать такое жилище для своей жизни? Уж лучше ютиться в маленькой холодной квартирке, чем в мрачном особняке в одиночестве.

Рианелла подошла к двухстворчатым дверям. Прислушалась. Никаких звуков тоже не доносилось. Слуги по двору

не слонялись. Похоже, и правда никто не живет. Чтобы подтвердить свои догадки, Рианелла постучала в дверь кольцом ручки. Стук был достаточно громким.

Не дождавшись ответа, стоило уходить. Однако Рианелла ждала кого-то, чтобы отдать эти несчастные письма. И вот, спустя пару минут дверь заскрипела, и медленно приоткрылась. Внутри стоял такой же полумрак, как на улице, поэтому сначала Рианелла никого не разглядела.

Прищурившись, она всмотрелась в глубину дома. Мелькнула тень. Дверь открылась шире, и перед ней наконец-то предстал молодой человек. На нем был повседневный серый сюртук и брюки. Светлые волосы с утра, похоже, были уложены, но сейчас уже прическа теряла былой вид. Его острые черты лица и бледная кожа казались еще отчетливее в полутумане улицы. Но голубые глаза ярко светили даже во мраке серого дня.

Рианелла нахмурилась. Где-то на подкорке мозга мелькнуло лицо этого молодого человека, но тут же пропало. Она постаралась напрячься, дабы вспомнить, кто он, но в последнее время вокруг нее мелькало слишком большое количество людей.

– У вас почтовый ящик сломался, – без приветствия заявила Рианелла, указывая одной рукой в сторону сорвавшегося ящика. Второй рукой протянула письма. – Вы, похоже, редко почту проверяете.

– И вам доброго дня, – поздоровался парень, забирая

грязные письма из ее рук. – Спасибо, – поблагодарил он, и Рианелла невпопад кивнула. Голубые глаза внимательно наблюдали за девушкой, в них мелькало узнавание.

Рианелла, наконец, поняла, кем же был незнакомец. Они встретились на главной площади примерно две недели назад, и Рианелла перечила ему по поводу ведьм и их соблазнения. Это же церковный служащий! Точно, именно этот парень красноречиво выступал перед бездумной толпой.

Парень узнал ее еще раньше. В его глазах мелькало удивление, будто он не ожидал, что эта выскочка может оказаться почтальонкой. Рианелла решила настойчиво все отрицать и делать вид, будто ничего не случилось. Но ее план рухнул даже быстрее, чем она думала.

– Кажется, мы уже встречались с вами, – заявил парень. Рианелла едва хмыкнула и кивнула, надеясь, что незнакомец не поведет ее на суд в Церковь за препирательства с главным Церковным отрядом. – Я Ноэль Леквелл, – неожиданно представился он. Рианелла выпучила глаза, словно парень сказал какую-то несуразную чушь или его имя казалось очень смешным. На деле девушка просто не собиралась заводить никаких знакомств с Церковью. Но промолчать бы не получилось.

– Меня зовут Рианелла Бекарди, – представляться фамилией мужа было самое безопасное решение. Тот был известен лишь в крайне узких кругах, и то среди преступников.

– Вы выглядите неважно, элер Бекарди.

– Так себе комплимент для девушки, лер Леквелл, – ухмыльнулась Рианелла. – И, прошу подметить, алер Бекарди.

– Вы замужем? – удивленно вскинул он свои идеальные брови, будто Рианелла совсем не походила на девушку, которую могли взять замуж.

– Чему вы так удивляетесь? Я достаточно привлекательна, чтобы найти мужчину и выйти замуж, – уверенно заявила Рианелла. Ноэль отшатнулся, будто ему дали пощечину. Какие же эти Церковные мальчишки нежные! Чего его так напугало? Слово «привлекательна»? Или «найти мужчину»?

– Прошу простить меня, я не хотел вас задеть, – тут же ответил Ноэль. – Просто наша с вами первая встреча состоялась не очень... благоприятно, – выдавил из себя последнее слово Ноэль. – Я даже не думал, что вы работаете почтальонкой. Однако раньше я вас не видел. Вы недавно в Оферосе?

– Пришлось перебраться в столицу с мужем, – соврала Рианелла.

– Как вам Оферос?

– Дожливо.

– Эта осень выдалась и правда дождливой, – согласился Ноэль. – Но я всегда считаю, что погода отражает наше внутреннее состояние, – улыбнулся он уголком губ.

– Чего это у нас весь город погряз в хандре этой осенью? – усмехнулась Рианелла, пытаясь расправить промокшее пальто. Ноэль удивленно хлопнул глазами.

– И правда, весь город, получается... – пробормотал он

немного растерянно и загадочно улыбнулся. – Вы проходите. Напою вас чаем. Положим у камина сушить ваши вещи. Сердце не позволяет мне отпустить домой девушку в таком виде.

Ноэль отошел в сторону, приглашая Рианеллу войти. Девушка на мгновение засомневалась, все-таки Ноэль был церковным служащим. Конечно, он ничего о ней не знал, а жил по правилам морали и не причинил был ей вреда, но инстинктивный страх, появившийся только при мысли о Церкви, заставлял напрячься.

Но Рианелла была не той, кто отказалась бы от приглашения за стол только потому, что хозяином дома был церковный служащий. К тому же, попав в логово этого набожного человека, она могла узнать нечто любопытное про Церковь.

Рианелла ослепительно улыбнулась и вошла в дом, последовав за Ноэлем. Внутри особняк был заполнен такой же старой и потертой мебелью. Количество мебели было огромно, словно внутри обосновали настоящую лавку. Было довольно уютно, но немного душно, окна гостиной, куда Ноэль провел Рианеллу, закрыты. Полы были устланы дорогими коврами, а на стенах висели картины, словно хозяева старались как можно сильнее заполнить пространство вокруг себя.

– Я сейчас приготовлю вам чай и вернусь. А вы пока можете повесить одежду на сушилку, алер Бекарди.

Рианелла кивнула и сняла пальто, повесив его у камина. Сохнуть оно, конечно, будет гораздо дольше, нежели Ноэль

думает, но отказываться от помощи в такой момент глупо. Девушка присела на край кожаного пыльного дивана и огляделась. Гостей, похоже, здесь принимали редко, посторонних не любили, а необъяснимую семейную пустоту заполняли хламом и картинами.

Рианелла мотала головой из стороны в сторону, как любопытный ребенок у лавок со сладостями, ее глаз постоянно цеплялся за что-то интересное, к чему хотелось прикоснуться, но правила приличия все же никто не отменял.

Двери гостиной скрипнули. Рианелла, не оборачиваясь, задорно спросила.

– А кто эта девушка на самой большой картине, лер Леквелл? – работа была нежной, а девушка на картине очень изящной. Голубоглазая блондинка с ангельской улыбкой на фоне летнего цветущего сада.

Лер Леквелл почему-то молчал. Неужели уже сейчас Рианелла спросила что-то не то? Или люди из Церкви слишком скрытны? Рианелла обернулась. Вот только за ней стоял не Ноэль. Вместо слащавого парня из Церковного отряда в дверях гостиной находился недружелюбного вида пожилой господин с маленькой девочкой на руках.

Рианелла немедленно вскочила будто пробралась в дом тайно и пыталась его ограбить. Ей вдруг впервые стало неловко, и она, кашлянув, хотела представиться, но не представляла как себя назвать. Она почтальонка, которая заявила к его...кому? Сыну? Внуку? А девочка на руках? Это

что, дочь Ноэля? И неужели не он хозяин этого поместья? У смазливового мальчика из Церкви много еще сюрпризов?

Мужчина выглядел старо и отчужденно. Его седые волосы были коротко подстрижены, по всему лицу расплзлись нитями морщины, маленькие глазки грозно изучали Рианеллу. Малышка на его руках ерзала и пыталась вырваться. Большими голубыми глазами она смотрела на незнакомку. Бледная кожа подчеркивалась такими же светлыми волосами.

– На картине моя внучка, – строго заявил пожилой господин. – И хочу задать вам ответный вопрос, кто вы такая, юная леди, и что здесь забыли?

Рианелла не понимала, почему стушевалась перед этим стариком. Он походил на самого Императора. Что он делает в этой пыльной развалюхе? Ему страной можно управлять с таким характером!

Рианеллу спас Ноэль. Он появился в дверях с подносом в руках. На подносе стояли две чашки со светло-зеленой жидкостью. В них плавали листья и крошечные сморщенные синие цветки.

– Дедушка, – Ноэль спокойно кивнул старику. – Это алер Рианелла Бекарди, наша новая почтальонка. Она сильно промокла под дождем, и я решил пригласить ее погреться.

– Держи себя достойно и веди себя благонравно, Ноэль, – строго заявил дед, кивнул гостю и покинул комнату вместе с ребенком на руках, так и не решив свои дела, с которыми направлялся к внуку. О чем имел в виду старик, Рианелла

не поняла. То ли боялся, что Ноэль не сможет достойно принять гостью и выказать наилучшие манеры, то ли волновался, что парень начнет приставать к едва знакомой девушке. Рианелла хмыкнула с собственных мыслей. Чтобы этот ангел воплотил, спустившийся с Небес, начал к ней приставать? Даже такая мысль вызывала смех.

– Это мой дедушка Луис, – заявил Ноэль, подавая девушке чашку чая. – А на его руках была Элоиза, моя племянница.

– О, так на картине ваша сестра, – Рианелла кивнула на девушку на полотне.

– Да.

– Она?.. – Рианелла неловко кашлянула, но не решилась закончить вопрос.

– Она жива, но больна и не ходит, – вздохнул Ноэль. – Поэтому воспитываем ребенка я и Луис.

– Честно признаться, ваш дедушка немного напугал меня, – хмыкнула Рианелла, делая глоток чая. – М-м, очень вкусно.

– Я добавил пару лепестков Глории обыкновенной.

– Глории обыкновенной? – переспросила Рианелла. – Никогда не слышала о таком растении.

– Это цветы, и они довольно редки. Они очень красивые. Если вам когда-нибудь удастся увидеть их, сравните лепестки с мерцающими на небе звездами, вы поймете, о чем я.

– Учту, – Рианелла ослепительно улыбнулась, как улыба-

лась каждый раз, когда пыталась покорить кого-то своей харизмой. Пора было уже узнать хоть что-то от этого молодого человека. Не чай же распивать она пришла, в конечном счете!

– Так вот, мой дедушка, – Ноэль самовольно вернулся к прежней теме разговора. Кажется, харизма Рианеллы его не особо трогала. – Он довольно строг, не сердитесь на него. Он мог показаться вам холодным, но он волнуется, в первую очередь, за меня.

– Я показалась ему недостаточно прилична? – усмехнулась Рианелла. Даже если так, ее это не задело.

– Что вы, алер Бекарди, – Ноэль взмахнул рукой. Его движение было легким и изящным, а пальцы аккуратными и идеально ровными. – Просто я не приглашаю домой женщин. У меня скоро свадьба, и, похоже, мой дед боится, что я ее сорву, – он снисходительно улыбнулся и прикрыл глаза рукой, словно ему стало неловко.

– О, так вы женитесь! – Рианелла широко улыбнулась, представляя такую же тихую серую мышку, которая покорила сердце Ноэля. Но с чего бы Луису сомневаться в своем внуке? Рианелла уверена, что только настоящий конец света способен остановить свадьбу такого достопочтенного церковника.

– Да, помолвлен и готовлюсь к свадьбе, – подтвердил Ноэль без особого энтузиазма. Рианелла вскинула бровь, но парень, кажется, не уловил ее вопроса. Было ли дело в любви?

Или Ноэля одолевали сомнения насчет другого?

– Что ж, поздравляю, – добавила Рианелла к его сухому тону свой такой же безразличный и сделала еще один глоток чая. – Когда состоится церемония? Скоро ли? Где проведете ее? В главной Церкви? Или, быть может, в более уединенном месте рядом с морем? Уверена, там будут очень красивые виды... – болтала она без умолку, лишь бы как-нибудь коснуться важных тем.

– Нет, что вы, – он нахмурился. – Конечно, в главной Церкви. Я связан теснее с Центральными землями, чем вы думаете.

– Центральными землями? – Рианелла хлопнула глазами и заторможенно убрала от губ чашку. – Вы имеете в виду Оферос? Или центр города?

– Я имею в виду Центральные земли. Похоже, ваш муж не удосужился объяснить вам устройство управления в Оферосе, – усмехнулся Ноэль, намекая, что Рианелла совсем не похожа на ту девушку, которая пропустит важную информацию и пустит дело на самотек. – Оферос огромен. Им не может управлять один чиновник или одна Церковь. Вы изучали историю? Вы знаете о трех братьях Офероса?

– Да, они были последними сыновьями прежней династии, которая правила в Исливарии с начала зарождения государства, но при свержении отца их не убили, а оставили управлять Оферосом.

– Все верно, но как они управляли бы столицей втроем?

Невозможно трем разным людям прийти к компромиссу, как бы они этого ни хотели, особенно в вопросах власти. Так Оферос был поделен на три территории: Центральные, Западные и Восточные земли. На каждой территории правят графья, потомки тех самых братьев. Кровь их, конечно, давно вымылась, но способ управления слишком большой столицей остался. Аристократы связаны со своими территориями сильнее, чем люди.

– Вы еще и аристократ! – воскликнула Рианелла, пытаясь запомнить всю полученную информацию. Такой бюрократический аппарат сожрет город в междоусобицах, если в семьях и между территориями не будет хороших отношений.

– Только это вы выудили из рассказанной мной истории? – Рианелла почувствовала сарказм в его тоне. Ее бровь поползла вверх. Казалось, он одурачивает ее, играя в чистого и правильного мальчика. Спутал ее с прихожанкой в Церкви?

– Нет, запомнила про деление Офероса.

– Вам стоит быть осторожней, если не хотите попасть в неприятности, связанные с чиновничьим аппаратом. В провинциях все проще. Один граф управляет своей территорией и своими чиновниками. Другой – на ином месте. Оферос большой и красивый город, но его изнанка страшнее любой нищенской жизни в провинции. Вы девушка любопытная. Здесь таких не любят, – неожиданно заявил Ноэль. Руки Рианеллы вздрогнули. Неужели она с семьей бежала от кошмара в еще больший ужас?

– А как узнать, где чья территория? Я имею в виду, как мне понять, в какой части Офероса живу я?

– Зайдите в библиотеку. В любом томике истории обнаружите новую карту. Можете заглянуть в Церковь. Монахи всегда будут рады вам помочь.

Рианелла кивнула. Ну уж нет, в Церковь она точно ни на ногой.

– Похоже, вы совсем-совсем недавно в Оферосе, – добавил Ноэль. – Вы только поженились, поэтому переехали? Вы выглядите совсем юно для длительного брака.

– Мне двадцать лет, и мы женаты уже год, – печальный вздох вырвался сам по себе. Рианелла вспомнила, как далеко сейчас Алессио и, возможно, даже не знает, что с ней. Но грусть Рианеллы Ноэль воспринял по-своему.

– О, – странно отреагировал Ноэль. Рианелла покосилась на него, но тот проигнорировал ее взгляд. Этот парень был бы неплох, если бы его воспитывала не Церковь. Так он до конца жизни будет пропагандировать свои идеи, но какой в них толк?

– Пожалуй, мне стоит идти, – встала с дивана Рианелла, чувствуя, что задерживается в чужом доме. – Благодарю за информацию. И за теплый прием. Чай у вас и правда очень вкусный, – Рианелла не знала, что еще похвалить, чтобы этот парень не посчитал ее невоспитанной. Однако Ноэль только кивнул и тоже поднялся с дивана. – Приятно было познакомиться, – продолжила Рианелла, и с ее губ едва не сорвалась

фраза: «и, надеюсь, больше не увидимся, еще несколько минут с Церковным отрядом я не выдержу».

Рианелла забрала пальто, которое стало суше и нагрелось, приятно окутывая тело. Они с Ноэлем попрощались, сдержанно и прохладно. Рианелла всей душой терпеть не могла Церковь, которая убивала ведьм, а Ноэль нашел девушку слишком эмоциональной, та сцена на Центральной площади еще стояла перед глазами. Оба надеялись, что больше не увидятся, потому что совершенно не подходили друг другу и рушили спокойную жизнь, но почему-то оба чувствовали, что не сбегут друг от друга даже в огромном Оферосе.

Глава 6. Магия крови

Однако домой Рианелла не направилась. Несмотря на окончившийся рабочий день, путь в резиденцию тетушки она не держала. Вместо этого Рианелла направилась в самый центр города, откуда свернула на узкий и особенно грязный переулок, в котором, по сравнению с шумной площадью, было тихо.

Местами сновали дети-оборванцы, их лица были перепачканы, а одежда и обувь обветшала. Грязь скопилась между домами, на окнах. Краска облупилась, оголяя голый камень. Местами двери не закрывались, а в окнах не было стекол. Все редкие прохожие казались пугающими и опасными даже для Рианеллы. Черные одежды и капюшоны скрывали их лица, а мерзкие сальные взгляды касались каждый раз, когда Рианелла проходила мимо них.

Все вели себя здесь тихо, будто боялись привлечь внимание и накликать беду. Рианелла представила, какой же в этом районе уровень преступности, и мурашки побежали по ее спине. Внезапно послышались слишком громкие для этого места шаги. Рианелла подхватила полы пальто и юркнула в узкое пространство между старыми домами. Облако пыли окутало ее лицо, а паутина запуталась в волосах, но это было не самое страшное.

Из-за поворота на дорогу, по которой только что шла сама

Рианелла, вывернули двое мужчин. Они так сильно выделялись из общей картины нищеты, что у Рианеллы скрутило желудок. Это люди из Церковного отряда. Их серо-голубые с блеском сюртуки невозможно было спутать с чем-то другим.

Пугающие мысли пронеслись в голове: неужели Ноэль догадался, кто она такая, сдал Церкви, а та проследила за ней? Но как Рианелла выдала себя? Вряд ли выступлением на площади. Нет, Ноэль точно не мог сдать ее. По крайней мере, не сегодня. У него не было существенных доказательств.

Тогда откуда здесь Церковь? Что ищут эти мужчины?

Мужчины, тем временем, прошли по дороге дальше, с нескрываемым отвращением оглядывая нищенские хибары. На их поясах висели ножны с длинными клинками. Рианелла нервно сглотнула. Она впервые видела у Церкви оружие. Те ведь пропагандировали праведный образ жизни, а сами расхаживали с оружием по улицам города?

Мужчины из Церковного отряда приближались к Рианелле. Они тщательно разглядывают дома и улицу, поэтому увидят ее, как только пройдут мимо переулка, где она прячется. Нужно срочно что-то делать, иначе ее поймают здесь, и ей несдобровать. Чего такая приличная девушка делает в этом районе? Разносит почту? Глупая ложь, они не поверят в нее, даже если она правда работает почтальонкой. Какая девушка в здравом уме выберет самый бедный район города, куда остальные боятся соваться и где ее убьют и осквернят?

Рианелла поднесла ладонь к лицу и со всей силы укуси-

ла себя за палец. Кровь тонкой струйкой потекла по руке. Рианелла зашипела от резкой боли укуса. Во рту появился неприятный металлический привкус собственной крови.

Мгновение, и Рианелла начертила на грязной стене несколько знаков. Пространство между домами окутал черный густой мрак, сквозь который могла видеть только Рианелла. Грязь со стены попала в ранку на руке, и ее защищало, но Рианелла только обтерла пальцы о пальто, оставив небольшой красный след на нем. Теперь она была спрятана от глаз церковников.

Как раз вовремя. Мужчины прошли мимо переулка, в котором пряталась Рианелла. Густая мгла не привлекла их внимания, потому что нищенский район был и так мрачным. Внезапно один из них обернулся к другому и с презрением произнес.

– Что за дерьмо, почему мы должны ходить по нищим улицам, смотреть на этих оборванцев и пачкать одежды в грязи? Патриарху взбрело в голову ловить ведьм из провинций. С чего он вообще взял, что они в Оферосе?

Рианелле не показалось? Он только что сказал слово «дерьмо»? Вот это нынче церковники пошли, даже за речью не следят.

– Ты же знаешь, мы получили вчера информацию, что они отплыли в столицу. Они догадались представиться на корабле настоящими именами. Их вычислили. Но перехватить в порту не успели. Теперь мы и правда ищем иголку в стоге

сена.

– Думаешь, они в этом районе? Здесь же одни нищие, чего им тут делать? Наколдовали себе большой дом и живут сейчас припеваючи.

Рианелла усмехнулась. Люди серьезно думают, что ведьмы способны наколдовать себе дом и счастливо жить?

– Не знаю, здесь ли они. Но даже если здесь, неужели Патриарх думает, что они выйдут нам навстречу и добровольно сдадутся? Скорее всего, спрячутся. Или еще чего страшней, заколдуют нас.

– Патриарх столько лет ловит ведьм и не понимает, что с теми уликами, что у нас есть сейчас, поймать их будет практически невозможно?

– Быть может, это уже приказ Главы отряда? Лер Леквелл помешан на этих ведьмах.

Рианелла даже перестала дышать. Вслушивалась в каждое слово, следила за каждым движением мужчин. Второй пожал плечами.

– Лер Леквелл просто наследник Патриарха и пляшет под его дудку. Знаешь, будешь отдавать любые приказы, когда тебе хочет передать Церковную власть не родной отец, – он понизил голос, будто почувствовал, что их подслушивают. – Поговаривают, Вигго все это подстроил.

– Что? – тоже стал тише говорить второй мужчина. – Убил его родителей, чтобы отдать мальчика Церкви? Глупости! Это уже все грязные сплетни. Я больше верю, что на алер

Леквелл напала ведьма, и теперь брат мстит за нее.

– Думаю, правду мы так и не узнаем. Кто нам, плебеям, ее расскажет? – он усмехнулся, выпрямился и боязливо огляделся, переживая, что их беседу могли услышать. Но никого за его спиной не оказалось. Рианеллу надежно прятал густой черный туман.

Рианелла услышала достаточно для того, чтобы эта информация выбила кислород из ее легких и заставила голову закружиться. Кто такой Вигго? Ноэль глава Церковного отряда? Почему Патриарх хочет отдать всю власть именно Ноэлю? Что случилось с его сестрой? Как умерли его родители? Как Рианеллу и ее семью вычислили так быстро? Нужно ли им бежать? Что вообще происходит? Слишком много вопросов и ни единого ответа.

Разговор церковников так выбил Рианеллу из колеи, что черный туман, скрывавший ее, рухнул, девушка не смогла его поддерживать. Впрочем, заклинание больше не требовалось. Она аккуратно вышла в переулок и направилась по дороге уже быстрее.

Наконец, показался дом, который она искала. Он выделялся среди остальных и казался даже богаче. Дом деревянный, невысокий, с небольшой выступной крышей, под которой уместились инструменты и коробки с металлом. В углу лежали нарубленные дрова. За домом находился уличный туалет.

Рианелла постучалась. Послышался грубый бас, который

предлагал войти. Рианелла потянула деревянную дверь на себя. Та едва поддавалась. Внутри домика было светло и жарко. В углу стояла печь, в которой плескалось пламя, рядом наковальня, металлические щипцы. По другую сторону дома находился стол и длинная лавка. Кухня из себя представляла исключительно несколько бочек и ящик с картошкой. Небольшой умывальник ютился в углу. Воду, похоже, набирали в колодце. На свободной стене рядом с печью расположилось блестящее, только что выкованное оружие.

У металлического станка для выковки стоял мужчина. Он был таким высоким, что его голова едва ли не упиралась в потолок. Темные волосы коротко подстрижены, на нем грубая рубаха, брюки и кожаный фартук. Он выглядел грозно, и Рианелла поежилась, осознав, что находится с незнакомым громилой наедине.

– Доброго дня, – лучезарно улыбнулась Рианелла. – Я вам писала письмо неделю назад, мне порекомендовали вас в городе... – девушка еще раз огляделась. В городе не врал. Кузнец мог и правда продать любое оружие без лишних вопросов. А в Оферосе нужно быть готовой защищаться без помощи магии.

Кузнец обернулся. Он оглядел девушку и совершенно неожиданно дружелюбно улыбнулся.

– Вы алер Бекарди?

– Как вы поняли? – насторожилась Рианелла.

– Девушки обращаются ко мне за помощью крайне ред-

ко, – усмехнулся он. – Вы заказывали револьвер и кинжал, насколько я помню. Присаживайтесь пока. Моя обитель не очень подходит для девушек, но я радушно встречаю всех гостей, – его голос был низким, но при этом задорным, словно кузнец разговаривал со старым другом. Рианелла послушалась и села, дожидаясь подготовки заказа.

Кузнец выковал для нее нож с аккуратной синей рукояткой, а также добыл револьвер, пороха и несколько пуль. Положив заказ перед девушкой, он опять широко улыбнулся и сказал.

– Вот, принимайте, алер Бекарди.

Рианелле хватило лишь одного взгляда на оружие: оно подойдет для самообороны, но убить им будет нелегко. Кинжал короткий и недостаточно острый, а в револьвере всего лишь несколько пуль, попробуй попади в сердце, чтобы погубить человека. Чтобы по-настоящему победить, ей придется использовать магию.

– Беру. С меня пять золотых куши? – кузнец кивнул. Рианелла порылась в карманах и вытащила изящный красный кошелек. Внутри было всего несколько монет. Все они ушли кузнецу. Больше денег у Рианеллы не было.

Жалованье еще не выплатили, а тетя и так предостаточно их содержала: они жили в ее доме, ели ее еду. Гордость Рианеллы никогда бы не позволила взять денег у тети, которая их приютила и делала все для их блага. Рианелла работает, и как-нибудь дотянет до жалованья.

Рианелла убрала револьвер, порох и пули в наплечную сумку, а кинжал спрятала в штанину брюк. Металл приятно охлаждал кожу и напоминал о том, что она сможет защититься и без магии.

– Думаю, вы посещаете мою обитель не в последний раз, – ухмыльнулся кузнец. – Мое настоящее имя Бёдвар, – он протянул свою массивную руку девушке. Рианелла пожала ее, касаясь грубой от работы кожи, и ответила.

– Рианелла. Почему вы думаете, что я приду к вам еще?

– Вы ведь скрываетесь от властей, да? Или от Церкви? Это не моего ума дела, но, поверьте, я таких, как вы, видел многих. И все они заканчивают, либо гния в тюрьме, либо торжествуя на вершине.

– Чего же вы тогда не легализовали свое производство, раз у вас есть и влиятельные знакомые? – любопытствовала Рианелла.

– А потому, что, находясь в тени, я знаю больше тех, кто в самой гуще событий.

– Вы про Церковь?

– Выпьете со мной? – ответил вопросом на вопрос Бедвар, подходя к бочкам. Чего же все так нороят сегодня предложить Рианелле напитки? Кузнец, тем временем, достал две деревянные кружки и налил в них вина. – Прямоком от производителя. Такого вина вы никогда не пробовали.

– Я не пью с малознакомыми мужчинами, – покачала головой Рианелла.

– Но заявляетесь к ним в гости, – настаивал кузнец. Он все же налил две чашки и сделал по небольшому глотку из каждой. – Выбирайте любую.

Это было негигиенично, но Рианелла не брезговала. Ей предложили выпить, а отравлять, кажется, не собирались. Так почему отказываться? Похоже, этот Бедвар знает много интересного.

Рианелла сделала глоток вина и отметила его аромат. Вино и правда было вкусным и насыщенным. Еще бы Бедвар не разбирался в алкоголе.

– Так вы говорили о Церкви?

– К какой территории ты относишься? – внезапно, очень резко, мужчина перешел на фамильярный тон. – Если к Центральной территории и фамилии Леквелл, я даже рта не раскрою, – он лучезарно улыбнулся. Завидев растерянный взгляд Рианеллы и то, как дрогнули ее руки, Бедвар поспешил добавить. – Я уважаю господина Вигго и все его способы получения желаемого, я не буду противостоять...

– Подожди, Бедвар, я в Оферосе недавно. Я не знаю никаких Леквеллов и господина Вигго, – солгала отчасти Рианелла. Леквеллов она некоторых знала. Но вот как они связаны с главной семьей графов на Центральной территории – нет. Судя по фамилии, кровным родством.

– Да ладно, а оружие тебе тогда зачем? – хмыкнул Бедвар и сделал еще один глоток из кружки. – Здесь у каждого есть покровитель, а за оружием приходят тех, чьи души жаждут

изничтожить.

– Сурово, – кивнула Рианелла и тоже отпила из кружки. – Но я сама себе покровительствую. Так кто такой Вигго? – девушка видела, что кузнец сомневается, но она ослепительно улыбнулась и добавила. – Бедвар, я все равно узнаю это. От тебя или кого другого, а так мы проведем время за приятной беседой.

Бедвар быстро раскололся. Что именно повлияло на него: харизма Рианеллы или попавший в кровь алкоголь, непонятно, но любовь к сплетням в этом городе передавалась с молоком матери.

– Вигго сейчас глава Центральных земель. Но он не был наследным графом с рождения.

– Братья умерли?

– Хуже. Он сверг своего дядю лет двадцать назад. Прежний граф был серьезно ранен, но, в сравнении с остальными членами семьи, он отделался легче всех. Вигго убил своего двоюродного брата, сына прежнего господина, и его жену, пощадив лишь их малолетних детей. Отца к власти он тоже не допустил, да тот и не рвался, был женат второй раз и занимался недавно рожденным ребенком. С тех пор Вигго правит Центральными землями, а его родственники изгои, проживающие на Западной территории. Весь Оферос страшится Вигго. Никто здесь не хочет идти против него.

– А ты как-то связан с этой историей, Бедвар?

– Я только начал свою карьеру кузнеца, мой отец рано

умер, и мне пришлось тянуть трех своих сестер на своих плечах, – он оттопырил три пальца, будто Рианелла не верила, что у мужчины может быть три сестры. – Я был юным и неопытным, хватался за любую работу. Когда мне предложили тайно доставить в главный дом Центральных земель оружие: клинки и ножи, я даже подумать не мог, чем все обернется.

– Ты присутствовал при перевороте?

– Да, – глухо признался Бедвар, словно не хотел озвучивать это. – Я был еще сам ребенком, и, когда увидел реки крови, пообещал больше не связываться с главными семьями. Я не осуждаю господина Вигго. Мне лишь жаль, что он втянул в это меня, и дал те воспоминания, которые уже не покинут меня.

– Почему ты просто не ушел, когда началась резня?

– Дом был закрыт, все было продумано до мелочей. Даже личная стража главной семьи перешла на сторону господина Вигго. Я спас тогда маленькую девочку, кажется ту самую племянницу Вигго, и надеюсь, что это хотя бы отчасти искупит мою вину.

– Неужели оставшаяся изгнанная семья не пыталась мстить?

– Я больше ничего не знаю, Рианелла, – фамильярно назвал ее Бедвар. Впрочем, это не резало слух. Аристократические обращения в такой обстановки и у таких людей вызвали бы исключительно смех. Рианелла была ведьмой-изгоем,

дочерью кузнеца, а перед ней сидел другой кузнец из нищенского района Офероса, который занимается контрабандой. Какие им обращения «лер» и «алер»? Такие люди, как Бедвар и Рианелла, по разным причинам изгои общества, сразу рождаются товарищами.

Наверное, он знал что-то еще, но поделиться этим либо не мог, либо не хотел. Бедвар оказался в центре развернувшейся междоусобной борьбы и теперь винил себя в случившемся.

– На моих руках достаточно преступлений, – продолжил он после короткой паузы. – Я продаю оружие разным людям. Я знаю, что все эти люди зачастую плохие и совершают плохие поступки. Но я живу своим делом, зарабатываю, воспитал трех сестер после смерти отца. Однако ни в одном деле я больше лично не участвую. И даже в город выхожу крайне редко. Мне не нужны проблемы, – он нахмурился, будто Рианелла угрожала ему. – И я надеюсь, что алер Бекарди мне их не предоставит.

– Ни в коем случае, – взмахнула ладонью Рианелла и допила вино.

В ее голове беспрерывно крутились шестеренки. Она размышляла об истории, рассказанной кузнецом, Вигго и семье Леквелл. Похоже, она знала семью Леквелл и тех самых детей, которых спасли, когда родителей убили. А прошлым графом был Луис? Теперь понятно, откуда такой лидерский тон. И неужели Ноэль и есть тот самый выживший племян-

ник теперешнего графа Центральных земель? Могла ли Церковь подавить в нем желание мести и заставить простить жестокого врага?

Получается, Ноэль и правда связан с главной семьей намного теснее, чем думала Рианелла. Он не просто аристократ, а наследник Центральных земель, которого позорно свергли с трона.

– У тебя на пальце порез, – указал Бедвар. – Кто-то откусил его тебе? – удивился он. Рианелла покосилась на свой ободранный палец и скривилась.

– Неприятная история с собакой. Все в порядке.

– Не похожа ты все-таки на преступницу, Бекарди, – усмехнулся он, поднимаясь с лавки и убирая со стола кружки. Он не казался пьяным, выглядел благодарным, словно с ним очень давно никто не общался по душам и не выслушивал то, что так тяготило его душу. – Да и не преступница ты, я уверен.

– С чего бы? Думаешь, девушки не совершают преступлений?

– О, девушки совершают преступления и похлеще мужчин, – он усмехнулся. – Но я никогда не посмею их в этом обвинить. Рианелла, ты не преступница. Быть может, сейчас эти слова звучат смешно от такого громилы, как я, но позже ты сама все поймешь.

Рианелла раздраженно вздохнула. Что за загадки? Откуда у простого кузнеца в нищенских трущобах видение будуще-

го? Что за чуткая натура? И сколько уже можно наставлять Рианеллу насчет будущего?

После этой фразы они с кузнецом быстро попрощались. Рианелла ощущала некоторое негодование. Складывалось впечатление, что все пытаются ее от чего-то отговорить, не зная ситуации. Но разве месть Слоуденам может что-то изменить? Рианелла всего лишь отомстит и заживет как ни в чем не бывало раньше. Без этой мести боль сожрет ее душу. Они убили ее отца. Разве не в праве она отнять жизнь у них?

Рианелла возвращается домой и почти сразу закрывается в своей комнате. Все заняты своими делами, и в резиденции привычно тихо. На обратном пути в дом тети Рианелла все-таки заглянула в библиотеку. Она взяла учебник истории, в котором есть размеченная карта Офероса, несколько книг про современные устои общества, парочку ныне живущих ученых и философов, церковников и последние положения императора Исливарии.

Теперь, погрузившись в собственный мир, она изучала то, что происходило в Оферосе. В провинции вопросы правительства практически не касались ее, а вот в столице многое изменилось, теперь важно было знать об Исливарии все.

В некоторых положениях Император отзывался и о нечисти, однако, особой ненависти к ним не питал. Никак ожесточать законы по поимке ведьм или демонов он не собирал-

ся, а предоставлял все полномочия Церкви.

Зато Церковь расписалась на славу! Столько осуждений в свой адрес Рианелла еще никогда не читала. Она гневно отбросила книгу в сторону, читая очередное размышления Патриарха и некоторых монахов по поводу ведьм. Отвращение поглотило ее.

Церковь поддерживали Восточные территории Исливари, Западные осуждали такую ненависть от церковных служащих (но, естественно, их слов было меньше всего в тексте), а Центральные земли относились нейтрально: не трогают меня, трогать не буду и я. Такое положение вещей удивляло Рианеллу. Общество расслоилось, мнения разделились, но движущей массой все же был народ, который слепо верил Церкви.

Судя по карте, пригород и богатые поместья относились к Западной территории, поэтому, насколько это было возможно, семья Рианеллы в безопасности. Однако это не гарантировало того, что главная семья Западных земель не сдаст их Церкви в случае необходимости.

Среди размышлений ученых мнения тоже разделились, но тех, кто выражал позицию нейтралитета или даже принятия ведьм, было не только крайне мало, но и их статьи сводились к минимуму. Похоже, цензура просто не пропускала их тексты. Но главное все же было: в людях посеяно зерно раздора, и однажды оно даст свои плоды, которые пожнут те, кто так ненавидит ведьм.

Однако среди молодежи, похоже, книги про ведьм и их истории становились популярнее. Могло ли это означать, что новое поколение станет благоразумней относиться к ведьмам и нечисти? Навряд ли. Но это могло быть началом. Требовались те, кто готов сражаться, и тот, кто поведет этих людей, борющихся за свободу, по тяжелому и темному пути освобождения.

Раздался едва слышный стук в дверь. Рианелла попросила войти и стала поспешно прятать на полку книги. Бесшумно вошла Мирабель. Она была в домашнем платье и с распущенными волосами. Завидев сестру за странным занятием, она обеспокоенно спросила.

– Что ты делаешь?

– Убираю книги, – быстро ответила Рианелла, обернулась к сестре и невинно улыбнулась. – Как у тебя дела? Как сегодняшней рабочий день?

– Все в порядке, я сдружилась со своей ученицей, и мы прекрасно учимся. Ее родители – это нечто, но не мне их судить, – вздохнула Мирабель. – Тетя уехала на званый ужин. Я столкнулась с ней внизу, и она сказала, что ты пришла сегодня с работы очень поздно. Что-то случилось?

– Надо было заскочить после работы по делам, – отмахнулась Рианелла.

– Я надеюсь, ты переждала ливень и не раздавала почту под ним?

– Письма нужно разнести до обеда, – пожала плечами Ри-

анелла и плюхнулась на кровать. Похлопала рядом с собой, приглашая сестру лечь рядом. Мирабель аккуратно присела на край кровати, но Рианелла обняла ее со спины, повалила на себя и прижала к своей груди. Можно было бы так вечно держать сестру в объятиях и не отпускать...

– Ты о чем-то умалчиваешь, Риа, – вздохнул Мирабель и заерзала на ее груди, устраиваясь поудобнее. Рианелла нахмурилась.

– Ничего серьезного, Мирабель. Просто забирала кое-что в городе. И книги в библиотеке взяла. Почитаю на досуге. Ты знала про деление Офероса на три части? – съехала с темы девушка. Мирабель отрицательно мотнула головой, пощекотав своими волосами Рианеллу. – Его давным-давно поделили для удобства управления и поставили главными нескольких графов. Так вот, на Центральной территории сейчас правит Вигго, который сверг своего дядю и убил брата.

– Ох, какой ужас!

– Нужно очень осторожно вести себя с аристократами.

– И это говоришь ты? По-моему, предостерегать тебя должна я. Ты вечно ищешь неприятностей, – Мирабель ткнула сестру пальцем в бок. Рианелла вскрикнула и возмущенно дрыгнула конечностями.

– Ты представляешься фамилией Нардол? – опять спросила Рианелла. Мирабель кивнула. – А я Бекарди. Это хорошо. Не надо упоминать нашу фамилию.

– Ты назвалась Бекарди? – удивилась Мирабель.

– Представляешь, я замужем, – усмехнулась Рианелла.

– Я не об этом, я думала, что ты захочешь представиться фамилией матери...

– Нет, у меня есть законный супруг, и я стала его алер Бекарди. С чего мне представляться иначе?

– Ты так и не получила от него письма? – тихо спросила Мирабель. Рианелла нервно сглотнула, ее пальцы дрогнули.

– Нет. Возможно, до него так и не дошла моя записка о том, что мы уезжаем. Я не смогу вернуться в город, и я даже не знаю, когда он выйдет. Мне очень страшно, что мы больше не увидимся.

– Ты сильно любишь его?

– Он мой муж. Что бы между нами ни было, я хочу знать, что с ним все в порядке. Он полюбил меня настоящую, а значит полюбил искренне. Я волнуюсь за него.

– Все устаканится, Риа. Вы обязательно увидите.

– Да-а... Быть может, я закончу здесь свои дела и уеду в какую-нибудь небольшую деревеньку. Вернется Алессио, и мы будем жить с ним там вдвоем. Все будет как раньше. В те месяцы, когда мы были счастливы.

Мирабель крепче прижалась к сестре, уткнулась ей в живот и тихо спросила.

– Ты станешь мстить? Не передумала?

– Если этого не сделаю я, никто не сделает. Вам с Альвиной и мамой я не позволю участвовать в этом...

– Я помогу! – тут же перебила ее Мирабель. – Я хочу быть

с тобой рядом и не позволять тебе погрязнуть в опасностях. Ты одна не справишься. Тебе нужен человек, готовый остановить тебя в нужный момент.

– Я не желаю подвергать тебя опасности, – нахмурилась Рианелла.

– Я все равно пойду за тобой. Как ты собираешься мстить?

– Мне нужно больше времени, чтобы узнать что-то про Слоуденов. Опасно открыто рыть на них информацию. Возможно, мое дело затянется.

– Ты убьешь его? – настаивала на своем вопросе Мирабель.

– Не знаю. Мне нужно время. Но с ним проблема, – Рианелла вздохнула и очень тихо добавила. – Церковь знает, что мы в Оферосе.

Мирабель вздрогнула. На секунду комнату охватила гнетущая тишина, слышно было только сбитое дыхание сестер. Мирабель подняла взгляд, но тут же отвела его. Страх пронзил тело Рианеллы. Она впервые осознала, насколько опасно их положение. Слоуден видел Рианеллу и ее мать, если их обнаружат и узнают, остальным членам семьи тоже несдобровать.

От стука в дверь обе девушки вновь вздрогнули. Не дожидаясь ответа, дверь приоткрылась, в небольшую щель юркнула Альвина. Она выглядела очень нежно с распущенными волосами и в сиреневом платье.

– Что вы здесь делаете? – поинтересовалась она. – Слу-

жанка сказала, что вы здесь шушукаетесь, и мне стало любопытно, – она резво приземлилась на кровать к сестрам, потеснив их.

Рианелла прижала к себе еще и младшую сестру. Стало теплее и уютнее. Казалось, они на своем острове безопасности, где никто не посмеет их тронуть, где они будут счастливо жить в мире и согласии.

– Помните, мы также ютились в нашей спальне в грозу, – вдруг вспомнила Рианелла. – Мама с папой вдвоем уехали в город, чтобы закупиться продуктами, но плохая погода задержала их. Мне было всего лет пять.

– Я очень переживала, – добавила Мирабель. – Как на самой старшей, на мне лежала ответственность за вас.

– А потом, помните, в это же лето Мирабель наколдовала какого-то монстра, и нас всех затащило в один ночной кошмар! – воскликнула Альвина. – Мы сражались с огромным белым медведем, у которого не было головы.

– Я спутала заклинания! После этого я занимаюсь только варкой зелий.

– А еще, мы были уже постарше, вы искали меня в лесу, рядом с которым мы жили, – улыбнулась Рианелла. – Я залезла на дерево, когда мы пошли гулять, потому что какой-то мальчишка сказал, что я глупая, как синица, и я расстроилась. Вы не хотели возвращаться домой без меня и пошли искать меня по лесу.

– Мы нашли тебя в слезах, но ты кричала, что не слезешь

с дерева, потому что ты синица, – вздохнула Альвина. – И Мирабель держала меня на руках, чтобы я зацепилась за ветку и залезла к тебе.

– А потом вы обе свалились с дерева, – вздохнула Мирабель. – Явились домой все в синяках, я думала, с ума сойду! Родители меня должны были убить за то, что я за вами не уследила, но Рианелла бодро заявила, что вы защищали меня от напавшей на меня собаки. Матушка испугалась еще сильнее...

– Но зато нас не отругали! – радостно хохотнула Альвина.

– Потом еще, помните, мне было уже лет четырнадцать, – вспоминала Рианелла. – Я наколдовала тренировочные клинки, и мы втроем боролись друг с другом.

– Рука до сих пор еще что-то помнит, – Мирабель взмахнула кистью в воздухе. – Навыки фехтования пригодятся в жизни?

– Пригодятся, – кивнула Рианелла. – Захочешь защититься, припомнишь наши уроки.

– Мы столько всего вместе пережили... – вздохнула Мирабель.

– И еще переживем! – тут же добавила Альвина. – Мы не собираемся расставаться. Мы же не собираемся? Риа, Мира, я... – Альвина задрожала. – Подумаешь, я иногда ругаюсь на Рианеллу... Ты просто, просто... пугаешь меня своим темпераментом и справедливостью, – Альвина попыталась отстраниться, испугавшись, что Рианелла на нее обидится, но стар-

шая сестра только сильнее притянула ее к себе, прижала к груди и прошептала.

– Я все понимаю. Все понимаю, Альвина.

Альвина тихо всхлипнула. Они столько пережили вместе и еще обязательно переживут. Просто сейчас они стали старше, и их мнения перестали совпадать.

Альвина прижала руки сестры к себе, пытаясь еще крепче устроиться у ее бока. Взгляда не поднимала. В глазах стояли слезы, которые Альвина не хотела показывать.

– У тебя на пальце ранка, – прошептала младшая сестра.

– Ты опять использовала кровь для заклинаний? – осуждающе вздохнула Мирабель, сразу догадавшись, в чем дело. Заклинания с кровью были эффективней, но опасней и непредсказуемее. Мирабель, которая выбрала путь практической магии, а не духовной, часто волновалась за сестру, когда она использовала помимо своих внутренних сил еще и кровь.

– Для духовной магии нужно тратить кучу времени на тренировки, а кровь всегда под рукой.

– Ты так себя угробишь.

– Да ничего не будет, – Рианелла отмахнулась.

– Сейчас у тебя есть время, тренируйся, – пихнула ее Альвина. – Сколько тебе нужно крови для сильного заклинания? Не глупи, Риа, – укоризненно сказала ей Альвина. Рианелла не помнила, чтоб младшая сестра ее отчитывала, волнуясь о ее здоровье. Вот, дожили, даже младшая сестра стала пере-

живать о Рианелле.

Рианелла встала с кровати, сделала пару кругов по комнате и задумчиво почесала подбородок. Мирабель тоже встала, а Альвина удобней развалилась на всей кровати. Средняя из сестер достала из шкафа старую, потертую, местами порванную книгу заклинаний, которая досталась Рианелле от матери, а той от Шато и рода Нардол.

Рианелла неплохо умела перемещать предметы, а также создавать материальные вещи из черного тумана: такими тренировочными клинками они и сражались. Но вот сражаться с помощью духовной магии она не умела.

Мирабель помогла отыскать ей нужную страницу, открыла раздел по защите и нападению на других существ.

– Попробуй сбить с ног это кресло, – Мирабель тыкнула пальцем в одном из кресел в комнате. Рианелла с сомнениями на него посмотрела. Мира начала читать, как это сделать. – Сложите руки ладонями друг к другу и разогните их в разные стороны. Прижмите руки к груди, – Рианелла повторила. – Нащупайте магию в своем организме, а затем, зацепившись за нее, выкиньте руки вперед. Более способные ведьмы могут совершить это действие и вовсе одной рукой.

Рианелла сделала выпад вперед, однако, у нее ничего не вышло. Кресло не сдвинулось с места. Да, следует чаще тренироваться, иначе качественно колдовать без крови она скоро совсем разучится.

Рианелла постаралась нащупать внутри себя магию, по-

чувствовать силу. Наконец, струны золотой магической силы в ней стали ощутимы. Рианелла напряглась. Сделала вновь выпад вперед. Альвина на кровати вскрикнула, потому что от возникшего ветра ее волосы заплясали в воздухе. Кресло качнулось и с громким стуком свалилось на бок, будто поверженный враг. Рианелла самодовольно улыбнулась.

– Попробуй ранить этой силой. Призови лезвия, – Мирабель вновь стала диктовать правила. Рианелла пробовать. Но лезвия оказались сложнее, нежели поток воздуха. Кресло не хотело проигрывать.

После десятой попытки, когда по лицу Рианеллы тек пот, она всплеснула руками и раздраженно цокнула. Схватив со стола ножницы, она со всей силы резанула себя по ладони. Из раны хлестанула алая кровь. Сжав ладонь, Рианелла нащупала переполненные силой золотые нити в груди. Девушка прикоснулась к ним. Воздух моментально пропитался магией. Мирабель оттолкнула книгу и, осознав, что случилось, побежала спасать сестру, но было поздно.

Рианелла уже использовала кровную магию. Кресло, покрываясь тонкой алой пеленой, едва ли не взорвалось. Обтянутая кожа треснула, мягкие внутренности кресла, словно органы, кости и мышцы, вывалились наружу столбом. Рианелла разжала руку, вновь зажала, чтобы остановить кровь, но колдовать прекратила.

– Враг повержен, – гордо заявила она.

– Ты опять использовала кровь!

– Духовная магия, похоже, не для меня. Серьезные заклинания я могу исполнять только с кровью.

– Ты просто неусидчивая, нужно тренироваться. На сколько тебя так хватит, если ты станешь постоянно использовать кровь?

– Какая разница, на сколько хватит? Главное, что магия действенна.

Глава 7. Руки в крови, и сердце в бреду

Их сердца бьются для других,
но в момент сомнений
он выбирает не свою суженную.

Рианелла, безусловно, понимает опасения старшей сестры. Магия, взращенная исключительно на крови, медленно убивает ведьму, будто смертельная болезнь. Поэтому Рианелла теперь часто закрывается в своей комнате после работы и практикуется в духовной магии, как колдун-отшельник, до самого ужина. Добиться никаких результатов не удастся, но девушка уверенно твердит сестрам, что у нее все получается, пусть на самом деле в конце занятий она обычно всегда использует кровную магию, которая ее по-настоящему слушается.

В комнате небольшой хаос. Несчастное кресло, которое Рианелла выбрала своей жертвой, стойко переносит очередную тренировку. На полу валяются подушки, которые были специально раскиданы девушкой. Рианелла в прошлый раз тренировалась до изнеможения и потеряла сознание, больно ударившись головой о пол и испачкав его кровью. Порывами воздуха со стола смело несколько листов бумаги. Некоторые лежат еще с прошлой тренировки.

Убираться в своей спальне служанке Рианелла не разре-

шает. Хотя большая часть постоянных слуг знает о происхождении хозяйки и подозревает, что гости тоже не люди, но Рианелла не знает их настоящую политическую позицию. В ее покоях хранятся книги философов и запрещенная литература про ведьм. Книги, свитки и документы можно использовать как доказательства ее виновности и принадлежности к ведьмам Церкви. К тому же, она хранила в комнате огнестрельное и холодное оружие, прятала переписки с ведьмами. Чтобы не подставлять себя и семью, Рианелла практически никого не пускает в свою обитель.

– Никуда вы не поедете! – раздался громкий гневный голос тетушки за стеной. Рианелла вздрогнула от неожиданности. Золотистая магия, окутавшая пальцы, словно блеск солнечных лучей, исчезла.

– Мы только подставим тебя! – вторил ей раздраженный голос мамы. Она уже вернулась с работы?

Рианелла пнула подушки в угол, очистила себе небольшое пространство на полу и вылетела за дверь. В центре коридора второго этажа, стоя друг напротив друга, ругались мама и тетушка. Мама еще в больничном халате, похоже, только пришла с работы, а тетя в строгом золотистом платье. Она небрежно сжимала в руках газету, измяв ее.

– Они вас здесь не найдут! Успокойся! – продолжала кричать Аврора. Видимо они с сестрой ругались уже достаточно давно, просто перемещались по дому, поэтому их стало слышно на втором этаже только сейчас.

Дверь боковой спальни открылась. Показалась Мирабель. Спустя секунду открылась и соседняя дверь, из нее вышла Альвина. Все три сестры переглянулись. Старшая и младшая уставились на среднюю, но та только пожала плечами. Рианелла ничего не понимала. А тетя и мама, тем временем, продолжали спорить.

– Что здесь происходит? – деловито поинтересовалась Мирабель, уловив в их ругани мгновение тишины.

Аврора и Агнес удивленно обернулись. Они не видели сестер, поэтому не ожидали, что те окажутся прямо перед ними. Поняв, что они слышали их ссору, мама тяжело вздохнула, ее плечи устало опустились, и она пробормотала.

– В газете напечатали, что сбежавших из провинции ведьм приехали ловить церковники, которые лично вели дело их сожженного мужа и отца. Совпадений быть не может, прибыли нас арестовывать. Они знают о нас больше, потому что Слоуден описал нас, да и в городе нас многие знали и видели. Чтобы им не опознать нас, надо быть слепыми. Я и сказала Авроре, что нам нужно уезжать, спастись и не подставлять ее саму.

Сестры вновь переглянулись. Альвина запоздало взвизгнула и прижала к груди руки, будто пыталась защититься. Рианелла подошла к тете и попросила у нее помятую газету. Та нехотя протянула ее.

В главной статье говорилось о двух прибывших церковниках из отряда провинции. Со слов Слоудена была описана

внешность ведьм, которых искали. Горожан призывали помочь в поисках и сообщать о каждой подозрительной личности. Описания, безусловно, подходили под Агнес и Рианеллу. Чиновник хорошо постарался, чтобы запомнить и передать внешность девушек.

– Если не привлекать внимание, нас не хватятся, – попыталась успокоить всех Мирабель, все еще стоящая в дверном проеме. Читать статью ей совершенно не хотелось. Ей под бок пробралась Альвина и цепко обняла ее. Старшая сестра гладила младшую по шелковистым черным волосам.

– Мира, детка, – нежно обратилась к ней Агнес. – Слоуден видел, как мы с Рианеллой колдовали. Если тебя и Альвину еще можно пощадить, нас щадить никто не станет.

– Когда эти церковные праведные выродки кого-то жалели? – фыркнула Рианелла и смяла газету. На ее пальцах показалось едва заметное золотое свечение. Оно окутало газету, и бумага, теряя букву за буквой, словно жизненную силу, превратилась в жалкий пепел. Рианелла небрежно стряхнула его с ладони и сморщила нос.

– Как они вообще так быстро вышли на нас? – спросила Альвина.

– Нас сдали на корабле, – скорчилась Рианелла, вспоминая разговор двух церковников в нищенском районе. Все озадаченно уставились на нее. – Не спрашивайте, откуда я знаю, просто знаю и все. Патриарх, видимо, понял, что самому поймать нас не получится и вызвал людей из области. По-

хоже, мы и правда уехали слишком поздно. Простите меня.

– Не извиняйся, – перебила ее Мирабель. – Ты сама говорила, что нас бы в любом случае обнаружили, дело времени. Нужно решать насущные вопросы. Кто может нас сдать?

– В моем доме вас никто не сдаст, – настаивала Аврора. – Продолжайте работать и учиться, как ни в чем небывало, тогда никто не обратит на вас внимание. Вам нужно остаться здесь.

– Тетя права, – согласилась с ней Альвина. – Куда мы сейчас денемся? Больше родственников в других городах у нас нет. Ехать обратно домой тоже нет смысла. Нам остается скрываться здесь.

– Это опасно, – вздохнула мама.

– Сейчас везде будет опасно, – прервала ее Рианелла. – Здесь мы уже обжились и приобрели какую-никакую репутацию. Думаю, я разберусь со своими делами и придумаю что-нибудь насчет того, где нам можно спрятаться.

– С какими делами? – нахмурилась мама. – Риа, не глупи, каждый шаг может стоить тебе жизни.

– Если в городе начнется суматоха, мы незаметно сбежим. В противном случае, если моя месть пойдет не по плану, я увезу вас раньше.

– Ты что удумала? – сжала ее локоть мама и вновь тяжело вздохнула. – Давайте просто уедем... Объясните кто-нибудь Рианелле, что эта политическая деятельность в городе может быть опаснее даже ее происхождения.

– Я пойду с ней, матушка, – сделала заявления Миранбель. – Что бы она ни придумала, куда бы ни пошла, в какие передряги ни попала, я буду рядом.

– Вот видишь, мам, не такой уж я плохой оратор. Уже одну девушку переманила на свою сторону.

– Вы доведете меня, – отмахнулась мама. – Хорошо, давайте останемся. Но, если ситуация усугубится, и на наш след выйдут, мы этим же днем уезжаем.

– Договорились, – ответила за всех Рианелла, но каждый понимал, что это ложь.

На их след уже вышли. И церковники из области правда могли их легко опознать. Церковный отряд и Патриарх крайне тщательно планировали свои действия и прибегали к помощи всей страны, лишь бы словить ведьм. В чем была причина их такой яррой ненависти?

Требовалось торопиться. Возможно, мама права, стоило уезжать, но куда? Родственников не осталось, а тетя не могла содержать их где-то отдаленно от резиденции. У Рианеллы потихоньку созрел план: она быстро ищет информацию о Слоуденах, ссылаясь на то, что хочет помочь в поимке ведьм, а после этого мстит, собирает семью и уезжает обратно в Шато. Главное, и самое страшное, не привести за собой хвост церковников. Подставлять их клан и семью не входит в ее планы.

Волнение, как жгучая огненная волна, охватило тело Рианеллы. Все разошлись с нескрываемым страхом на лице,

у каждого в голове роились свои мысли. Рианелла закрылась в своей спальне. Ее руки дрожали. Храбриться перед семьей было проще, чем держаться сильной перед самой собой. Опасность, которая ждала Рианеллу, если она ввяжется в месть, будет намного сильнее, чем мамины предупреждения. Один неверный шаг и правда может стоить жизни. Главное, чтобы пострадала только Рианелла, и это никак не затронуло ее семью. Только сестры, мама и тетушка останавливали ее от безрассудных действий. О своей жизни она точно не беспокоилась так, чтобы быть осторожной.

На следующий день Рианелла, как обычно, отправляется на работу. Не считая сжигающего страха в груди, ничего не изменилось. Только теперь Рианелла вынуждена носить перчатки. Частые тренировки с кровной магией оставляют ссадины и царапины, которые не заживают моментально. Впрочем, из образа кожаные перчатки вовсе не выбиваются. Приближается зима, и никто не обратит внимание на ее защищенные руки.

Единственным человеком, который мог ей рассказать о том, что творится в Главной Церкви, являлся Ноэль. И хотя они знали друг друга плохо, Рианелла могла сыграть напуганную статью про ведьм дурочку, которая с легкостью выманит у члена Церковного отряда нужную информацию.

Погода стояла подозрительно хорошая, поэтому Рианелла быстро оббежала все почтовые ящики и с практически пустой кожаной сумкой через плечо добралась до край-

ней усадьбы, принадлежащей Леквеллам. Мысль, что Ноэль настоящий наследник Центральных земель, а его дедушка свергнутый граф, заставила вздрогнуть. Одна ошибка или подозрительность со стороны Рианеллы сразу сведут ее в могилу. У этих людей прочные связи в городе, они являются практически его корнями, растущими под землей и крепнувшими с каждым годом.

Ящик Леквеллы починили давно, поэтому с причиной постучаться вышли трудности. Впрочем, Рианелла решила тут не лгать. Она лишь надеялась, что дома окажется именно Ноэль, а не его дедушка. Она перед ним опять зардеется и ничего не сможет сказать.

Когда Рианелла попыталась пройти на территорию усадьбы (Леквеллы почему-то никогда не закрывали главные ворота), ей показалось, что рядом с ней мелькнули тени. Девушка резко обернулась, на этой улице были только богатые дома, по дороге проезжали либо на каретах, либо шли в сопровождении слуг. Никто не стал бы подкрадываться к ней.

Рианелла дернула головой. За ней никого не оказалось. Она прищурилась и оглядела тропу, стоящий противоположный особняк и рядом растущие деревья, уже потерявшие листья. Ничего подозрительного девушка не увидела. Наверное, показалось, и ее тревожность в последнее время превращает ее в параноика.

Пожав плечами, дабы успокоить себя тем, что тени всего лишь предвиделись, Рианелла вошла во двор усадьбы и по-

стучала большим металлическим кольцом от ручки. Выждала пару минут. Дверь привычно открыл Ноэль. Она даже не сдержала улыбку от радости.

– Доброго дня! – впервые поздоровалась она.

– И вам. Опять ящик сломался? – хлопнул несколько раз глазами с длинными густыми ресницами Ноэль.

– Нет, все в порядке, – отмахнулась Рианелла и стерла с лица улыбку. Наигранно замялась. Опустила взгляд. Попыталась прикинуться застенчивой и смущенной. Играть было трудно. Когда ей последний раз было неловко разговаривать с кем-то? Только с Луисом, но это явное недоразумение.

– Вы что-то хотели спросить, алер Бекарди? – скрестил на груди руки Ноэль. Рианелла подняла взгляд, впервые обратив внимание, что парень очень высок. Она стояла значительно ближе к нему, чем в прошлый раз, и сама не ожидала, что он окажется настолько высоким. Она сглотнула. Сердце пропустило удар. Удивившись тому, что она по-настоящему засмушалась, Рианелла сделала шагок назад.

– Д-да... Знаете, лер Леквелл, я решила обратиться к вам с вопросом... Я и моя семья, живущая в Оферосе, очень сильно обеспокоены последней статьей во вчерашней газете. Правда, что в Оферос прибыли ведьмы? И что все так серьезно, раз отряд из области приехал в столицу?

– Во-первых, всего лишь два человека, во-вторых, все под контролем, – Ноэль нежно улыбнулся, будто пытался успокоить разволновавшуюся Рианеллу. – В Оферосе абсолютно

безопасно, вам не о чем переживать.

– По городу ходят слухи, – Рианелла сделала голос тише и чуть наклонилась к парню, словно собиралась поведать тайну. – Будто их сдал чиновник Слоуден, и о нем больше ничего не слышали.

Рианелла церемонно обернулась, будто кто-то стал бы их подслушивать на территории усадьбы Леквеллов. Слух она выдумала только что сама для того, чтобы вывести на чистую воду такого праведника, как Ноэль. Он точно терпеть не может сплетни и ложь и расколется, дабы доказать, что все это глупости. Впрочем, Рианелла не удивилась бы, что чиновника кто-нибудь бы уже прикопал за его наглое поведение.

– Слухи все это, – отмахнулся Ноэль. – Даже если ведьм сдал Слоуден, его защищает правительство, и ему ничего не угрожает. Он просто сейчас немного... занят, – замялся с ответом Ноэль.

– Вот как, – задумчиво кивнула Рианелла, стараясь показать, что еще не до конца верит словам церковника и «боится страшным опасных ведьм». – Вы ведь в Отряде, лер Леквелл, точно ли никто не пострадал? – прищурилась Рианелла.

– Не волнуйтесь. Как командир Церковного отряда Главной Церкви Офероса могу вас уверять, что никто не пострадал, – улыбка парня стала еще шире, но в глазах мелькнуло странное сомнение. Неужели он начал догадываться об игре Рианеллы? Раскусил ее ложь? Наверное, запомнившейся ему образ девушки не сходился с сегодняшним. – Со Слоуденом,

повторюсь, все в полном порядке. Господин занят важными делами, я с ним знаком лично. Вскоре... – Ноэль замолчал, но все же закончил начатую фразу. – Вскоре в столицу прибывает его дочь.

– Вы командир? – удивленно хлопнула глазами Рианелла. Мужчины из нищенского района были правы: Патриарх передал неродному сыну слишком большую власть. Ноэль так молод, но уже командир Церковного отряда? Неужели он настолько выдающийся ловец ведьм, что его назначили командиром? Или Патриарх преследовал собственные цели?

Подождите... Дочь Слоудена прибывает в Оферос?! Это что, удача наконец-то на стороне Рианеллы? Дочь Слоудена еще лучше, чем сам Слоуден! Если чиновник так и не появится в городе, плевать, если здесь будет его дочь. Через дочь будет крайне просто объяснить Слоудену, что с ведьмами шутки плохи.

– Вы так удивляетесь каждый раз, – хохотнул Ноэль, но уголки его губ дрогнули и опустились. Лицо, словно высеченное из камня, с идеальной бледной кожей, вновь стало невозмутимым.

– Вы храните слишком много тайн, господин, – лучезарно улыбнулась Рианелла. – Доверюсь вам и поверю, что в Оферосе никакой опасности.

– Ведьм мы держим под контролем, – уверил ее Ноэль. От такого самоуверенного тона Рианелла не сдержалась и усмехнулась, подняв брови вверх. Знал бы ты, мальчик, с кем

разговариваешь. – Но леру Бекарди я все же советую сопровождать вас как можно чаще.

– Зачем это? – удивилась Рианелла. – Мы не имеем привычки быть рядом друг с другом каждую минуту.

– Это плохо.

– Разве?

– Если вы будете в опасности, ваш муж не сможет вас защитить.

Рианелла помрачнела. Алессио вряд ли до сих пор знал, где она вообще находится, что случилось с ее отцом и все остальное. Его закрыли за убийство гнилого человека только потому, что тот оказался сыном богатого купца. Никто даже не глянул на многолетнюю карьеру Алессио, потому что на нее всегда закрывали глаза.

– Я сама способна защитить себя, – гордо вздернула она подбородок. Металл револьвера, спрятанного в резинку брюк и скрывааемый свитером и пальто, обжег кожу, напоминающая о себе.

Рианелла бросила смелый взгляд на парня, угрюмо фыркнула и, развернувшись на каблуках, направилась в сторону ворот.

Ноэль не окликнул ее, чтобы попрощаться, и позволил Рианелле уйти. Она бы не остановилась. Он бы и не позвал.

Все-таки воспитание церковников резонно отличается от того, как воспитывались ведьмы, и какие ценности вкладывались в их мировоззрение. Каждая ведьма должна уметь по-

стоять за себя, знать себе цену, а мужу быть не хозяином своей жены, а любящим помощником, как и жена для мужа. В целом, браку уделялось не такое важное место, как среди людей. Ведьмы считали, что стоит лучше узнать друг друга, пожить вместе, а потом уже жениться. Зачастую в семьях и вообще главную роль играли исключительно женщины.

Ситуация Рианеллы была редкостью. Она вышла замуж слишком рано, и ни одна ее подруга еще даже не думала о замужестве. Но привыкшая к эмоциональности Рианелла быстро сделала свой выбор. Алессио был довольно старше ее, опытнее, разумнее и, самое главное, искренне любил ее настоящую. Как можно не полюбить такого мужчину? Как можно ему отказать?

Церковники были слишком правильными для Рианеллы. Ей казалось, что они совершенно не умеют нарушать правила, склоняются над книгами часами и пропагандируют идею того, что только люди имеют право жить в этом мире. Они были врагами ведьм уже много лет. Ведьмы оказались в тени, прятались и боялись. Сколько это должно продолжаться? Как будут жить ее сестры, вздрагивая по ночам? Когда мама прекратит плакать по почившему супругу?

Разве такие тихие и счастливые семьи, вроде семьи Рианеллы должны страдать? Почему по заслугам получает только она, а те, кто желает смерти и ненавидит всех, богато и счастливо живут?

Рианелла направляется в сторону дома. С работой на се-

годня покончено. Солнце светит ярко, и Рианелла даже потеет в толстом пальто. Хотелось бы прогуляться, но из-за вчерашней статьи несколько дней необходимо не светить своим лицом в городе лишний раз. Еще стоит наказать Мирабель попытаться выяснить, зачем Слоуден отправляет свою дочь в Оферос, потому что, если Рианелла опять придет с вопросами к Ноэлю, тот засомневается, что девушка всего лишь боится. Ноэль знаком со Слоуденом лично, и может сдать ее чиновнику.

Церковники обычно патрулируют Центральную площадь, поэтому Рианелла решает сделать круг и обойти центр. Пусть дорога выйдет длиннее, но безопасней. С дороги она сворачивает на узкую улочку, чтобы обойти Центральную площадь. Кто-то сворачивает вместе с ней. Рианелла резко оборачивается, рука невольно тянется к поясу брюк...

Но никого сзади не оказывается. Лишь по дороге, мимо переулка спешат люди, хлопают двери лавок, доносятся голоса и крики торговцев. Рианелла хмурится. Она уверена, что кто-то свернул с дороги вместе с ней. А если этого «кого-то» не оказалось за ее спиной, значит, он следит за ней тайно и преследует. Возможно, еще с самой усадьбы Леквеллов.

Рианелла медленно поворачивается и идет по дороге дальше, пытаясь сделать вид, что никого не заметила. Однако ее движения становятся скованными. Ее нутро отчетливо ощущает чье-то присутствие. И от каждого шороха и шума

она вздрагивает. Вот хлопнули подъездной дверью, вот навстречу идет женщина с громкоголосыми ребятишками, вот две девушки из какой-то частной школы что-то бурно обсуждают.

Чтобы дойти до дома, нужно свернуть налево, в еще один переулок, там пройти пару домов и вывернуть в сторону коттеджей, оттуда – к дому тети. Но за ней следят. И на хвосте явно враги. Привезти их домой – самоубийство. Рианелла принимает единственное верное решение в данной ситуации: резко сворачивает направо в нищенский район, где еще недавно пряталась между домами от церковников и ходила в мастерскую к Бедвару.

Рианелла забегает за первый же попавшийся дом. Как она и ожидала, за ней сворачивает еще кто-то. Ее преследуют двое мужчин, и она моментально понимает кто это. Признать этого совершенно не хочется, но нарастающий ужас осознания сковывает все тело.

За ней следили церковные служащие, но только не из Церкви Офероса. На мужчинах темно-зеленые камзолы, какие носили в провинции, где жила Рианелла. Похоже, это те самые мужчины, о которых говорилось во вчерашней статье. И нашли они Рианеллу еще быстрее, чем она думала. Где именно они ее узнали? Вряд ли у дома тети, тогда сразу бы напали. Похоже, они знали, как выглядит Рианелла и, патрулируя город, увидели ее, разносящую почту. Почему тогда не схватили у дома Ноэля? Хотели выявить логово? Или просто

не знали, что Ноэль командир Церковного отряда? Скорее всего, просто хотели поймать сразу всех ведьм, ведь приезжим церковникам поставили именно такую цель.

Когда мужчины завернули в нищенский район следом за Рианеллой, они растерялись, не увидев девушку. Они раздраженно переглянулись и сразу обнажили клинки. Догадались, что Рианелла их раскусила. Теперь их цель заключалась только в том, чтобы поймать хотя бы Рианеллу. Идиоты, они правда думали, что ведьма приведет их в свой дом и не догадается, что за ней следят?

Церковники быстро оглядываются и обнаруживают девушку, которая прячется между домами. Они легким бегом направляются к ней. Рианелла разворачивается и быстро бежит вглубь двора. Пусть лучше она заведет их в тупик, чем станет сражаться посреди улицы.

Трущобы похожи на лабиринт. Между домами есть проходы, ведущие в соседние дворы. Рианелла, перепрыгивая мусор и нагромождения старой деревянной мебели, бежит дальше, пытаясь оторваться от мужчин, укрыться где-то и придумать, что с ними делать.

Церковники больше не скрываются. Сначала они молча преследовали ее, но прыгать по узким грязным домам им быстро надоело, и они начали кричать, чтобы Рианелла остановилась. Имени ее они не знали, поэтому называли демоном, видимо, будучи уверенными, что демоны и ведьмы — одно и то же.

Рианелла свернула в очередной двор. Быстро оглядев его, она обнаружила, что добралась до тупика. Как в клетке, здесь был единственный выход. И, преграждая его, к ней направлялись церковники с оголенными клинками. Скрываться больше не было смысла. В пустом переулке Рианелле нужно либо принять бой, либо сдаться и умереть. Здесь никто не станет ее спасать.

Она вскинула руку вперед, нащупала духовную нить и сделала выпад ладонью вперед. Резкий порыв воздуха заставил двух мужчин остановиться. Один из них не удержал равновесие и опустился на одно колено. Воздух моментально пропитался сладковатым запахом магии.

Мужчина, оставшийся стоять на ногах, выругался и помог встать другу. После этого обратил свой взор на девушку.

– Думаешь, сбежишь от нас? Твои гребанные трюки не спасут тебя. Бежать тебе некуда.

– Также как и вам, – хмыкнула Рианелла и достала из брюк револьвер. Он был не заряжен, пули и порох лежали в карманах, но девушка уверенно навела оружие на противников.

Те удивленно переглянулись. Похоже, не ожидали увидеть револьвер.

– Твоих дрянных сил уже недостаточно, исчадь злого рока? – насмеялся один из церковников. Они выглядели еще больше неотесанными и невоспитанными тех церковников, кого она встретила в этом районе в прошлый раз. Те хотя бы принадлежали Главной Церкви и столице, а эти были обыч-

ными простолюдинами из провинции.

– Зачем тратить силы на такие ничтожные жизни, как ваши? – продолжала настаивать Рианелла. Мужчины злились. Эта игра им надоедала.

– Сейчас мы тебя схватим, допросим, чтобы узнать, где ваше логово, а после сожжем всех на костре, – пытался запугать ее церковник. Но то, что она будет гореть на костре, Рианелла слышала в своей жизни слишком часто, поэтому ни единый мускул не дрогнул на ее лице.

Мужчины направились к девушке, медленно загоняя ее в угол. Они наслаждались поимкой своей жертвы и уже мысленно ликовали. Они поймали врага! Уничтожат одну ведьму, в Церкви их точно похвалят за это.

– Господа, постойте на месте, – рывкнула Рианелла и крутанула в воздухе пальцами, подняв пыль, застилающую церковникам глаза. В момент их промедления Рианелла вновь взмахнула пальцами, пытаясь поднять металлическую балку и кинуть в них. Но балка только дрогнула и осталась на месте. Выругавшись, Рианелла подняла прогнившую доску, валявшуюся у старого дома, и кинула ее в мужчин.

Воспользовавшись их замешательством, Рианелла быстро достала порох, запихала его в камору вместе с пулей. Лишний порох высыпался на землю. Рианелла вновь выругалась. Она торопилась.

Рианелла успела зарядить три каморы, когда пыль окончательно осела на землю, и церковники стремительно побе-

жали в ее сторону. Когда она начнет стрелять, выстрелы будут слышны в округе, нужно будет бежать, но для побега еще рано.

Еще одна проблема заключалась в том, что Рианелла никогда не стреляла в людей. Револьвер ей пришлось держать в жизни всего раз, когда Алессио, отправляясь на сделку с каким-то дилером, взял жену с собой, потому что дома ее было оставлять куда опасней. Сделка прошла хорошо, никаких перестрелок не было, но после работы Алессио завез Рианеллу на старый деревянный склад, где она постреляла по стеклянным бутылкам.

Люди не были похожи на стеклянные бутылки. Церковники шевелились и крайне сильно гневались на нее. Их ловкие движения было трудно предугадать. К тому же, мужчины были вооружено ответно и тоже могли нанести удар. Вся эта ситуация совсем не походила на ту, где Алессио учил любимую девушку стрелять по бутылкам.

Но разве Рианелла имеет право проиграть в этой битве? Она опорочит имя своего известного в криминальных кругах мужа.

Клинки соединились, планируя насквозь пронзить Рианеллу, будто мясо, но девушка вовремя упала на землю и перевернулась, испачкав пальто в пыли. Клинки сомкнулись над ее головой с громким лязгом. С каждой неудачей церковники злились только сильнее, и Рианелла поджигала этой игрой собственную клетку. Бежать все также было некуда, а

с минувшими секундами пламя разгоралось сильнее, удушая не только ее противников, но и ее саму.

Рианелла попыталась собрать энергию в кулак, но духовные силы никак не приходили. Золотые нити пульсировали. Рианелла пыталась ухватиться за любую из них, но они беспощадно рвались, не призывая никакой магии. Каждая рвущаяся нить приносила боль, которая отдавалась колющим ударом по всему телу.

Мужчины, тем временем, опустили свои клинки к земле. Они сражались договорено, будто по определенной парной тактике, а клинки звенели, словно грубая мелодия арфы. Все их выпады заканчивались перекрещением клинков: одно неверное движение, и Рианеллу пронзят сразу два лезвия, вместо одного. Похоже, допрос для них уже не так важен.

Рианелла так старательно отпрыгивала и уворачивалась от клинков, так пыталась схватить горячие магические нити, что не заметила, как по лицу потекла горячая жидкость. Рианелла шмыгнула носом и растерянно коснулась губ. По ним текла алая кровь. Попытки призвать духовную магию подняли давление организма.

Кровь. Взор Рианеллы туманится, и фиолетовые очи застилаются кровавой пеленой. Она резким движением вытирает рукой струящуюся по лицу жидкость и сжимает ладонь. Затем делает то же самое со второй рукой. На мгновение ладони освещаются яркой вспышкой, будто молния разрезает черные тучи, но бесшумно, грома не следует. Ладони окуты-

ваются кровавой пеленой, которая распространяется дальше и дальше, превращаясь в два толстые кнута.

Мужчины пытаются разрезать кровавые веревки, но магия отбрасывает их. Клинки ломаются надвое. Запихнув за пояс заряженный револьвер (что крайне опасно), Рианелла поднимается на ноги, сдерживая в ладонях красные кнуты.

Магия медленно опутывает веревками тела мужчин. Сломанные клинки падают на землю. Церковники пробуют кричать, но толстые кровавые лианы быстро их затыкают, используя магию, как кляп. Теперь, болтаясь в воздухе, Рианелла сдерживает кровавой магией двух церковников. Плевать, что говорила Мирабель про опасность использования крови. Вот она настоящая магия. Истинная сила Рианеллы Бекарди.

Рианелла быстро прокручивает веревки на пальцах, сжимая мужчин в тисках. Ответвлением кнута она ощупывает карманы церковников. Те пытаются кричать, их глаза налились кровью, а лица покраснелись. Каждое движение только сильнее опутывает вокруг них магические веревки.

Рианелла находит кошельки и удостоверения. Они не интересуют ее. Но вот свернутые листы бумаги привлекают внимание.

– Так-так, господа, а что это у нас тут... – бормочет Рианелла, видя, как отчаянно пытаются закричать церковники.

Рианелла разворачивает листы одной рукой, второй сжимает сразу две лианы. На найденной бумаге оказываются два

рисунка. Из подписей только фамилия «де Марис», на месте имен вопросительный знак. Внизу рисунка немного корява подпись чиновника Слоудена. Он нарисовал портреты по памяти с женщины и ее дочери, которых видел у кузнеца. Так вот как церковники опознали ее, у них были портреты. И внешность вполне сходилась. Главные черты лица были отмечены, и ярко-ярко фиолетовым нарисованы глаза. Скорее всего, по глазам, как по отличительному признаку, Рианеллу и узнали.

Рианелла быстро сжигает на ладони рисунки, превращая их в пепел. Эти портреты не должны попасть к Главной Церкви, иначе ее лицо появится на первых страницах газет с громоздкой, но такой жалкой подписью «розыск».

Вытащив из-за пазухи пистолет, Рианелла направляет его в грудь одного из церковников. Мужчина еще сильнее пучит глаза и дергается в путах толстой кровавой лианы, но отпустить его никто не собирается.

– Я не убийца, – заявила Рианелла, направляя дуло револьвера прямо в грудь. – Я не хотела бы вас убивать. Но если я сейчас вас отпущу, вы все расскажете Церкви. А жизнь и благополучие моих родных важнее существования двух церковников.

Несмотря на пламенную речь, где Рианелла пыталась не выставить себя животным, ни один мускул на ее лице не дрогнул. Ее сердце было полно решимости, а душа – мести. Ей хотелось, чтобы те, кто хоть как-то участвовал в поим-

ке ведьм, страдали намного сильнее, чем род ее сестер, которым много веков приходилось скрываться. Рианелла была юна и наполнена чувством справедливости, которое отравляло ее не хуже яда.

Рианелла выстрелила. Резкий хлопок раздался во дворе. От шума и исходящего от револьвера дыма девушка поморщилась. Лианы ослабились. В груди одного из церковников зияла пуля. Из дыры лилась фонтаном кровь.

Двигаясь быстро и решительно, не позволяя себе медлить, Рианелла выстрелила во второго церковника. Кровавые лианы тут же исчезли. Два трупа с глухим стуком упали на землю. Она не убийца, она защищает свою семью, свой род, мстит за тех, кто безвинно умер. В этой схватке все равно умерла бы одна из сторон: либо Рианелла, либо церковники. Они бы не пощадили ее, она не пощадила их. Это было справедливо.

Тишина нищенских дворов была нарушена шумом. Похоже, не все жители здесь были безразличны к чужим судьбам. А можем, просто испугались за себя. Послышались шаги и обеспокоенные голоса, которые кричали соседям, пытаясь выяснить, что случилось. Все слышали два выстрела. У Рианеллы есть несколько секунд, чтобы убраться с места преступления.

Ей нужно спрятаться. И единственный человек здесь, способный укрыть ее, Бедвар. Рианелла не выйдет незамеченной из этого района. Надо уносить ноги.

И Рианелла побежала. Вот только ее организм не был готов к побегу. Кровавая магия истратила ее силы. Ноги стали ватными, а конечности слишком тяжелыми. Она только что сражалась с двумя мужчинами, ее силы были на исходе.

Однако она бежала. Жить хотелось. Перед глазами плыло, и она сначала едва ли не прошла мимо кузницы Бедвара. Благо его дом разительно отличался от остальных нищенских лачуг.

Дверь была открыта, и Рианелла буквально ворвалась к кузнецу. Ее ноги подкосились. Из носа вновь пошла кровь. Горячая жидкость окропила пальто, испачкала пальцы, которыми она пыталась стереть ее с лица.

Бедвар ковал железо и был крайне удивлен, увидев, как на его пороге на колени упала девушка. Девушку он мгновенно узнал, спокойно и аккуратно отложил железо, стянул перчатки, отряхнул руки и подоспел к Рианелле. Она самостоятельно уже не могла встать.

Он заботливо поднял знакомую и уложил на лавку без лишних вопросов. Бедвар прожил на этом свете тридцать пять лет, за свою карьеру он видел многое, и потерявшая сознание Рианелла его совершенно не удивляла. Он не рвался помочь всем после событий двадцатилетней давности, но, когда раненный оказывался на его пороге, в помощи отказать не мог.

Рианелла закрыла глаза, потому что голова кружилась, будто девушка парила в воздухе, а конечности то отнима-

лись, то ощущались чересчур тяжелыми, поэтому Бедвар подумал, будто она потеряла сознание. Рианелла застонала от боли и усталости, растекающейся по всему телу, и попыталась перевернуться, но Бедвар ловко перехватил ее за плечи и тихо сказал.

– Подожди-подожди, ты можешь свалиться с лавки. Аккуратно... – он помог ей перевернуться на бок. Рианелла втянула воздух через нос. Она ощутила, как кузница наполнилась остатками запаха ее магии, сладковатыми нотками, исходящими от ее рук.

Бедвар не знал, что она ведьма. Рианелла резко распахнула глаза. Голова кружилась, но она попыталась сесть. Бедвар отошел от нее, мочил в умывальнике тряпку холодной водой. Услышав шевеления за спиной, мужчина немедленно среагировал и вернулся к девушке, подхватив ее, чтобы она не упала.

– Ты не можешь просто полежать? – усмехнулся он и коснулся холодной тряпкой ее лица, чтобы стереть запекшуюся кровь. – Как ты себя чувствуешь?

– Голова кружится, – пробормотала она. – Это не то... не то, что ты думаешь... – бессвязно добавила она, пытаясь оправдаться. Но как можно было оправдаться, если кузница уже наполнилась запахом магии, а Рианелла вся в крови упала у него на пороге? И чем она только думала, когда планировала спрятаться у кузнеца?

– Как быстро ко мне явится Церковь? – серьезно спросил

он. Рианелла распахнула от страха глаза. Бедвар все понял.

– Я вроде не оставила следов. Что мне сделать, чтобы ты не выдал мне? Сколько золотых куши заплатить?

– Успокойся, – отмахнулся Бедвар. – Думаешь, ты первая в Оферосе ведьма, которая скрывается от Церкви? Знаешь, сколько я вас таких поведал? Какая мне выгода выдавать тебя? Я все еще контрабандист из нищенского района, никто не примет меня в высшее общество, если я внезапно сдам одну ведьму.

Рианелла невпопад кивнула. Слабость все еще одолевала ее. Бедвар налил кружку воды и подал девушке. Та залпом ее осушила.

– Что ты натворила? – спросил он, будто любящий старший брат. Рианелла вдруг подумала, что, наверное, он воспитал очень хороших женщин из своих сестер.

– Я и моя мать в розыске Церкви, а моего отца убили примерно месяц назад. Я не думала, что они найдут нас так быстро. У них в карманах были рисунки наших лиц. Я убила церковников, – без сожалений заявила Рианелла.

– Тебе нужно вернуться домой и постараться сделать вид, что ничего не произошло. Считанные мгновения до того, как новость о смерти двух церковников накроет Оферос.

– Это разумно. Но я думаю, я даже не выйду незамеченной из твоего дома, не говоря о том, чтобы вернуться к себе.

– Просто иди обходным путем.

Опять обходные пути?

– Если идти по тропинке мимо моего дома, можно, сделав петлю, выйти к домам недалеко от центра. Оттуда ты доберешься домой.

– Спасибо, Бедвар, – кивнула Рианелла. – Мне было больше не к кому бежать. Я не хочу умирать. Если меня повяжут, что будет с моей мамой? Сестрами? Моей семьей.

Он кивнул. Бедвар понимал Рианеллу. В его жизни тоже был период, когда он был вынужден бороться ради семьи и жить, чтобы воспитать сестер.

Рианелла пробыла у Бедвара около часа. Она восстановилась, умылась и даже отобедала у кузнеца. Они пообщались, и Бедвар убедил ее, что не станет сдавать Церкви. Когда Рианелла уходила, он с улыбкой бросил одну фразу.

– А я говорил, что ты приходила тогда не в последний раз.

Рианелла возвращается домой, переодевается, обедает еще раз с тетей. Пытается делать вид, что ничего не случилось. После этого закрывается в библиотеке и принимается читать книги авторов, которые были якобы запрещены из-за того, что писали свои творения о ведьмах. Рианелле было любопытно, чего же такого сочиняли люди о ведьмах. В библиотеке тети оказалось возможным отыскать множество занятных произведений, которые уже давно не печатаются в открытом доступе.

Солнце подходит к горизонту, опаяя землю последними золотыми лучами, как дверь библиотеки с грохотом распадается. Рианелла, с хрустом переворачивая страницу оче-

редного занятого читива, закатывает глаза и нехотя поднимает голову. В белом платье с широкими рукавами, развевающимися на сквозняке, стоит грозная Мирабель. Ее брови сошлись на переносице, а бледная кожа, как у мраморного изваяния, окончательно потеряла цвет и сливается с таким же светлым одеянием. Весь ее сумасбродный образ дополняют спутанные русые волосы, которые в нервной попытке были убраны в неаккуратный пучок.

Хрупкая фигура сестры сейчас напоминает вооруженного тюремного стражника. Ее холодный взгляд голубых очей режет, словно только наточенный клинок. Рианелла съеживается на кресле, пытаясь спрятаться от пугающе озлобленной сестры.

Мирабель подходит к креслу и впивается пальцами в спинку так, что оставляет на коже вмятины. Рианелла, сохраняя невозмутимое лицо, принимает этот колющий взгляд.

– Ты их убила?

Три слова. Четко, без запинки или волнения. Мирабель явно прокручивала этот вопрос в голове не раз. Ее дыхание окатило лицо Рианеллы морозом, и она съежилась еще сильнее. Она всегда защищала Мирабель. Но иногда чуточку боялась, забывая, что сестра вложила в ее воспитание приличную часть.

– Кого? – хлопнула глазами Рианелла, закрывая книгу. Мирабель сжала до хруста челюсти и еще сильнее вцепилась в кресло. В дверном проеме тут же появилась Альвина. Она,

точная противоположность Мирабель, во всем черном и с угольно черными волосами, встала рядом со старшими сестрами, готовясь разнимать их, если те полезут в драку.

Рианелла сохраняла молчание, однако, когда в библиотеке возникла тетка, сжимающая очередную газету, а следом бледная, как смерть, мама в медицинском халате, рот открылся сам.

– Что случилось?

– Смотри! – воскликнула нервно Мирабель. Она буквально вырвала у тети газету и сунула под нос младшей сестре. – Когда я говорила, что займу любую твою позицию, помогу отомстить, я не имела в виду, что мы должны перебить пол-Офероса!

– Риа, ты же говорила, что хочешь отомстить Слоудену, как связаны с ним церковники? – уставилась на нее Альвина, но еще с сомнениями, не зная, чью сторону принять.

Рианелла глянула в газету. Заголовок первой статьи гласил огромными, пожирающими буквами: «УБИТЫ ДВА СЛУЖИТЕЛЯ ЦЕРКВИ ИЗ ОБЛАСТИ!» Рианелла выругалась и закатила глаза. Гребанные новости, как они печатают эти дурацкие газеты каждый день? Да еще и так быстро помещают новые происшествия!

– Ты убила их? – повторила свой вопрос Мирабель, вырывая газету теперь из рук Рианеллы и тут же сжигая ее, стряхнув небрежно пепел в открытое окно.

– Чего сразу я-то? – обиженно воскликнула Рианелла. –

Чуть что, сразу я во всем виновата, – Рианелла скрестила на груди руки.

– Их убила ведьма! В статье больше про магию, чем про само убийство! А потом их застрелили.

– И что?

– Рианелла, дочка, признайся, если это сделала ты... – пробормотала мама, тоже подходя ближе к дочерям.

– Мама, почему вы обвиняете меня! – воскликнула Рианелла, чувствуя, как ее защитный барьер рушится, и она вот-вот начнет кричать, что всего лишь пыталась спастись.

– Рианелла! – строго, будто учитель, прикрикнула Мирабель.

– Да, я, – тут же согласилась Рианелла, стоило Мирабель открыть рот.

– Это конец... – пробормотала Альвина, отшатываясь назад. Теперь она знала, чью сторону принимать. – Это точно конец...

– Думаю, это только начало, – перебила ее Рианелла.

– Риа, зачем же ты их убила? – в глазах мамы мелькнуло разочарование. Сердце Рианеллы болезненно содрогнулось. – Мы ж пытаемся скрыться от них, а так ты только привлечешь внимание.

– Мама, я!..

– Не нужно оправданий, – остановила ее Мирабель. – Мы же не пойдём и не сдадим тебя. Нужно думать о том, как быть дальше.

– Никак! – вспыхнула Рианелла. – При них были наши портреты, я уничтожила их. Я узнала, что дочь Слоудена прибывает в Оферос, тебе нужно узнать, зачем. Если я начну рыть на нее, точно будет странно. А ты вертишься в высших кругах, попытайся, – уговаривала старшую сестру Рианелла. – Потом все быстренькое сделаем, и я придумаю, куда нам уехать.

– Да уж, – Мирабель сделала глубокий вздох. – В твоём репертуаре, Риа.

– Ты ведь подставляешь нас, – укорила ее Альвина.

– Мне жаль, клянусь, – опустила взгляд Рианелла и сжала пальцы в кулаки. Какая разница оправдываться перед семьей, что за ней следили? Результат был один: она убила церковников и потрясла этой новостью весь Оферос.

– Прекратите нападать на Рианеллу, – строго заявила Аврора. – Мы ведьмы, и мы всегда были в опасности из-за давления общества. Убийство церковников еще не самое страшное, что могло случиться. Представьте, если бы пострадала Рианелла. Вас бы также беспокоило только то, что она привлекла лишнее внимание? – отчитывала всех тетя. – Прекратите бояться этого самого внимания и думать только о себе. Вы в Шато не росли, за такое бы вас оттуда давно выгнали с позором.

Альвина и Мирабель пожухли, принимая свое поражение и излишнее осуждение сестры. Агнес положила ладонь на плечо сестры, но ничего не сказала. В ее глазах плескалась

вина, но только за то, что она не может защитить родных дочерей.

Минуют выходные, которые сестры стараются провести дома и даже не выходить во двор. Затем вновь нехотя выйдут на работу и учебу. Альвина отправляется учиться, Рианелла разносит почту, а Мирабель в дом Рауросов с наставлениями от младшей сестры, дабы узнать, зачем в Оферос прибывает дочь убийцы их отца.

Рианелла вновь разносит почту. Это монотонное занятие каждый день начинает наскучивать. Она привыкла к приключениям, ненавидит рутину, поэтому чувствует, что, хотя эта работа и подходит к изучению города, долго она на ней не протянет.

В городе только о смерти церковников и говорят. Рианелле чудилось, что все смотрят на нее и знают правду, но это было лишь самовнушение. Дома, словно мелькающие в поездке деревья, быстро сменяли друг друга, не оставляя никакой о себе памяти. Рианелла монотонно засовывала в почтовые ящики конверты и думала лишь о том, как вернется домой, запрется в своей спальне и будет либо тренироваться, либо читать.

Рианелла все еще чувствовала вину, будто подставила семью, убив церковников. Но тогда бы они пришли за ними и убили их! Уж лучше пусть Рианеллу будет разъедать чувство

вины, нежели страдает ее семья.

Когда она подошла к усадьбе Леквеллов, ворота были распахнуты. Рианелла удивленно заглянула во двор, отправив в ящик письмо. На мощенном крыльце с местами расколотым мрамором стоял Ноэль. Он опирался на перила и изучал своими голубыми, словно кристально чистые воды в озерах, глазами улицу. Морщинка между его идеальными бровями говорила о задумчивости. Серо-голубой камзол с блеском был выглажен и накрахмален, переливался в свете полуденного солнца. Он словно сам был выточен из этого мрамора, но никаких сколов на нем не наблюдалось. Он молод, красив и изящен – точно аристократ. Таким маленькие девочки описывали желанного в будущем принца, о таком аристократки в отрочестве мечтали женихе, о таком женщины постарше писали любовные романы. Он казался цветком распустившегося алого лотоса.

Завидев фигуру Рианеллы, он вдруг выпрямился. Морщинка на его лбу разгладилась. Он махнул девушке в приветственном жесте и громко крикнул, чтобы она услышала.

– Доброго дня, алер Бекарди!

Просто развернуться и уйти Рианелла не могла, это можно было бы счесть неприличным с ее стороны. Рианелла махнула в ответ и быстрыми шажками подобралась к крыльцу, не решившись подняться, но остановившись рядом с парнем.

– Как ваши дела, алер Бекарди?

– Все в порядке, – солгала она. – Вы выглядите таким

счастливым. Что-то случилось?

– Я жду карету с моей невестой. Через месяц состоится церемония, – улыбнулся Ноэль и отвел взгляд, словно ему было неловко об этом говорить. Рианелла сжала губы в тонкую линию. Она совсем забыла, что их обоих связывают узы брака. – Вы довольно рано вышли замуж, алер Бекарди, – вдруг заявил Ноэль. – Не боялись ли вы разочароваться в партнере? Или понять, что это была лишь влюбленность, а не любовь?

– А есть разница? – пожала плечами Рианелла. – К сожалению, мы живем в мире патриархата, и для моей же безопасности было лучше выйти замуж. Мой нрав совсем не схож с тихой хранительницей очага. Я хотела быть под защитой. Но мужа я люблю, – стойко заявила она.

– Наверное, вам просто повезло встретить сразу свою судьбу, – пробормотал Ноэль. Рианелла опять пожала плечами. Он ее не понимал.

Нрав Рианеллы всегда был бойким. Будучи прямолинейной и эмоциональной, Рианелла часто вляпывалась в неприятности, потому что не умела в нужный момент промолчать. Ведьминские способности везде применять не разрешалось, а в мире было столько несправедливости, что, борясь с ней, Рианелла только сама страдала.

Алессио был ее старше. Опытнее. Безопаснее. Он защищал ее от тех самых неприятностей. Разве не в этом и есть любовь?

– Вы сомневаетесь насчет своей женитьбы? – спросила Рианелла. – Как давно вы с невестой вместе? Сколько всего пережили невзгод?

– Нас сосватали, когда я с Отрядом был на задании. Патриарх и отец моей невесты посчитали, что мы подходим друг другу. Нас познакомили. В общей сложности, мы виделись на трех званых ужинах.

– Что? – хлопнула глазами Рианелла, не веря своим ушам. Она покосилась в сторону Ноэля, но тот оставался невозмутим. – Вы виделись трижды, толком не общались и собираетесь жениться? Конечно, в вас могут быть сомнения, что это не настоящая любовь!

– Так положено в Церкви, – теперь настала очередь Ноэля жать плечами. – Сватовство, несколько ужинов с родителями, первый поцелуй при помолвке, затем церемония и после этого совместная жизнь. Долгие годы вместе, в течение которых можно узнать друг друга... – без особого энтузиазма ответил Ноэль. Он не мог оспаривать правила Церкви, но, похоже, они ему самому не нравились.

– Да ладно, это же глупости, – фыркнула Рианелла. – Когда я встретила своего мужа, мы много проводили времени вместе с общей компанией, общались, гуляли и дружили. Потом поцеловались под высоким кленом. Это было романтично, – на губах Рианеллы заиграла улыбка. – И даже нечто большее, – девушка поиграла бровями, глядя на парня.

– Какие непристойности вы говорите! – воскликнул Но-

эль, но за его злостью скрывалось смущение, которое выдали опалаяющие красным пламенем уши. Рианелла расхохоталась.

– Зато мы узнали друг друга, – сквозь смех проговорила она, глядя на Ноэля. Он тоже смотрел на нее, и его уши все еще горели. Рианелле было очень смешно с невинности парня.

– И вы уверены, что это судьба на всю жизнь, алер Бекарди?

Рианелла вздрогнула. Смех резко пропал. Рианелла не была уверена. Но как в ее положении можно быть в чем-то уверенной? Ноэль не заметил растерянность Рианеллы и продолжил говорить.

– Знаете, а вы такая свободная, алер Бекарди, – так печально вздохнул он, будто отчаяние уже разрывало его грудь. Рианелла застыла. Ноэль так внимательно смотрел на нее, что у Рианеллы сердце застучало еще быстрее. Она была свободна в его понимании: никаких правил, никаких обязательств. Но на деле он просто недостаточно знал девушку. Ее сковывала жизнь не меньше, чем его. Все безрассудные действия могли сказаться на семье, и это ужасно пугало.

– Вы просто плохо меня знаете... – пробормотала она. Никаких следов смеха и попыток подтрунить Ноэля. Правда жизни окатила ее с головой, отсутствие свободы сдавило грудь. Быть может, от Церкви она и была свободна, но запретов у нее хватало.

– Конечно, я плохо вас знаю, но у меня есть глаза. Мне никогда не быть таким свободным, как вы.

– Мои слова прозвучат банально, но вы сами выбрали такую судьбу. Вы живете по тем законам, которые у вас в голове.

– Я живу по чувству долга, от него уж точно не избавиться, – он слабо улыбнулся. – Если я не буду тем, кем я есть, Исливария погрязнет в хаосе. Вы слышали, что случилось пару дней назад? Заголовки газет до сих пор твердят исключительно об этом.

– Вы про убийство двух церковников из области?

– Да. Их клинки были сломаны. Они сражались с ведьмой, но она победила этот бой.

– Весь Оферос и правда перевернулся с ног на голову, – закатила глаза Рианелла. – Только об этом и твердят.

– Конечно! Это ведь убийство служителей Церкви!

– А вдруг они были плохими людьми? Вдруг тоже убивали?

– Такого не может быть, – отрезал Ноэль. – Они ведь служили Церкви.

– Иногда я забываю, что вы наследник Патриарха, – Рианелла покачала головой. Ноэль нахмурился.

– Вы тоже собираете эти лживые слухи города? У Патриарха есть родной сын...

– Тогда почему Оферос ничего не говорит о нем, но только и талдычит о вас? – усмехнулась Рианелла. – Вы ведь тоже

знаете, что я права, просто не хотите этого признавать.

– Алер Бекарди, вы. . . – он не мог подобрать нужного слова, и девушка, встряхнув волосами, переспросила.

– Я? Я хотя бы принимаю себя, лер Леквелл. Вам стоит быть снисходительнее к самому себе, – она уверенно поймала его взгляд, невозмутимо уставилась на него, и никакой холод морской глубины не мог смутить ее. Однако наваждение быстро прошло. Также стремительно Рианелла отвела взгляд и добавила, отчеканив каждое слово. – Мне нужно уходить. Если прибудет экипаж с вашей невестой, нас могут неправильно понять.

Расправив невидимые складки на пальто, Рианелла развернулась и направилась в сторону ворот. Необъяснимое раздражение клокотало в ее груди, словно все должно быть по-другому, но что именно значит это «все» она не понимала.

– Пойдите! – внезапно раздался просящий голос сзади. Рианелла замерла, будто Ноэль произнес заклинание.

«Пойдите?» Ей не показалось? Он только что окликнул ее?

Рианелла не видела смысла оборачиваться. Их ничего не связывало с Ноэлем. Абсолютно ничего, кроме странного бурлящего раздражения в груди и тех двух выпитых чашек чая вдвоем. Но этого было ничтожно мало, чтобы иметь хоть какие-то совместные воспоминания. Она была ведьмой, которая хотела отомстить за смерть отца и добиться справедливости.

ности в Исливарии и достойной жизни для ведьм. Он был командиром Церковного отряда в столице, любимчиком Патриарха, свергнутым в детстве графом Центральных земель. При любом раскладе событий они должны воевать по разные стороны.

Но Рианелла все равно обернулась.

Ноэль уже не стоял на крыльце, он спустился, но приблизиться к девушке не смел. Его светлые волосы трепал легкий морской бриз, доносящийся с береговой линии. Прохладное солнце оставляло тени на выточенные из мрамора черты лица. В это мгновение он казался не только старше, но и серьезнее, опаснее, аристократичнее.

Рианелла поймала его взгляд холодных глаз. Она никогда не ходила на берег моря в Оферосе, но видела водную гладь множество раз: и эти глаза казались такими же завораживающими, как таинственное синее море.

– Экипаж с невестой, – напомнила Рианелла, не позволяя Ноэлю ничего сказать. Ее слова прозвучали отрезвляюще, и парень растерянно мотнул головой, пытаясь избавиться от наваждения.

– Узы брака... – пробормотал он, будто и не ей, а самому себе. Раздражение в груди стало еще сильнее. Рианелла усмехается с несуразности ситуации. Следующие ее невысказанные слова остаются витать в воздухе, их заглушает стук приближающихся колес.

По дороге едет богатый экипаж, запряженный тремя же-

ребцами и украшенный флагом Исливарии: большая корона с несколькими драгоценными камнями на синем фоне. Экипаж сопровождают церковники в блестящих голубых одеяниях, с клинками в ножнах и на медных конях.

Рианелла задерживается. Опять поздно уходит. Однако, когда экипаж подбирается к воротам усадьбы Леквеллов, след девушки уже исчезает.

Глава 8. Разговор о первом снеге

Мирабель слишком взволнована. В последние дни происходит чересчур много событий. А эти дурацкие газеты, печатающиеся каждый день? Каждый вздор попадает в новости!

Сначала странное поведение Рианеллы, затем ее убийство двух священнослужителей из области, затянувшаяся идея мести и возможный переезд, который не избежать. Тяжело сдерживать свои эмоции, когда переживаешь столько волнений.

Когда Мирабель увидела в газете новости об убийстве двух церковников, она сразу догадалась, что ее праведная сестра не могла пройти мимо них. Гнев так охватил Мирабель, что она накричала на сестру, переполошила всю резиденцию. На Рианеллу нужно было лишь чутка надавить, сестра сдалась и признала свою вину. В это мгновение Мирабель показалось, что Церковь уже стоит на пороге дома те-тушки и готовится их схватить.

Мирабель так и не узнала подробности этого дела, но гнев в душе улегся, рассудок вернулся, и привычное спокойствие и рассудительность заняли главную роль. Со всеми бедами можно справиться. Рано или поздно Церковь все равно поймает их. Останется либо сражаться, либо сдаваться. А сейчас Мирабель, что бы ни произошло, пойдет бок о бок с Рианеллой, потому что младшая сестра не может не поступить

по справедливости.

Теперь газеты в доме читались лишь слугами. Если они находили нечто важное в новостях, то сообщали исключительно Авроре, а тетушка уже решала, что с этим делать. Вот только Мирабель видела, что, несмотря на установленные правила в последние несколько дней, Рианелла, прячась в своих покоях, изучала каждую новость, напечатанную в газетах. В спальне младшей сестры уже и так было достаточно запрещенной ведьминской литературы, некоторые из этих произведений раньше хранила тетя, но в строжайшей тайне и в разных частях дома. Однако стиль жизни Рианеллы был опасным, а ее покои эпицентром запрещенности, поэтому она стаскивала все в свою комнату.

Рианелла подозрительно рано ушла на работу утром, в очередной раз поручив Мирабель задание: выяснить, с какой же целью прибывала в город дочь Слоуденов, а также, где она останавливается.

В задумчивости Мирабель добралась до коттеджа Рауров, где работала. Слуги привычно сновали по двору и узким коридорам дома, не обращая внимание на девушку. С недавних пор Лилиана ждала гувернантку в гостиной. Погода в последнее время не позволяя заниматься на улице, поэтому Мирабель старалась проводить с воспитанницей как можно больше времени дома. Девочка, еще в силу своего возраста, особо не отличалась сильным здоровьем.

Однако сегодня в просторной гостиной никого не оказа-

лось. Мирабель удивленно обвела комнату взглядом, словно проказливая девчонка могла выпрыгнуть из-за дивана. Внезапно открылись двухстворчатые двери комнаты, и в гостиную вошла невысокая Иоланда. Она удивленно моргнула, будто видела гувернантку впервые, а затем раздраженно закатила глаза.

– Прощка, чудак! – крикнула она разгневанно. – Ты так и не отнес записку в дом гувернантки?

– Отнес, госпожа! – воскликнула мальчишка, возникший словно из-под земли. Он весь дрожал, боясь гнева хозяйки. – Мне никто не открыл, госпожа, и я просунул бумажку под дверь.

– Алер Раурос, доброе утро. Что-то случилось? – наконец-то подала голос Мирабель. – Лилианы нет, неужели с ней что-то не так?

– Она почувствовала слабость, доктор сказал ее лихорадило, – не поздоровавшись, ответила Иоланда. – Я велела Прощке отнести вам записку, не знаю, врет он или нет, но видимо вы ее так и не получили.

Конечно, не получила. Мирабель указала хозяевам адрес заброшенного дома в бедном районе Офероса.

– Ничего страшного, тогда я схожу в город. Передавайте ей мои искренние пожелания скорейшего выздоровления...

– Не стоит, вы же не зря тащились в такую даль к нам? Оставайтесь до обеда. Можете почитать или позаниматься наверху. Лилиана в своих покоях, можете подняться к ней.

Мы с мужем скоро уезжаем, – она поправила залакированный локон волос и задумчиво улыбнулась. Мирабель только сейчас обратила внимание, что на женщине было парадное платье и расшитая рюшами шляпа. – Отобедайте у нас, – повторила она.

– Спасибо, элер Раурос, вы очень добры, – Мирабель легко поклонилась, но Иоланда уже поспешила выйти в коридор. Похоже, у женщины сегодня было очень доброжелательное настроение.

Мирабель решила подняться к ученице, чтобы немного скрасить ее больные будни и узнать, насколько на самом деле плохо чувствует себя Лилиана. Мирабель знала, где находятся покои девочки, поэтому быстро нашла их, постучалась и, услышав сдавленное разрешение, вошла.

Спальня была большой и обставленной. Из-за количества розового рябило в глазах. Мебель казалась неживой и, похоже, мало использовалась. Только небольшой стол и кровать, раскрашенная акрилом в подсолнухи, казались живыми и выбивались из общей скучной картины.

На кровати, свернувшись в позу эмбриона, закутанная в одеяло, на цветочном покрывале, лежала Лилиана. Ее каштановые волосы разметались по подушке. Девочка даже не подняла взгляд и не шевельнулась, когда Мирабель вошла в комнату.

– Здравствуйте, элер Раурос, – тихо поздоровалась Мирабель, прикрывая за собой дверь и садясь на стул, недалеко

от кровати.

Эмбрион напрягся. Не ожидал услышать голос гувернантки.

– Уходите, – зло пробурчала она. Но Мирабель уходить не собиралась.

– Ваша мама сказала, что вас лихорадило. Вы все-таки простудились? Ничего страшного, обязательно выздоровеете.

– Я не простудилась, – также зло бросила она и наконец-то развернулась к учительнице. – Почему вы не уходите? – ее детский злобный голосок на самом деле не желал никому зла, а лишь скрывал обиду и печаль.

– Ваша мама оставила меня отобедать дома, она и лер Раурос уезжают. Я поднялась к вам, чтобы узнать, как вы себя чувствуете.

– Плохо, – насупилась она, и ее гладкое лицо сморщилось.

– Элер Раурос, вы можете поделиться со мной, если хотите. Дело ведь не в простуде, правда? – ласковый голос Мирабель вывел маленькую девочку, ставшую на путь взросления, на эмоции. В ее черных глазах мелькнули слезы, и она зажмурилась, попытавшись от них избавиться.

– Как вы узнали? – тихо спросила она, кутаясь еще сильнее в одеяло.

– Я ведь тоже была такой юной, как вы, – улыбнулась Мирабель. – Поверьте, элер Раурос, мое сердце тоже часто было переполнено этими новыми, волнующими чувствами.

– Мы поругались с мамой, – поделилась девочка. – Я люблю людей, девушек, парней, неважно, мне нравится общаться с ними, смеяться! Мне хочется перепробовать на себе все роли, а не сидеть запертой, будто принцесса в замке! Я сбежала вчера после обеда гулять в город, но, когда я вернулась, родители уже ждали меня. Кто-то из слуг рассказал, что я сбежала. Мы повздорили с мамой, потому что она запретила мне выходить на улицу без сопровождения. Она сказала, что я уже не ребенок, не могу резвиться на улице, да еще и с бедными детьми. Я принадлежу высшему обществу, но не принадлежу себе. Это так... раздражает, – она насупилась еще сильнее, и детские черты проявились ярче.

– Вам стоит быть осторожней, когда сбегаете, – предупредила Мирабель. – Но я вас понимаю. Иногда семья может сковывать вас и запрещать идти тем путем, которым вы мечтаете. Я постараюсь помочь вам, чтобы позволить приблизиться к сцене, элер Раурос. Ваш темперамент подходит актрисе, а ваша любовь к людям и сменам ролей продвинет вас по карьерной лестнице. Сколько в Оферосе театров?

– Думаю, около десяти, плюс некоторые частные труппы... У моего дедушки была частная труппа, но после его смерти актеры разошлись по разным театрам. Мама так злится, когда вспоминает про труппу своего отца.

– Если вы будете верить в себя и бороться, у вас все получится. Даже если вашей матушки не будет рядом, поддерживать вас постараюсь я, – Мирабель широко улыбнулась и

развела руки для объятий. Она не знала, довериться ли Лилиана ей, но этот разговор уже многое значил для отношений наставницы и ее ученицы.

Лилиана уставилась на распростертые руки, поморгала, будто пытаясь избавиться от наваждения, откинула одеяло и сползла с кровати, упав в теплые объятия гувернантки. Мирабель вложила многое в воспитание двух младших сестер, и с детьми обращаться она уж точно умела.

Мирабель обнимала ученицу до того, пока она сама не высвободилась из теплых объятий. В глазах девочки блестели слезы, но пролить их она себе не позволила.

– Мирабель, я бы хотела побыть одна, – пролепетала Лилиана. Мирабель кивнула. – И... спасибо вам.

Мирабель потрепала ее по макушке.

– Я останусь до обеда, так что, если я понадобится, вы можете всегда меня найти, элер Раурос.

Лилиана кивнула и забралась обратно в постель. Мирабель оставила ее в комнате, плотно затворив за собой дверь. Этой девочке необходима свобода. И почему ее не отдали в частную школу или под покровительство какого-то дома?

Мирабель решила уйти в библиотеку, чтобы почитать до обеда, потому что сидеть в гостиной на виду у всех слуг ей было некомфортно. Благо, Мирабель после прошлых поисков запомнила, где находится библиотека.

Дверь была закрыта, поэтому девушка не думала, что найдет кого-то посреди дня в пыльной библиотеке. Однако, ко-

гда она вошла, на большом кожаном кресле у окна сидел молодой господин Раурос с сигарой в руках и книгой на коленке.

Его кремовая кожа в отблеске света свечей кажется темнее, на резкие черты лица падают тени. Черные волосы чуть шевелятся из-за сквозняка. Янтарные глаза отливают медным, со скучающим видом рассматривают пейзаж за окном и совершенно не обращают внимание на распахнутую на начале книгу, лежащую на колене. На нем рубашка, жилет и брюки, не парадный костюм, однако, парень выглядит изящно.

Запах сигаретного дыма доносится до Мирабель, и она сразу вспоминает про сестру, которая часто курит. Она морщит нос от запаха и вздрагивает от прохлады в комнате. Несколько снежинок первого снега упали на подоконник.

– Доброго дня, лер Раурос, – поспешно поздоровалась она. – Прошу прощения, что потревожила вас, я уже ухожу.

Мирабель не ждала, что он хотя бы поздоровается с ней, обычно он полностью игнорировал ее, лишь изредка кивал, если видел во дворе или гостиной дома. Младший лер Раурос редко бывал дома, уезжал, как только у гувернантки начинались занятия с Лилианой, поэтому девушке не удалось ничего узнать о нем, кроме того, что она старший хозяйский сын и, кажется, был старше нее самой на пару-тройку лет.

– Подождите, – внезапно раздался его голос. Тон оказался намного мягче, чем Мирабель думала. Девушка остановилась и обернулась. – Лилиане нездоровится, сегодня она

воздержится от учебы.

– Я знаю. Алер Раурос позволила мне остаться в усадьбе до обеда. Я поговорила с моей ученицей и хотела почитать, но не стану вас отвлекать, – она поклонилась и хотела наконец-то избавиться от компании лера Рауроса, но тот вновь остановил ее.

– Вы не будете мне мешать. Раз Иоланда позволила вам остаться, читайте, – отмахнулся он и легким движением задушил недокуренную сигарету. Мирабель растеряно оглянулась, но Ксандер, кажется, не шутил, он по-настоящему предлагал ей остаться.

Мирабель не стала отказываться и послушно села в соседнее кресло, предварительно вытащив с книжной полки биографию математика, которую хотела почитать. Ксандер закрыл окно и впервые обратился к своей книге.

Они просидели в тишине минут пятнадцать, Мирабель успела прочесть первую главу книги, но, случайно подняв взгляд, обнаружила, что Ксандер смотрит на нее.

– Лер Раурос, вы что-то хотели? – напрямую спросила Мирабель, зажимая пальцем страницу, на которой остановилась.

– Нет, мне просто скучно, – честно ответил он, но своих янтарных глаз не отвел.

– Вас не занимает книга?

– Она скучная.

– Быть может, взять другую? – Мирабель обвела взглядом

библиотеку.

– Я перечитал здесь все, что могло бы меня занять, еще в юношестве.

– Тогда поглядите на пейзаж за окном, погода нас сегодня не радует, но прекрасный первый снег не сравнится ни с чем.

– Я вижу это окно двадцать пять лет своей жизни. Вас вдохновляет первый снег?

– Да, почему бы и нет? – улыбнулась Мирабель, глядя в окно. Первые снежинки мирно падали с голубого неба, покрывая тонким, едва видимым, покрывалом город. – Почему вы тогда не уехали с вашими родителями? Судя по настроению алер Раурос, она была в предвкушении от поездки.

Ксандер скривился.

– Они отправились на балет лорда Баунера. Этот балет популярен в Оферосе, но я видел его ровно двадцать три раза с самой его премьеры, – он вздохнул и потянулся за пачкой сигар, но остановил себя, не решившись закурить при даме.

– Похоже, вас очень тяжело впечатлить.

– Крайне, – согласился Ксандер. – И не понимаю таких, как вы, которые восхищаются первым снегом. Вы перечитали любовных романов, элер...

– Мирабель, – одернула его девушка. – Вы можете звать меня Мирабель. Быть может, вы правы, я перечитала любовных романов, но они наскучили мне также, как вам жизнь, еще лет в пятнадцать.

– Тогда что же вы читаете сейчас?

– Биографии, – девушка приподняла книгу, чтобы показать коричневую потертую обложку парню. – Чем больше мы знаем судеб людей, тем больше понимаем, почему так поступаем в какие-то определенные моменты.

– Так вы занимаетесь психологией! – усмехнулся Ксандер. – Может, еще на картах гадаете?

Шутка парня девушке показалась смешной особенно потому, что она была ведьмой и дома варила зелья на досуге.

– Это, к сожалению, запрещено в нашей стране законом. Однако я не нахожу свою жизнь скучной. Всегда можно найти то, чем восхищаться. Даже первым снегом. Вы не поймете меня, пока сами не попробуете.

– Я объездил почти весь остров, побывал в каждом уголке Исливарии, катался на дорогих яхтах по морю, питался в самых изысканных трактирах, носил самые изысканные шелка и любовался самыми прелестными танцовщицами. Думаете, меня может впечатлить первый снег?

– Все это было в вашей жизни благодаря родительскому богатству, но вы полюбуйтесь на те вещи, которые не стоят и золотого куши, но для души они бесценны.

Ксандер вновь устремил взгляд своих янтарных глаз в окно и нахмурился. Кажется, он пытался разгадать тайну первого снега, но у него не получалось.

– Представьте, что эти ледяные крупы воспоминания небес, и они избавляются от них, чтобы начать свою жизнь сначала, запечатлеть новые моменты. А вы наблюдаете за

этими воспоминаниями: радостями и горестями, которые происходили независимо от богатства. Представьте, как это белое покрывало накроет Оферос. Дети будут лепить фигуры, влюбленные наслаждаться прохладой, которая остудит их пылающие сердца, мужички разгребут снег и сделают горки. Для кого-то этот снег станет последним. Для кого-то первым. Все это произойдет под покрывалом этих белых крупиц.

Ксандер моргнул. Морщина между его бровями разгладилась. Пламя свечей дрогнуло, отбрасывая на лицо в профиль новые тени. Янтарные глаза не отрывали взгляда от окна.

– Ну что, видите? – спросила, наконец, Мирабель. Ксандер молчал. Спустя минуту он повернулся к девушке и четко произнес.

– Нет.

Мирабель усмехнулась. И чего она хотела от богатых сынков мануфактурщиков? Она только наклонилась обратно к книге, как раздался голос Ксандера.

– Однажды увижу, – он пожал плечами словно своим мыслям, а затем неожиданно спросил. – Вы из бедной семьи, Мирабель?

– Мой отец был кузнецом, а матушка воспитывала детей. Мы росли в любви и согласии, и для нас это было дороже любых богатств.

– Моя любимая отговорка бедных, – фыркнул Ксандер.

– А фраза, что вам все наскучило, самое забавное, что я

слышала от богачей, – не промолчала Мирабель. – Вы так молоды, как можно устать от жизни! Разве вы плохо живете? Пусть ваши родители и жесткие люди, я уверена, они любят вас...

– Иоланда не моя мать, – сказал Ксандер. – Мой отец женился на молодой девушке после смерти моей матери. Единственная настоящая для меня семья Лилиана.

– Ваша сестра прекрасная юная девушка, но жизнь здесь сковывает ее свободу.

– Как и мою когда-то.

– Почему элер Раурос не отправили в частную школу? Или под покровительство какого-то дома? Я уверена, на Западных территориях есть множество богатых домов, готовых принять учеников. Быть может, даже сам графский дом.

Частные школы и покровительственные дома были очень популярны в Исливарии, потому что такое обучение подходило и для богатых детей, и для семей победнее, которые не могли оплатить обычные школы или гувернеров для своих детей.

Частные школы представляли из себя закрытые пансионаты, в которых дети жили большую часть года и лишь изредка возвращались к родителям. Там их обучали на благородные профессии: врача, учителя, ученых и многих других. Однако в частных школах занимались не все дети, потому что за содержание своего потомства требовалось платить деньги. И хотя мальчики и девочки получали порядочны профессии,

позволить такое могла не каждая семья.

Покровительство какого-то дома представляло из себя обучение детей определенным учителем, который преподавал все предметы сразу и обычно набирал от трех до десяти учеников даже разных возрастов. Дети также содержались в доме, которым им покровительствовал, носили форму и имели строгую дисциплину, но такое удовольствие могли себе позволить и родители победнее. За ребенка нужно было заплатить лишь единожды, а некоторые богатые дома сами выкупали детей из нищих семей. После обучения дети оставались при доме слугами и были привязаны к нему определенное количество лет. Кто-то работал в самом господском доме, кто-то становился следующим поколением преподавателей, но большинство трудились на мануфактурах, фабриках и кораблях, принадлежащий хозяевам. По сути, богатые семьи сами воспитывали себе работников.

Богатых девочек обычно отдавали под покровительства домов, чтобы воспитать из них благородных жен. После обучения девушек выгодно выдавали замуж за богатых господ, и большую часть прибыли, полученного с выданной замуж девушки от жениха, забирали хозяева богатого дома. Многие родители старались хоть как-то пристроить своих чад, дабы устроить их жизнь в Исливария. Единственная проблема заключалась в том, что сами дети не владели своей судьбой.

Мирабель плохо знала внутреннее устройство таких учебных заведений, ведь сама обучалась в бедной средней шко-

ле для обычного рабочего класса государства, но представляла их себе, как удачную дорогу и открытые двери в будущем. Ей и сестрам пришлось заканчивать еще курсы за дополнительную плату, сдавать кучу экзаменов и доказывать, что они достойны обучаться ремеслу. Но другого выбора у них не было. Родители не могли оплатить обучение, да и не отправили бы дочерей в закрытые школы, ведь силы у юных ведьм могли проявиться в любой момент и испортить репутацию семьи. Гувернанток оплатить для трех дочерей кузнец не мог. Оставалась только школа, которая с самого детства показала трудности жизни.

– Да, Западные и Восточные графские дома набирают учеников, много богатых людей занимаются этим, но... – ответил, наконец, после долгого молчания Ксандер. – Лилиана даже была в одном. Однако она и ее какая-то подруга подожгли библиотеку. Как вы думаете, был ли хоть шанс остаться им в том богатом доме? Их с позором выгнали. После этого Иоланда приняла решение пришить дочь к юбке и держать подле себя, чтобы она больше не нанесла вреда нашей репутации.

– Что ж, это в стиле элер Раурос... – пробормотала Мирабель. – Быть может, оно и к лучшему. Но Лилиане нужна свобода. Вы знаете о ее пристрастиях к театру?

– Конечно, – Ксандер кивнул. – Лилиана моя единственная отдушина в этом доме. С ней уж точно не будет скучно. Думаю, вы понимаете, о чем я, Мирабель.

– Да, – девушка тепло улыбнулась. – Похоже, господин лер Раурос не особо занят в воспитании детей, но вашей матушке крайне не нравятся предпочтения моей ученицы...

– Не называйте эту отвратную женщину моей матерью, – оскорбился Ксандер, перебивая Мирабель, и соорудил недовольную гримасу. – Я уже сказал, что она лишь моя мачеха, и никогда не заменит мне мою мать.

– Простите, – пробормотала Мирабель, внимательно следя за реакцией молодого человека. Его очень задевала тема родителей. Семейные отношения в этом доме были подорваны, и все считали себя соперниками, а не близкими людьми. – Я сразу обратила внимание, что алер Раурос слишком молода, чтобы быть вашей матерью.

– Она повелась на деньги отца, – Ксандер закатил глаза, и на его тонкую кремовую кожу упали длинные тени ресниц. – Хотя чего еще ожидать от Иоланды? – он горько усмехнулся. – Меня она ненавидит той самой яркой ненавистью, какой обычно награждают антагонистов романов.

– Потому что вы сын лера Рауроса?

– Потому что я наследник всего того, что построил мой отец. Я старший и единственный сын своего отца, и я получу все до последнего золотого куши. Она же останется ни с чем. А ее дочь максимум выдадут замуж.

– Она настолько корыстна? – засомневалась Мирабель. Возможно, парнем руководила слепая неприязнь к женщине, которой его отец попытался заменить мать.

– Да, поверьте на слово, – отмахнулся Ксандер. – Она мечтала родить сына, чтобы у нее появился шанс стать матерью наследника. От меня можно было бы избавиться, – Ксандер прикусил губу, будто ему было неприятно об этом говорить. – На протяжении пятнадцати лет она пыталась родить сына, но судьба достаточно поиздевалась над ней, – на губах Ксандера растеклась кривая усмешка, однако, он не торжествовал. – В итоге, пережила три потери ребенка на ранних сроках беременности, родила мертвого мальчика и, под конец, появилась Лилиана.

– Это ужасно... Ни одна женщина не способна вынести такого.

– За все нужно платить. Карма настигла ее в таких горестях. Но, похоже, рождение Лилианы разочаровало ее еще сильнее, чем смерть прежних детей.

– Но при этом вы поступаете благородно, принимая сестру, которой вас буквально хотели сместить с места наследника.

– Рожденная Лилиана ни в чем не виновата. Я могу ненавидеть кого угодно, но точно не ее.

– Значит, в вашем сердце есть место состраданию и милосердию.

– Но точно меньше, чем в вашем, – он усмехнулся. – Я думал, все это вымыслы романов про начитанных и благородных барышень из бедных семей, ведь рабочие должны быть уставшими и закаленными, но точно не нежными и добры-

ми, как вы.

– Благодарю за комплимент, но, поверьте, найдутся девушки благороднее, нежнее и добрее меня, – Мирабель кротко улыбнулась, возвращая взор к книге. Кончики ее ушей стали красными. Обычно мужчины, которые игнорировали ее, не делали ей комплиментов.

– Наверное, найдутся, но я их не встречал. А меня сватали к младшей дочери Императора.

– Принцессе? – изумилась Мирабель. – И вы отказали в помолвке?

– Да? – вышло как-то вопросительно. Ксандер поймал взгляд девушки. – Влюбиться в титул у меня бы не получилось. И она быстро мне наскучила.

– Лер Раурос, а вы праведник до мозга костей, – мечтательно улыбнулась девушка. – Уверена, в Оферосе проходит кучу свадеб по сватовству.

– Вы правы. Вот, к примеру, на днях должна состояться церемония дочери чиновника... – он запнулся. – Совсем позабыл его фамилию... Я еще же получил приглашение...

– Слоуден? – сердце Мирабель пропустило удар. Не могло быть совпадение того, что они говорили о каких-то разных дочерях чиновников.

– Точно! – он хлопнул себя по колену. – Вы знакомы с ней?

– Нет, но я наслышана об ее отце.

Ксандер пропустил ее реплику мимо ушей и продолжил

говорить.

– Ее привезли со свитой в Оферос, чтобы выдать замуж. Она видела будущего мужа несколько раз, что за смех! – он фыркнул.

– Не знала, что дочь Слоудена выходит замуж... – пробор-мотала Мирабель.

– Мало кто знает. Никакого пышного романа между ними не было. Однако она послушно принимает свою судьбу и собирается замуж. Единственный плюс Иоланды, она собирает сплетни светского общества, а потом делится ими с Лилианой. Сестра без умолку трещит, и из ее речей можно узнать много интересного из жизни светского общества.

– Не знаете, где девушка остановилась? И когда церемония? Хотелось бы посмотреть на невесту Слоуден. Уверена, она будет шикарна, – солгала Мирабель, но Ксандер не нашел ничего странного в ее словах.

– Так вот, ровно через месяц. Сейчас боковой зал Церкви дочинят, а то он сгорел в этом году.

– Еще целый месяц? – фыркнула Мирабель. Это означало, что примерно месяц они точно еще проживут в Оферосе. Когда Рианелла узнает, что у нее уйма времени отомстить Слоуденам, она и не станет торопиться. Мирабель боялась, что Рианелла уже привязалась к Оферосу. Впрочем, не только сестра. Мирабель сама не хотела уезжать отсюда.

Однако Ксандеру ответить не дали. Резкий оглушительный стук в дверь библиотеки заставил вздрогнуть обоих.

Ксандер сразу встал, будто собирался защищать Мирабель от незваных гостей.

Вошел слуга. Его взгляд метнулся от господина к гувернантке и обратно. Не выказав ни единой эмоции на лице, он выпалил.

– Мирабель, вам попросили передать срочную записку от имени элер Нардол. Мальчик-слуга сказал, что его попросили передать записку от лица вашей тети. Дело не терпит отлагательств.

Мирабель забрала свернутый клочок бумаги, поблагодарила слугу и развернула записку. «Знакомые из Церкви, которым можно доверять, доложили, что Рианелла арестована. Отправляйся и помоги сестре, я сомневаюсь, что ей удастся выкарабкаться из этой ямы самой. P.S. Если что, я тебе об этом не сообщала. О моих знакомых в Церкви не стоит распространяться. Твоя тетушка. А. Н.»

Мирабель вмиг побледнела. Вся жизнь пронеслась перед глазами. Дрожащий почерк тетушки, торопливая записка мелькнули перед глазами. Буквы расплывались. Рианеллу арестовали. Но, судя по записке, не по делу о ведьмах. Так что же успела натворить ее младшая сестра?

– Что-то случилось, Мирабель? – голос Ксандера вывел ее из оцепенения. Мирабель сжала записку, не позволяя кому-то еще разглядеть написанное.

– Прошу прощения, но мне пора, лер Раурос. Задержаться до обеда я себе не могу позволить.

Глава 9. Абсурдная ситуация

Рианелла вмиг оказывается за пределами усадьбы и прячется в пышной листве прилежащего сада. Она оборачивается на дорогу. Дорогой экипаж уже совсем близко, целая свита сопровождает его, будто везут саму дочь Императора. Ноэль подходит к воротам, чтобы пошире распахнуть их, приветствуя невесту. Судя по неловким движениям, он волнуется. Конечно же! Видит любовь своей жизни в четвертый раз!

Рианелла усмехается. Такие праведники идеально друг другу подходят. Однако грудь девушки все равно сдавливают боль, а во рту появляется привкус горечи. Она не торопится уйти и все глядит на мирно скачущих коней, повозку и церковников в голубых камзолах. Они раздражают ее, выводят из себя, будто они отняли какие-то лишние мгновения у Рианеллы. Но уйти девушка не может, словно какая-то неведомая сила приковала ее к месту.

До свадебной церемонии Ноэля месяц. Раз приехала его невеста, навряд ли он и Рианелла увидятся вновь. Теперь это будет считаться дурным тоном. Рианелла никогда не встречала его будущую жену и лишь знала о ней понаслышке, но подсознательно по непонятным причинам испытывала к ней неприязнь.

Ей в то мгновение руководили чувства. Рианелла нащупала слабую духовную нить, сконцентрировалась на ней и

направила взгляд на переднее левое колесо повозки. Духовная магия практически ничего не могла сделать, поэтому опасаться реальных последствий не стоило, но в этом жесте девушка отвела свои чувства и выплеснула съедающую ее неприязнь.

Мелькнуло мгновение, магия забурлила по венам совсем не так, как представляла Рианелла, и на земле возник острый маленький камень, однако его размера хватило, чтобы зацепиться за колесо и случайным, совершенно невообразимым образом, раздробить его. Не нужно быть одаренным способностями, чтобы понять, что этот камень создан запретной магией. Но Рианелла не сдержала победного хохота. Повозка покачнулась, сломанное колесо расколосось на двое, и кибитка накренилась влево. Кони всполошились, начали громко ржать, церковники спрыгивали с всадников, держали повозку, помогали выйти тем, кто ехал внутри. Доносились крики и переполошенные восклицания. Ноэль тоже подбежал к повозке.

Девушка со свитой вряд ли пострадала, но все попутчицы ужасно перепугались, а кто-то даже рыдал. Одна из служанок, постарше, отчитывала церковников, которые не уследили за повозкой барышни. Те, потупив взоры, кажется, пытались оправдаться и обещали все исправить.

Когда церковники поняли, что девушке не угрожает опасность, и выслушали брань от старшей служанки, они стали озираться по сторонам. Похоже, были уверены, что дорога

не могла сама выплюнуть этот камень. Один из сопровождающих поднял с земли острый камень. Наточенный конец уколол его, словно иголка, по руке потекла струйка крови. Остальные церковники стали оголять клинки. Ноэль возилась с пассажирами кибитки. Свита была такой большой, что разобраться, где сама невеста, было невозможно. Рианелла не понимала, как они влезли все вместе в такую маленькую карету.

Рианелла догадывается, что ее могут обнаружить, поэтому быстро сворачивает в кусты еще глубже, дабы скрыться от посторонних глаз. Однако листва предательски шевелиться, чем привлекает внимание церковников. С громкими перекриками между собой они отправляются проверять, кто же там прячется в кустах.

Рианелла быстро виляет между деревьями и кустарниками, листва за ней шелестит и заметно шевелится, но, если она еще раз использует магию, ее точно поймают с поличным, и ей несдобровать. Вот как может сказаться эгоистичность, личные счёты и импульсивность на безопасности и благополучии. Глупо все это, бессмысленно и опасно. А главное, даже слабая духовная магия в этот момент не подвела.

Рианелла выбегает на дорогу, убирая из длинных волос пожелтевшие листья, как ей навстречу выходят двое церковников. Выражение лица превращается в кислую гримасу, но сквозь неприязнь и горечь во рту Рианелла натягивает улыбку.

– Доброго дня, господа, – выдавила из себя девушка.

– Кто вы такая? – раздраженно спрашивает церковник.

Второй тычет ей в лицо оголенным клинком, будто хочет насадить ее на лезвие. Рианелла молчит, растерянно глядя на церковников. – Вы задержаны за попытку причинения вреда будущей госпоже Леквелл, чью повозку вы сбили! – брызжа слюной, продолжает тот.

– Я просто разносила почту! – обиженно воскликнула Рианелла, уже жалея о содеянном. Насолить этой девице она была не против, если бы это прошло безнаказанно. – Спросите у лера Леквелла, я здоровалась с ним сегодня, когда принесла почту!

– Задержаны! – воскликнул церковник, перебивая Рианеллу. – Зачем вы бросили в карету госпожи камень? Да еще и такой необычной формы! Не ведьма ли вы часом? – с сомнением прищурился церковник, наклоняясь к ней и ухмыляясь. Рианелла сохранила лицо, не собираясь вестись на провокацию, даже если в душе она содрогнулась от страха.

– Вы обвиняете невиновную, – кротко заявила она.

– Да ладно! Откуда на ровной дороге взяться острому камню, который, будто палка, повредил колесо повозки? – церковник чуть наклонился, больше и больше утверждаясь в правдивости своей гениальной логической цепочки. – Это не иначе, чем дрянная магия! Точно! От тебя пахнет магией! – вскрикнул он. Рианелла поежилась. Даже легкая магия не могла выветриться моментально, однако ее запах был ед-

ва уловим. Навряд ли можно утверждать, что это магия. Может, она пользуется сладким парфюмом, чтобы очаровывать всех вокруг?

– От меня совершенно не пахнет магией, – уверенно заявила Рианелла, хотя внутри нее все содрогнулось вновь. Неужели церковники оказались настолько внимательными, что заметили ее за шелестом листьев? Или Ноэль сдал ее, сообщив, что девушка была совсем рядом?

– Это решит Церковь, – заявил церковник и грубо дернул на себя девушку, схватив ее крепко за плечо. Рианелла нахмурилась. Церковь совсем рядом от дома Ноэля. След магии не успеет рассеяться, и опытный Патриарх точно уловит запах магии.

Если Рианеллу будет в чем обвинить, ее непременно арестуют, а после ареста начнутся допросы. Ведьмы, попадавшие в Церковь на допросы и вышедшие живыми, встречались Рианелле нечасто. А точнее, единожды. Одна девушка в Шато спаслась бегством и всю жизнь скрывалась. Она говорила, что для раскрытия правды использовали иглы, которые вводили под кожу, резали ей руки (у некоторых ведьм встречается черная кровь) и опускали в чан с ледяной водой. Это были мучения похуже смерти, и в некоторые моменты, как говорила девушка, предпочла бы костер, нежели способы допроса. Рианелла понимала, что расколется, если против нее используют любой из видов пыток. Боль пугала любого.

Словно преступницу Рианеллу вели по улочкам Офери-

са, толкая и подгоняя, будто упрямый скот, но девушка явно не собиралась сдаваться и молить, чтобы ее отпустили. Она раскаивалась в своем поступке только потому, что повелась на эмоции и подвергла себя опасности, но точно не извинялась даже мысленно перед невестой Ноэля.

Добравший до Церкви, церковники затолкали девушку внутрь. Они обращались с ней грубо и невоспитанно, будто перед ними была не девушка, а бестолковая кукла. Они не поймали Рианеллу на месте преступления, значит, не могли утверждать о ее виновности. С того расстояния невозможно было рассмотреть, Рианелла ли кинула камень в повозку, если только ее не сдал Ноэль. Либо церковники, обиженные и раздраженные бранью служанки, не захотели сбросить вину на первого попавшегося человека. А тут удачно подвернулась девушка, для которой легко сочинить мотивы и обвинить в зависти и которая вряд ли сможет дать отпор. Но они нарвались не на ту.

Рианелла осознавала, стоит ей предстать перед Патриархом, в любой комнате здания, запах магии станет отчетливее, и это навлечет беду. В небольшом помещении магия быстро выдаст ее, и запах, исходящий от нее, станет существенным доказательством даже без пыток. Однако сдаваться Рианелла не планировала. Нужно было всего лишь срочно подавить остатки магии и те нити, до которых было легче всего дотронуться.

Так вышло, что организм ведьм входит в определенное со-

стояние во время колдовства. Сладковатый запах магии преследует колдующего еще некоторое время после заклинания, чем может выдать его. Моментально выходить из этого состояния не умеют даже опытные ведьмы, возраст которых переваливает за двести лет. Однако об одном способе Рианелла вычитала из книг в библиотеке дома тети.

Тонкие, натянутые нити магии, готовые к колдовству, можно не успокоить, а резко оборвать, избавившись от всех симптомов колдовства. Вот только Рианелла этого никогда не делала. Последствия могут оказаться любыми.

Она нащупала нити, искрящиеся и полные магии, готовые выплеснуться наружу как никогда раньше, мысленно ухвати-лась за них покрепче. Они дрогнули в ее воображаемой хватке, и девушка почувствовала, как сердце пропустило удар, скорость сердцебиения замедлилась, и кровь будто застыла в жилах. Рианелла словно держала не нити магии, а кровеносные сосуды и нервы, собираясь оборвать их.

Ждать больше не было времени. Церковники уже вели ее по лестнице на второй этаж. Мгновение, и Рианелла хлестко и ощутимо обрывает золотые нити магии. Они рвутся с треском, который оглушает девушку. Надрывный кашель разрывает грудь, и она сгибается пополам, извергая поток крови, но церковники подхватывают ее и запикивают в какой-то кабинет, несмотря на судороги и лужу крови.

Замедлившееся сердцебиение прытко ускорилось, вызвав отдышку и холодный пот. Ее грудь болезненно надрывалась,

и с каждым вздохом боль распространялась по всему телу. Оборванные нити все еще виднелись ей, они пульсировали и, казалось, истошно вопили, извиваясь словно змеи. Нити медленно тускнели, переставали двигаться, и только тогда боль утихала. Но это происходило так медленно и мучительно, что Рианелле хотелось кричать, выть и потерять сознание, лишь бы прекратить хоть на мгновение эту боль.

Рианелла поняла, что находится в кабинете Патриарха в тот момент, когда взгляд немного прояснился, золотые нити прекратили свой бешеный танец, и девушка увидела огромное количество церковных трактатов, писаний и текстов. Такие книженции часто мелькали в руках местного населения. Перед печатью они проходили строгую проверку, цензуру и редактировались Патриархом, поэтому на этих книжках часто мелькала его фамилия Уэлбон.

В комнате было душно и пахло воском. Мебель была новой, но кабинет обставлен безвкусно. В Церкви Рианелла всегда чувствовала себя некомфортно и обходила ее стороной и в родном городе, и в столице, но опасным само здание быть не могло. Только святая вода внутри, скучные трактаты и отсутствие эмоций на лицах людей.

Девушке не связали руки, но церковники продолжали крепко ее держать. Патриарх восседал на большом кресле за столом и читал какую-то книгу со старыми, потертыми желтыми страницами. Стоило служителям Церкви войти, как он немедленно захлопнул книгу, выражая свое недовольство

этим и поднимая облачко пыли.

– Почему вошли без стука? – недовольно спросил он. Церковники растерялись, не ожидая, что Патриарх станет их отчитывать при посторонних. Рианелла усмехнулась. – Что за девица? – продолжал Патриарх, не дожидаясь их ответа. На людях священник всегда показывался в хорошем расположении духа, добром здравии и с простодушной улыбкой на лице. Но, похоже, в жизни он был жестким любителем дисциплины.

– Она поймана за странными действиями в городе, богатом районе, уверяет, что просто раздавала почту, но...

– Зачем вы ее привели в Церковь? Сдали бы полицейстерам из суда, они бы разбирались, крала она, следила за кем-то или раздавала почту.

– Мы поймали ее у дома господина Леквелла, и мне показалось, что от нее пахнет магией, поэтому... – церковник зардел, не зная, что ее добавить, потому что его аргументы закончились, а правильность действий не подтвердилась. Услышав про магию, Патриарх оживился и даже приподнялся с кресла. Воодушевление наполнило седовласого старика, он коснулся длинной бороды, его густые и неухоженные брови перестали хмуриться. Он быстро шаркающими шагами подошел к девушке и принялся. Рианелла отшатнулась.

– Мужчина, держите дистанцию! – воскликнула она, отпрыгивая. Церковник попытался ухватить ее за плечо, но Рианелла ловко увернулась. Она не знала, исчез ли полностью

запах магии. – Допрос можно проводить не вплотную! Где ваше достопочтенное отношение к женщинам, в конце концов?

Патриарх нахмурился, однако, не стал настаивать и жестом указал церковникам стоять на месте. Рианелла торжественно улыбнулась, радуясь победе. Но сбежать из Церкви просто так у нее бы не вышло: церковники дежурили на входе, а прыгать в окно второго этажа небезопасно, поэтому допроса избежать не удастся.

– Я не чувствую магии, – раздраженно заявил Патриарх. Рианелла незаметно выдохнула. Кровь забурилась, напоминая едкую боль, отголоски которой все еще преследовали ее. Церковники потупили взоры, когда Глава Церкви обернулся к ним. – Вы точно не ошиблись зданием? Может, все-таки полицмейстеру ее?

– Да за что?! – воскликнула Рианелла. – Я, как достопочтенная гражданка, выполняющая свою работу...

– Кстати, за что? – перебил ее Патриарх, не обращая внимание на ее театральное представление и «обиженную» за обвинения натуру.

– Нам показалось... нам показалось, что она помешала движению господской кареты, которая везла...

– Вы из-за этой девчонки? – Патриарх закатил глаза. – Когда Ноэль уже женится на ней, чтобы закрыть эту тему и не возвращаться к ней? И чего он тянет с этой несчастной свадьбой?

Было видно, что эта ситуация раздражала Патриарха. Рианелла фыркнула, глядя на сомкнутые брови Главы. Странно, и почему же Ноэль тянул со свадьбой? Может, потому что они виделись трижды с будущей невестой, а такому праведнику нужна любовь на всю жизнь, чтобы потом не испытывать отвращения к драгоценной женочке?

– Не мозольте мне глаза и не скидывайте ответственность за всех в этом городе на меня. Мы ищем ведьм, но эта девица совершенно на нее не похожа. Да и я не почувствовал магию. Не могла же она проглотить ее? – Патриарх бросил взгляд на Рианеллу. – Допросите ее и отпускайте.

– Да что я сделала?!

– Побойся Небес, – прикрикнул на нее грубо Патриарх. – Хочу быть покоен, что ты не выкинешь никаких сюрпризов.

«Так упокойся уже!» – в сердцах воскликнула Рианелла. Церковные служители всегда замечали недостатки в других, но никогда не смотрели на себя. Разве они вели такую уж праведную жизнь? Небеса учат быть всех добрыми и милостивыми, но Патриарх показался ей не очень дружелюбным и готовым помогать из чистых искренних побуждений.

Церковники направились к девушке, чтобы схватить ее и повести на допрос, но Рианелла допроса не хотела. Скрывать правду она умела плохо и боялась выдать какую-то глупость. К тому же, ее организм странно себя вел и словно не подчинялся ей после того, как она оборвала золотые нити. Теперь стало понятно, почему ведьмы не практикуют такое избав-

ление от магии. Это слишком болезненно.

Рианелла вскочила на стол, случайно скидывая церковные трактаты на пол. Патриарх, который собирался вернуться к своему делу, вострепнулся и уставился ошеломленным взглядом на девушку.

– Вы простите, конечно, – без особого раскаяния заявила Рианелла. – Но я не люблю играть в эти дурацкие вопросы, чтобы узнать друг друга лучше.

С этими словами девушка ринулась к окну и попытался распахнуть стеклянные створки.

– Чего вы стоите, схватите ее! – заорал что есть мочи Патриарх. Церковники сломя голову понеслись к окну, запинаясь о драгоценные небесные трактаты. И в это самое мгновение неожиданно, словно гром среди ясного неба, распахнулась дверь с такой силой, что ударились о стену. Само явление демонов из-под земли!

Рианелла, церковники и Патриарх замешкались, не ожидая того, что в этом спектакле появятся еще какие-то действующие лица. На пороге возникла девушка в строгом платье и коричневом фартучке, какой носили учительницы. Ее длинные светлые волосы выбились из высокой прически. Она бежала так быстро, что бледные от природы щеки покрылись огненным румянцем. Встав в боевой позе, она только открыла рот, чтобы заявить нечто самовольное, как увидела картину перед собой.

А картина, открывшаяся перед ней, и правда могла не

только изумить, но и позабавить. Многоуважаемый и высоконравственный Патриарх с перекошенным от злости лицом, раскиданные трактаты, двое церковников с оружием, которые растерянно мечутся между беглянкой и внезапной гостьей, и, наконец, ее сестра, держащаяся за оконную раму распахнутого окна и приготовившаяся прыгать.

– Мирабель?! – заверещала она. – Ты-то здесь, что делаешь? Эй вы, вы еще и ее посмели схватить? – грубо бросила Рианелла церковникам. Она немедленно спрыгнула со стола и поспешно подошла к сестре. Схватив ее за плечи, бегло оглядела. Никаких заметных повреждений не было, и она выдохнула.

– Уважаемый Патриарх, произошла ошибка, – своим строгим учительским голосом заявила Мирабель, игнорируя младшую сестру. – Я получила сообщение о том, что моя сестра алер Бекарди попала под арест Церкви.

– Кто же вам сообщил? – еще пуще нахмурился Патриарх, даже не поздоровавшись с Мирабель, но и проигнорировав грубость Рианеллы по отношению к церковникам. Мирабель замаялась, видимо, не желая сообщать, от кого она узнала об аресте, однако, сквозь стиснутые зубы заявила.

– Моя тетя, – раскрылась Мирабель, боясь, что ложь делает сейчас только хуже. Хотя они и не хотели распространяться о родстве, обстоятельства вынудили это сделать.

– Откуда тетя могла это знать... – пробормотала Рианелла. О ее аресте, по сути, знали Патриарх и четыре церков-

ника: двое, которые ее поймали, и двое которые остались у повозки.

– Неужели ваша теть монахиня нашей Церкви? – усомнился Патриарх.

– Нет, но она обладает множеством знакомств. Неужели вы думаете, что все в Церкви так благородны душой, как вы, и сохраняют сор, не вынося из избы? – усмехнулась Мирабель, стараясь сдерживать на лице равнодушную маску, но было видно, как ей некомфортно находиться в Церкви и насколько она желает покинуть здание.

– Чего же тогда ваша теть не явилась лично спасать алер Бекарди?

– Ей больше нравятся светские мероприятия. Она атеистка, – заявила Мирабель, и Патриарх отшатнулся от нее с таким вздохом, будто его клеймили самым страшным оскорблением.

– Нужно помолиться за ее грешную душу, – воскликнул один из церковников и тут же сложил ладони вместе в жесте милостыни и, закрыв глаза, принялся неразборчиво что-то шептать.

– К сожалению, чьи-то души уже не подлежат возвращению на праведный путь, – Патриарх вздохнул. – Мне сказали, что от алер Бекарди пахло магией. Я не почувствовал этот запах, однако...

– Ох, этому есть логическое объяснение! – уверенно воскликнула Мирабель. – Пару дней назад алер Бекарди разно-

сила почту. Она труженица и всегда работает не покладая рук. В переулке на нее напала ведьма, но, к счастью, прохожие не остались равнодушны, помогли девушке и отогнали эту бестию, – прискорбно сообщила Мирабель. Рианелла скрыла раздирающий смех за кашлем.

Глаза Патриарха вновь загорелись.

– Алер Бекарди, как же выглядела ведьма? Опишите нам ее!

– Я была жутко напугана, – воспротивилась Рианелла, однако, добавила. – Успела разглядеть только темные волосы и светлые голубые глаза.

Патриарх нахмурился. Портрет, который он получил из области от умерших церковников не совпадал с описаниями «пострадавшей». В его голове быстро крутились шестеренки, он складывал воедино картинку, однако, она никак не хотела складываться.

– Похоже, слухи не врут, и в городе больше двух ведьм.

– Я думаю, нет смысла нас держать здесь, – отчеканила Мирабель. – Я забираю алер Бекарди и ухожу. Можете не извиняться за доставленные неудобства, – гордо вскинув подбородок, Мирабель перешагнула порог кабинета, даже не обернувшись. Рианелла присвистнула: ее сестра редко проявляла такой дерзкий характер.

Когда сестры оказались на улице, на безопасном расстоянии от Церкви, Рианелла потянула за рукав старшую сестру, как в детстве.

– Тетя правда сообщила тебе о моем аресте?

– Да. У нее связи шире, чем мы думаем. Она просила не говорить, что ей доложили о твоём аресте, мол, ее связи не так просты, да и ты обозлишься на это излишнее опекуновство. Но мне хочется отчитать тебя. Что такое, Риа? Какая магия? Зачем ты использовала ее? Что произошло?

– Вышло недоразумение, и я... поступила слишком абсурдно.

– Даже ты это признаешь? Тогда представляю, насколько же правда глупа ситуация! Не хочу знать подробностей. Главное, мы ушли из Церкви, – она облегченно выдохнула, но затем добавила. – Но теперь они видели наши лица. В случае опасности они могут задать лишние вопросы.

– Нужно поторопиться. Как можно быстрее покинуть Оферос... – Рианелла стыдливо замолчала. Именно из-за ее мести семья не двигалась с места и не торопилась уезжать, пуская корни в столице.

– Не получится, – Мирабель отрицательно мотнула головой. – Я выяснила, зачем прибывает дочь Слоудена. Она выходит замуж. Но церемония состоится только через месяц.

– Да ты умничка, Мирабель! – воскликнула Рианелла и полезла к сестре с объятиями.

– Она прибудет с матерью и свитой, а проживать будет, как я поняла, в столичной резиденции Слоуденов.

– Не с женихом?

– Похоже, нет. Это еще и удобней для нас.

– Нас? Я постараюсь приблизиться к ней, чтобы свершилась месть, но ты...

– Но я пойду за тобой. Мы обсуждали это сотню раз, Рианелла. Я буду рядом, пока ты не позволишь мне уйти.

– Я позволяю. Не лезь в самое пекло, – отмахнулась Рианелла.

– Нет. Выразусь по-другому: когда время позволит нам, и я буду уверена, что есть люди, на которых я смогу тебя оставить. Альвина не ведьма, она не поймет тебя, матушку ты тревожить не захочешь, тетя отошла от дел, из Шато никаких вестей, Алессио в тюрьме и, возможно, даже не знает о твоём отъезде. Как бы ты ни тренировалась, сейчас у тебя нет шансов выстоять все это одной. До поры до времени я буду рядом, пока наши дорожки не разойдутся до такой степени, что мы потеряем друг друга из вида.

– Прекрати говорить все эти сентиментальные глупости, – фыркнула Рианелла, пряча глаза. Она не хотела, чтобы Мирабель видела слезы. Старшая сестра привыкла к холодной отрешенности Рианеллы и только взяла ее за руку, переплетая пальцы.

– Все-таки, если ты использовала магию, как тебе удалось спрятать ее запах от Патриарха?

– Это уже неважно. Совершенно неважно, Мира, – Рианелла улыбнулась, чуть сжимая пальцы Мирабель. Сестра будет рядом. Они вместе отомстят, вместе увезут отсюда родных и будут счастливы.

Глава 10. Еще одна сестра

Монотонные рабочие дни становятся скучными. Они больше не дарят интересных эмоций. Погода устаканилась, выпал первый снег, покрыв белым покрывалом весь город, укрепились морозы. С наступлением зимы в Оферосе словно перестало происходить что-то интересное.

Последующие десять дней после ареста Рианелла разносит почту, пытается узнать про Слоуденов побольше, про его дочь, главным образом, про ее образ жизни в столице, чтобы подловить ее. Самое главное, Рианелла обходит стороной Церковь и ведет за стенами тетушкиного дома благонравную жизнь гражданки, соблюдающей законы Церкви.

Ноэль больше не выходит с ней поздороваться. Рианелла больше не вламывается к нему домой. Она не видела ни Луиса, ни Ноэля, ни кого-либо еще из усадьбы Леквеллов, словно этих людей не существовало, и она выдумала их сама.

Все, что развлекало Рианеллу, книги и тренировки дома, а также тихие посиделки семьей, когда тетя возвращалась со званых ужинов и рассказывала нечто интересное из ее походов.

В очередной раз раскладывая конверты по почтовым ящикам, Рианелла услышала, как ее негромко окликнули.

– Девушка!

Сначала она не поняла, что женский голос обращался к

ней и даже не обратила на него внимания, продолжая заниматься своим делом. Однако, находясь в тихом районе Оффероса, людей вокруг было немного, и голос незнакомки раздался уже громче и ближе, явно направляясь исключительно на нее.

– Девушка! Не ожидала я вас здесь встретить! Думалось мне, вы сейчас будете где-нибудь в бегах.

Ее голос, будто звонкая капель, завершился таинственным тоном, словно тихий дождь в мрачную летнюю ночь. Рианелла вздрогнула. Рука, тянувшаяся к сумке за письмом, замерла. Спина покрылась капельками холодного пота. Она бы узнала этот голос из миллиона других голосов, она бы уловила его, находясь на огромном расстоянии, она мечтала услышать его вновь с того самого мгновения, как в спешке покинула родной город, в том числе и Шато, к которому принадлежала.

Рианелла, стараясь сохранить самообладание, развернулась. Перед ней стояла эффектная девушка, чуть скрестив ноги и соблазнительно улыбаясь. Она, в общем, всегда улыбалась так, будто хотела очаровать весь мир, который уже и так был готов преподнести абсолютно все к ее ногам.

Она была высокой, с изящной фигурой, будто стойкое молодое цветущее деревце, пышущее здоровьем. Ее смуглая кожа цвета меди чуть блестела на ярком солнечном свете. На овальном личике с тонкими бровками и округлыми щечками выделялись выразительные темно-красные глаза с длинны-

ми густыми ресницами, которые отбрасывали тени на лицо. На ней был синий костюм, состоящий из рубашки и облегающих грубых брюк. Сверху зеленый плащ, расшитый золотыми нитками, с треугольным вырезом и украшениями на двухслойных плечах. В одной руке девушка держала небольшой коричневый кожаный чемоданчик, а во второй придерживала шляпу болотного цвета с широкими полями. Из-под головного убора выбивались огненно-рыжие пряди.

Рианелла не могла поверить своим глазам. Картинки в ее памяти замелькали, и она вернулась к воспоминаниям, как еще несколько месяцев назад, не попрощавшись, рассталась с этой девушкой, думая, что навсегда. Ей не удалось как следует проститься с подругой детства. С человеком, которого она смело могла назвать своей сестрой.

Хотелось задать так много вопросов, закричать, разразиться слезами, броситься ей в объятия, запричитать на несправедливость жизни, но Рианелла продолжала столбом стоять, будто ноги ее вросли в землю. Дрогнувший голос задал простой и тихий вопрос, который даже на каплю не отражал тех эмоций, что взбунтовались в ее душе.

– Что ты делаешь в Оферосе?

– И это твоя радость? – усмехнулась девушка. Ее лицо стало еще соблазнительнее, а в глазах мелькнула хитринка. Кажалось, девушка сама сейчас бросится в объятия Рианеллы или расплачется. – Между прочим, я искала тебя несколько месяцев. Ничего не хочешь сказать? – ее тон стал чуточку

строже. – Почему я приехала к вам в гости, но обнаружила запертый и брошенный дом?

– Произошло слишком много всего, Хуанита, – мотнула головой Рианелла, пытаясь совладать с эмоциями. Хрипота в голосе выдавала ее. Руки дрогнули. Желание наброситься на эту девушку с объятиями и разрыдаться у нее на плече только увеличилось, но Рианелла не могла так сразу поддаться ему и отдаться эмоциям. Какая-то внутренняя сила сдерживала ее.

– Думаю, у нас есть время, – наконец, Хуанита подошла и сама заключила подругу в объятия, сжимая в тисках. Рианелла зажмурилась. Ее окутал знакомый запах, который заставлял всплывать в памяти слишком много воспоминаний. Тепло распространилось по всему телу и могло согреть от самых страшных морозов. – Вообще-то, я хочу тебя пожурить! – вдруг воскликнула Хуанита. – Мама получила известие о смерти твоего отца, но она никак не ожидала, что вы так быстро сбежите, понесете за собой хвост церковников, подвергните опасности не только себя, но и Шато, навлекая на него возможное разоблачение. В столице найти тебя оказалось практически невозможно!

– Нас разыскивают, поэтому мы сбежали.

– Вы не боялись разоблачить род Нардол? Себя? Шато, в конце концов!

– Мы испугались, – добавила Рианелла, больше не зная, что сказать. Ей не хотелось выпускать из объятий Хуаниту.

Казалось, она, как мираж, пропадет, стоит отпустить ее руку. – Как там Шато? Мы не желали навлекать на вас беду...

– Мама понимает, – Хуанита кивнула. Ее грудь поднялась и опустилась от тяжелого вздоха. – Она, как Глава, успокоит взволновавшихся ведьм. Мы узнали, что на корабле из провинции в столицу отплыла семья с фамилией де Марис. Мама хотела отослать поисковый отряд, но я выступила добровольцем и сказала, что не стоит привлекать внимание большим количеством ведьм в столице. Сестра рвалась за мной, но мама не отпустила ее. В общем, я одна в незнакомом огромном городе искала след вашей семьи.

– Ты сумасшедшая, – Рианелла улыбнулась, сжимая ладонь подруги в своих пальцах. Она была привычно горячей.

– Что произошло с вами? Где вы остановились здесь?

– Мы приехали к моей тете Авроре. Скорее всего, она позаботилась, чтобы здесь мы смогли как можно дольше задержаться, не боясь того, что нас поймают.

– Думаю, она не хотела, чтобы и Шато вас нашло, – хмыкнула Хуанита.

– Она оборвала связи с Шато, но не значит, что плохо относится к тем, с кем была близка. Здесь мы задержались дольше, чем планировали. Начали работать и учиться.

– Не удалось уехать? Аврора настояла на том, чтобы остаться?

– Да, в том числе я хочу узнать побольше про чиновника Слоудена, который сдал Церкви моего отца.

– О, нет, Риа! – обеспокоенно воскликнула Хуанита. – Ты хочешь вырезать всю их семейку? Твоя месть не может закончиться чем-то хорошим!

Рианелла ее проигнорировала.

– Ты останешься здесь? Или напишешь Главе Шато письмо и уедешь? Я хочу, чтобы ты зашла к нам и поздоровалась со всеми.

– У меня есть маленькая квартира в центре, так что пока останусь, несмотря на то что мое расследование и поиски завершены. И навещу обязательно твою семью. Но сначала: у меня есть кое-что для тебя, – она хитро прищурилась, отстранилась и полезла в свою сумку. – Девочка, которая должна была передать твое письмо в тюрьму к Алессио, струсилась и не передала послание. Однако, когда она увидела меня, как я пытаюсь вломиться к вам в дом, она мне рассказала про ваш скорый отъезд и попросила отдать письмо, потому что она испытывает вину, но все также боится. Алессио написал для тебя ответное письмо. Ты ведь все еще ждешь весточки от него? – усомнилась Хуанита, исподлобья глянув на подругу.

– Конечно! – воодушевленно воскликнула она и всплеснула руками. – Ты его видела? Он в добром здравии?

– Здоров как бык. Не волнуйся за него. Как только он выйдет, сразу найдет тебя. Я пообещала, что найду способ, чтобы вы смогли переписываться. Держи, – она протянула запечатанный конверт. Рианеллахватила его и прижала бума-

гу к груди. Ей казалось, что она обнимает самого Алессио. Его запах и тепло, несмотря на пройденное время и расстояние, сохранились.

Рианелла разорвала конверт, доставая драгоценное письмо. Она не виделась с Алессио очень давно, потому что личные встречи даже с женой в тюрьме разрешались редко. Ее руки немного подрагивали, но лицо оставалось бесстрастным.

«Моя дорогая Риа! Моя бестия! Поселенец сердца моего! Я получил твое письмо, переданное мне в руки Хуанитой Олден. Я был рад видеть ее, потому что в этих серых стенах я буду рад любому другу. Она сообщила мне, что случилось. Я искренне скорблю и боюсь вообразить слезы на твоих чудесных глазах. Я представляю, что для тебя значил отец. Но еще сильнее представляю, какая обида живет в твоём сердце. Сейчас, находясь в заключении, я не стал жалеть о своём поступке, однако, понимаю, что перешел границу, даже не ради него, а ради тебя, потому что сейчас не могу быть рядом, не окажусь для тебя поддержкой. Мне бы хотелось увидеть тебя, коснуться твоей кожи и узнать, что ты, твоя матушка и твои сестры в добром здравии. Хуанита сказала, что не знает твоего точного местоположения, и от этого на сердце еще тяжелее.

Мне крайне жаль, что я не могу быть с тобой в эту трудную минуту. Я буду верить, что это письмо попадет тебе в руки. Я хочу сказать, чтобы ты не волновалась и не позволя-

ла все взваливать на свои плечи. Как только я выйду отсюда, я отыщу тебя в любом уголке земли. Хуанита пообещала мне найти способ начать нам переписываться. Эта девушка способна очарованием забрать себе весь мир, так что, думаю, такая мелочь, как переписка с заключенным, ей точно удастся. Из-за своего бездействия и невозможности помочь чувствую себя отвратительно. Но повторюсь еще раз, не волнуйся. Мысленно я всегда рядом с тобой. Отношусь к тебе со всем трепетом. Твой А. Б.»

Алессио всегда был грубым, прямолинейным парнем, который с малых лет нелегально зарабатывал. Он не воспринимал чувства других людей, обижал их, даже если не со зла, то своей холодностью и колкостью. Он был самым настоящим бандитом и гангстером. Опасным, ходящим вечно по лезвию ножа. Даже в магии его заклинания были резкими, а магия необузданным животным, вулканом, готовым извергнуться. Он все решал драками и статусом в своем опасном незаконном мире.

Но с Рианеллой... Ей будто удалось растопить лед, которым он покрылся после тяжелого бродяжничества в детстве, обуздать пламя, рвущееся из груди, воспитать безнравственность и обласкать грубость. Рианелла со своим буйным нравом успокоила мужчину с жарким сердцем.

Он был таким же опасным со всеми, кто гладил его против шерсти, но Рианелла приглаживала его иглы и получала ласку взамен. Он становился кроток и нежен, тратил часы,

чтобы написать письмо в ласковых тонах с заумными словами, тратил все богатства на ее прихоти, которых было не так уж и много, встречал с ней рассветы и провожал закаты, любовался пейзажами и искал нечто необычное в простых цветущих садах. Он ни за что на свете не пустил бы ее в свой мир грязи, крови и боли, но он полностью погрузился в ее мир, и этот мир заставил оттаять хотя бы часть его души.

У Алессио никогда никого не было. Отца он не знал и в глаза не видел, мама умерла, когда ему было около четырех лет, потом он жил в сарае, где от холода и морозов ютилась женщина с маленькими детьми. Но потом женщина умерла, и Алессио забрал малышей. Из трех выжил только один. Они скитались вдвоем, однако, через несколько лет их пути разошлись. С самого детства Алессио не знал ласки и любви и думал только о том, чтобы прокормить себя. Холодные грязные улицы города давили на него, но он вырос, возмужал и смог стать властителем этих улиц. И никто никогда не мог противостоять ему и идти против. И даже гвардейцы не были в состоянии словить его.

В тюрьме он оказался из-за Рианелла. Девушка винила себя каждую ночь за это, страдала и мучительно изнывала, что она испортила ему жизнь. Однако Алессио не унывал: ему дали всего три года, хотя могли засудить на всю жизнь.

В дешевом прокуренном пабе, где они отдыхали вдвоем, когда Алессио отошел, к Рианелле проявил особое внимание подвыпивший молодой человек. Рианелла умела давать от-

пор, но парень оказался крепким, пьяным и очень неприятным. Впервые ей стало поистине страшно. В душном баре было опасно использовать магию. Быть может, пьяные гости ничего бы не заметили, но шанс опасности был поистине велик.

Алессио вернулся в тот момент, когда влажная рука незнакомца коснулась оголенной кожи бедра, а зашуганная Рианелла пыталась оттолкнуть толстяка. Алессио не хотел его убивать. Однако не рассчитал силу, и голова, которую он приложил об угол стола, окрасилась алым. Пролом в голове был таким глубоким, что глаза толстяка закатились, отовсюду текла кровь. Он оказался сыном богатого купца, и это не сошло Алессио с рук. Рианелла в суде полицеймейстерам с пеной у рта доказывала, что Алессио всего лишь защищал ее, но перестарался.

И хотя Алессио даже на мгновение не задумался над тем, чтобы обвинить в случившемся жену, Рианелла винила себя постоянно. Ей казалось, что она делает слишком мало для этого мужчины, который буквально отдавал ей весь мир. Но если бы Алессио не отдавал кому-то весь мир, он бы погряз в страданиях и грязи и окончательно очерствел, превратившись в животное.

Рианелла всей этой грязной жизни не знала, она дарила свою любовь так, как умела. Была верной, преданной и нежной женой, учащей грубого человека добру и красоте. Каждое слово Алессио после его ареста вызывало у Рианеллы

жалость и слезы. А теперь письмо, полученное после долгой разлуки, заставило ее сердце содрогнуться от боли. Ее юная, неопытная и эмоциональная душа была не готова к таким потрясениям.

– Поплачь, легче станет, – сказала Хуанита, глядя как трясутся руки Рианеллы, и как она громко шмыгает носом, дабы скрыть эмоции, и как покраснели уголки ее глаз.

– Не здесь, не сейчас, не посреди улицы.

– А потом уже настроя не будет, – отмахнулась Хуанита, хлопнув подругу по плечу. – Я хоть и старше, но, думаю, так не любила. Мужчины – хорошее развлечение, но ждать кого-то из тюрьмы? Пф, я бы не смогла! Ты знаешь, что ты очень сильная женщина, Рианелла?

Рианелла ничего не ответила. Она сомневалась в том, что она сильная женщина, но слова подруги льстили ей. Ей хотелось все тянуть на себе, контролировать ситуацию и добиться как можно большего, но в этом ли была истинная сила?

Две подруги рука об руку, плечом к плечу направились по узким улочкам Офероса. Одна несла практически все свои пожитки в руках, вторая сжимала рабочую сумку и драгоценное письмо, написанное ей мужем.

Когда Рианелла раздала остатки писем, они свернули на Центральную площадь и отправились к Рианелле домой. Рианелла все еще с детским любопытством разглядывала богатые и бедные дома, улочки и разноцветны лавки, но Хуанита словно прожила здесь всю жизнь. Ни одно архитектурное

здание не зацепило ее.

– Тебе претит эта красота? – спросила Рианелла, обведя пальцем вокруг себя.

– Я всю жизнь прожила в Шато, но, ты же знаешь, бывала и в Оферосе. За двадцать четыре года я умудрилась многое повидать.

– Неужели ты успела познать весь город? Ты рассказывала мне, что бывала здесь всего пару раз, когда ездила к своим любовникам в тайне от матери.

– Самое главное, мне показали светские вечера. Не только богатые люди позволяют себе затмевать свои глаза похотью, деньгами и животными инстинктами. По сравнению с ними, Алессио настоящий ангел!

– Ты не говорила о светских вечерах здесь, – вздохнула Рианелла. Они с Хуанитой знали друг друга с рождения, и девушке не хотелось, чтобы подруга что-то скрывала от нее. Скорее всего, это было что-то крайне опасное или неприятное, раз осталось в тайне.

– Я сохраняю плохие воспоминания глубоко и стараюсь их не озвучивать, – отмахнулась она, не поведясь на попытку Рианеллы выудить из нее правду. – Расскажи, как вы жили здесь все эти месяцы.

– Неплохо. Большой город поглощает в суматоху. Местная Церковь напрягает меня. В столице все намного строже с церковниками, они совершают постоянные обходы и дежурят на улицах, главный Патриарх словно играет на людях, он

не кажется мне искренним праведником, а больше похож на актера, отыгрывающего свою роль. К тому же, странное явление: он не желает передавать титул Патриарха своему родному сыну, а планирует передать статус и власть сверженному когда-то центральному графу земель. Все очень подозрительно.

– О, разобраться в том, кто чьей землей владеет было очень трудно. Каждая территория ищет свою выгоду и пытается победить. Ты знала, что уже сыновья тех знаменитых братьев переругались, устроили междоусобицу и гадили друг другу жизнь? Мне это один возлюбленный рассказывал. Из всех его длинных речей эта единственная, которую я слушала.

Рианелла рассмеялась. Хуанита всегда была сердцежкой и поглощала своим очарованием всех вокруг. Мужчины так и падали к ее ногам, однако, сама Хуанита любила лишь развлекаться с ними и, чувствуя малейшую опасность, уходила от них. Она рассказывала Рианелле, что любила лишь единожды, но с тем мужчиной их судьба не сложилась.

– Как ты узнала о местном Патриархе? – продолжала спрашивать Хуанита. – Посещала Церковь? Я не представляю тебя на вечерней молитве, послушную и замотанную в платок.

– Меня арестовали, – честно призналась Рианелла. – Меня доставили в Церковь и едва ли не отправили на допрос.

Брови Хуаниты поползли вверх.

– И ты обвиняешь меня в том, что я тебе не все рассказываю?

– Если бы я могла отправить тебе письмо без опасений подвергнуть Шато опасности, я бы немедленно это сделала, но это было не в моей воли.

За дружеской беседой девушки добрались до резиденции тетушки. Хуанита равнодушно окинула взглядом богатый особняк, прищелкнула языком и только пробормотала.

– Чересчур вычурно, но мрачность мне нравится. Впрочем, не я здесь живу, чего бы мне оценивать этот дом?

Несмотря на то, что Хуанита была гостьей, она первая подошла к двери и постучала. Лакей открыл ей, но сначала опешил, увидев незнакомку. Рианелла смогла объяснить, кто это и впустить девушку в дом.

Все еще оглядываясь по сторонам и оценивая резиденцию, Хуанита поставила чемоданчик в холле и тихо пробормотала, чтобы слышала только подруга.

– Риа, не думаю, что Аврора будет рада меня видеть. Все-таки она рассталась с моей матерью не на самой положительной ноте.

Однако ответить Рианелла ничего не успела. Возникший слуга взял в руки чемоданчик, а лакей, вернувшийся также незаметно, как и пропал, шел в сопровождении Авроры и Агнес. Сестры держались под руку и выглядели очень аристократично. Маме подошел такой образ, она бы точно смогла быть хозяйкой в большом поместье. В голове Рианеллы

прокралась жадная мысль: а правильно ли она сделала, что выбрала отца, а не богатую жизнь? Быть может, в такой обстановке мама знала бы горестей меньше и была в безопасности?

Мама охнула, но спустя мгновение взяла себя в руки, однако, чувств своих скрывать не стала, подлетела к Хуаните и крепко обняла.

– Хуанита, как я рада видеть тебя в добром здравии!

А вот тетя не могла вымолвить ни слова. После вскриков Агнес в коридоре началась суматоха. На лестнице загрохотали пятки, не очень воспитанно вниз сбежали сестры Рианеллы. Они тоже не верили своим глазам. Хуанита особенно близко дружила с Рианеллой, однако, ее сестры были с ней прекрасно знакомы и отлично ладили.

Мирабель, Альвина и мама наперебой расспрашивали девушку о том, как она отыскала их в Оферосе, как дела в Шато и что успело произойти нового. Слуги относили вещи, давали распоряжение насчет праздничного ужина в честь гостей. Рианелла заметила, что только тетя тихо стоит в стороне и изредка говорит что-то проносящейся мимо прислуге.

Рианелла ускользнула от подруги и подошла к Авроре.

– Что-то не так, тетушка? Я понимаю, что Хуанита дочь Главы Шато, но она моя старая подруга, я не могла не пригласить ее.

– Она очень похожа на нее, – вдруг тихо заявила тетя, не отрывая от гостей взгляда. – Сколько это ей сейчас? Лет два-

дцать пять?

– Двадцать четыре, – невпопад кивнула Рианелла, пытаюсь совладать с собственными мыслями. Кажется, тетушка не была расстроена гостьей, она просто вспоминала нечто, что было очень дорого ее душе.

– Ее мать была такой же в эти годы. Эффектной, изящной, очаровательной...и уже замужней. Примерно тогда мы и расстались с ней.

– Тетушка... – в груди Рианеллы вспыхнул огонек, она схватила тетушку за руку, дабы выплеснуть куда-то свои эмоции. Рианелла не знала, как закончить начатое предложение. Ей хотелось о многом расспросить. Насколько же сильные чувства связывали двух старых подруг, раз Аврора спустя столько лет с таким печальным восхищением вспоминает девушку, с которой не общалась много лет? Но эти вопросы еще сильнее расстроили бы тетю, по ее глазам и так все было видно. В них плескались воды воспоминаний, и темный блеск не говорил о слезах, а лишь о той пелене, которая годами перекрывала те счастливые мгновения. – Мне жаль, – только и пробормотала Рианелла. Этого было вполне достаточно.

После совместного ужина и долгих разговоров утомленные Аврора и Агнес ушли в свои покои, слуги стали убирать со стола, а четыре девушки отправились в спальню Рианеллы.

– Как я и думала, твоя комната будет захламлена всем чем

можно, – хохотнула Хуанита.

– Она не разрешает здесь никому убираться, – фыркнула Мирабель. – Нас-то с трудом сюда пускает.

– Здесь просто запрещенных вещей на пару тюремных сроков, – спокойно заявила Рианелла таким равнодушным тоном, словно говорила о погоде. Мирабель тяжело вздохнула, словно сквозняк загулял по комнатам. Альвина скривилась и хотела высказать недовольство, но из последних сил сдержалась. Уголки губ Хуаниты дрогнули и поднялись в едва заметной ухмылке.

– Вот поэтому я и боялась не отыскать вас в добром здравии.

– Она нас погубит, – все-таки вырвалось у Альвины, но Мирабель дала ей оплеуху, и младшая стыдливо опустила голову.

– Надеюсь, ты надежно все прячешь, – сказала Хуанита.

– Надеюсь, здесь не будет обыска, чтобы это проверить, – ответила Рианелла.

– Уезжай отсюда в глухую деревню и занимайся духовной магией, тогда никто не захочет обыскивать твои покои.

– Ну уж нет!

– А с креслом-то что?! – ахнула Хуанита.

– Я тренировалась, – почесала в затылке Рианелла. – Ваша духовная магия совершенно не практична. Намного удобнее использовать кровь.

– Хуанита, объясни, что это может быть опасно, – опять

завела свой разговор Мирабель. – Она меня совершенно не хочет слушать.

– Это ее выбор.

– Она не осознает последствия!

– Не осознает, – согласилась Хуанита. – Но, если ты будешь противиться ее выбору, она только поругается с тобой. Просто будь рядом, если что-то случится. К тому же, неужели ты совсем не используешь духовную магию?

– Она малодейственная, – отмахнулась Рианелла. – Смотри, – она вытянула ладонь, напряглась и попыталась нащупать магическую нить. На пальцах зажегся маленький золотистый огонек, но он едва держался и колыхался, намереваясь затухнуть. Многие нити все еще были оборванными и болезненно пульсировали. – Видите? Максимум, кого я могу повергнуть этим – кресло.

– Проверим? – усмехнулась Хуанита, зажигая на ладони яркое золотистое пламя.

– Ты будешь сражаться со мной?

– Не в полную меру.

– Мне не нужны подачки, давай в полную меру! – воодушевилась Рианелла, оскорбленная тем, что Хуанита собиралась делать поблажки в бою с ней.

Мирабель попыталась остановить их, но поглощенные адреналином девушки ее не слушали. Альвина оттащила мебель в углы комнаты, чтобы не устроить погром, и Хуанита с Рианелла встали в центр покоев.

Первоначально Рианелла планировала использовать исключительно духовную силу. Небольшое пламя с ее ладоней помогало ей защититься от выпадов подруги, но не нападать. Было видно, что Хуанита не использует свою магию в полную силу, и это обижало Рианеллу. Она достойный соперник для подруги. Пусть они не хотят ранить друг друга, они могут сражаться достойно.

Все же Хуанита всю свою жизнь использовала духовную магию, также как Рианелла использовала кровь, а Мирабель варила зелья и снадобья. Хуанита загоняла подругу в угол, даже не напрягаясь, и та могла лишь защищаться. Хуанита не рассчитала свой удар, и облако золотистого огня ударил Рианеллу в плечо. Та вскрикнула, отшатнулась и, запнувшись о составленную в углу мебель, упала. Рианелла, пытаясь удержать равновесие, зацепилась за край стола, но не успела ухватиться за него, а только поцарапалась об острый край дерева. Из тонкой царапины потекла кровь.

Мирабель хотела подбежать к младшей сестре, но та жестом попросила ее остановиться. Рианелла провела ладонью по царапине, окрашивая ее кровью, и золотые магические нити стали вмиг крепче. Она ухватилась за одну из них, ловко подскочила на ноги, чувствуя, как сила забурлила в ней.

Мгновение, и вокруг Рианеллы возник черный туман, который резким потоком понесся к Хуаните, обволок ее и, оторвав от земли, запечатал все ее движения. Вреда он ей не приносил, но девушка была повержена.

На губах Хуаниты растеклась довольная ухмылка. Рианелла подошла к туманному кокону вплотную, щелкнула пальцами, и дымка исчезла. Рианелла успела ухватить подругу и удержать ее на ногах. Хуанита похлопала ее по плечу, безмолвно поздравляя, но все же не сдержалась и добавила.

– Это было очень хорошо. Ты так быстро переключилась на кровавую магию. Ты практиковалась недавно?

– Да, – не стала скрывать Рианелла. Она оглядела свои ладони. Они были перепачканы кровью, а из маленькой царапины продолжал вытекать источник магии.

– Я схожу за снадобьем, – пробормотала Мирабель.

– Альвина, как тебе? Зрелищно? – толкнула подошедшую в бок сестру Рианелла. Она пыталась зажать рану и остановить кровь. Альвина вздрогнула, но ответила.

– Вполне. Я бы даже называла это зрелище пугающим.

– Мы почти не дрались, – отмахнулась Хуанита. – В Шато частенько проходят настоящие бои. Хотя мама их не поощряет, но и не запрещает. Вот там я видела настоящие бои, – она присвистнула, вспоминая соревнования. – Твои милые ушки не готовы это услышать, – она щелкнула по носу Альвину, и та нахмурилась, собираясь возразить, что она не ребенок, но тут вернулась Мирабель со снадобьем и принялась обрабатывать рану Рианеллы, вытирая остатки крови.

Глава 11. Буря в душе

В комнате, полной искусства,
Я бы смотрел исключительно на тебя.

Когда Мирабель давала согласие Лилиане сходить с ней в оперу, уговорив родителей отпустить дочь, пристрастие к театру которой им совершенно не нравилось, гувернантка не врала, но она не ожидала, что воспитанница будет так усердно учиться ради вознаграждения.

Та больше не ерзала на уроках, никуда не убегала, а когда чего-то не понимала только хмурила свои брови и требовала объяснять до тех пор, пока не поймет. Мирабель даже не думала, что ее ученица окажется такой усердной девочкой, и при любой возможности нахваливала ее родителям. Иоланда по-своему гордилась дочерью, больше сравнивая ее со сводным старшим братом, нежели восхищаясь истинными талантами дочери.

Вскоре Лилиана заявила, что выполнила требуемые условия гувернантки и запросилась в оперу. Этим же днем Мирабель отправилась в кабинет лера Рауроса, чтобы объяснить ситуацию и свозить воспитанницу в оперу. Конечно, предложением стало не то, что девочка обожает театр, а то, что в опере показывают постановку, которая должна увидеть каждая воспитанная леди, чтобы обсуждать ее с другими девушками и юношами, чем уподобляясь разговорам о пошлостях и

грубостях мира.

Лер Раурос не сильно вникал в воспитание дочери, поэтому почти сразу дал согласие. Когда Иоланда узнала об их воспитательной программе, отказываться было слишком поздно, к тому же Мирабель обладала отличной репутацией непорочной и благовоспитанной девушки. В сопровождении такой леди с Лилианой ничего не могло случиться.

Однако алер Раурос твердо заявила, что не может отправить свою дочь и незамужнюю гувернантку в театр на светское мероприятие (простой народ в такую оперу не ходил, денег не хватило бы, да и смысл они бы не поняли) без сопровождения, потому что это может их скомпрометировать. Сама Иоланда ни за что бы не явилась в этот «смерд игр и неприятных масок», как она называла театр. Было принято решение отправить вместе с девушками Ксандера.

Мирабель почувствовала легкую неловкость, когда узнала об этом, но не придавала этому значение. Она объяснила это странное волнение тем, что плохо знала младшего лера Рауроса и не понимала его натуры. Однако даже сестрам Мирабель не сказала, что едет в оперу с младшим господином Раурос, ведь это звучало как-то до неприличности интимно, несмотря на то что цель поездки обозначалась, как сопровождение юной ученицы.

В оперу требовалось собраться достойно, поэтому пришлось прибегнуть к помощи служанок и гардеробу тети. После длительных и кропотливых сборов Мирабель вбежала в

гостиную, где собрались все остальные члены семьи в свой выходной почитать ведьминские книги. И только Альвина держала в руках любовный роман.

Счастливая Мирабель вбежала в комнату и сразу покрутилась, представ перед взорами семьи. Ее длинное платье струилось по худым ногам, скрывая их до щиколоток. Прямая юбка темно-зеленого цвета была сшита из лучшего шелка и блестела в лучах солнца, попадающих в окна. Белый верх облегал худой стан и аккуратную грудь, короткие рукава-фонарики и оборка из золота украшали его. Зеленый корсет, туго затянутый на ее талии, был украшен золотыми нитками и узором в виде оленей. Золотое ожерелье с подвесками листочков, цветочков и птичек подрагивало при ходьбе, и небольшие подвески позвякивали, ударясь друг о друга, словно маленькие хрустальные колокольчики. Ножки девушки украшали аккуратные зеленые балетки. Волосы Мирабель были приколоты сверху изящной золотой заколкой, и пряди русых волос волнами струились по плечам.

– Ты выглядишь чудесно! – Рианелла оттолкнула от себя книгу и приподнялась на колени на кожаной софе, чтобы лучше разглядеть сестру.

– Ты словно принцесса! – восхитилась Альвина, и глаза ее заблестели. – Я никогда не видела столь утонченную девушку, – продолжала воодушевленно болтать самая младшая. Она была самой юной из сестер, а потому взрослела позже всех, в том числе позже взрослело и ее тело. Она все еще

чувствовала себя неуклюжей и маленькой по сравнению со взрослыми сформированными сестрами.

– Я совсем не заметила, когда ты из маленькой девочки превратилась во взрослую леди, – вздохнула мама.

– Все женихи точно будут твои, – тетя многозначительно подмигнула.

Мирабель так привыкла одеваться в учительскую одежду и выглядеть изящно, но строго, что, когда родные разошлись в комплиментах, ее охватило смущение, и неловкий румянец окрасил ее щеки.

– Не стоит льстить мне в таких размерах, – она застенчиво улыбнулась и еще раз покрутилась, дабы похвастаться нарядом.

– Тетя права, – Рианелла соскочила с дивана и подошла к сестре, взяв ее ладони в свои и ласково сжав. – Все в театре просто потеряют голову, когда увидят тебя. Как бы нам не бояться, что нашу Миру украдут.

Уши Мирабель тоже покраснели, и она неловко отвела взгляд. Рианелла немного наклонилась к ней и многозначительно ухмыльнулась.

– Почему ты краснеешь, Мира? – младшая сестра прищурилась, и улыбка на ее губах стала шире. Когда речь заходила о романтике, Мирабель не умела выражать свои мысли и была всегда очень застенчива с мужчинами, считая, что стоит говорить сразу о браке, если намерения серьезны. Именно из-за своих принципов Мирабель повздорила с Рианеллой,

когда юная сестра заявила, что начала отношения с мужчиной старше себя без официальных заявлений, брака или хотя бы помолвки. Благо, Алесслио оказался достаточно благонаправленным мужчиной, чтобы не расстаться с ней, начав серьезные отношения.

– Ты говоришь о всяких постыдных вещах, Риа, – отмахнулась Мирабель. – Скромные и благовоспитанные девушки не говорят о таком, – укоризненно сказала она. Рианелла только рассмеялась.

– Я замужем за известным бандитом и строю козни Церкви. Думаешь, я благонаправленная и скромная девушка?

– Ты просто ведьма, – фыркнула Альвина, встряв в их разговор, все еще разглядывая старшую нарядную сестру.

– Да-да, я могу схватить тебя и кинуть в кипящий котел! – фыркнула Рианелла и, отбросив ладони сестры, прыгнула с криком на Альвину, пытаясь зашекотать ее. Начался дружеский поединок, Альвина визжала и пыталась защититься, пока Рианелла мастерски нападала. Мирабель только покачала головой, глядя на младших сестер, но ничего не сказала. Она не любила, когда они дурачились, но сегодня у нее было чересчур хорошее настроение, чтобы противиться этому.

– Ты пойдешь пешком в таком виде? – поинтересовалась тетушка.

– Да, почему нет? – Мирабель оглядела себя, будто в ее образе было нечто неприличное.

– Я попрошу подать тебе экипаж, – тетя поднялась с ди-

вана. Миранбель не успела возразить, только открыла рот, как тетушка взмахнула пальцами. Небольшое золотое облачко возникло вокруг ее пальцев, тонкой нитью добралось до Миранбель и заставило ее захлопнуть рот, не выронив ни слова.

Уже через десять минут Миранбель ехала в личном экипаже до дома Рауросов. Она не знала, как отреагируют хозяева, увидев, что их гувернантка, нуждающаяся в вовремя заплаченном жалованье, приехала в недешевой карете.

Впрочем, Рауросы ничего не заметили, потому что, оказывается, их даже не было дома. Гувернантку встретил лакей и сказал, что хозяева уехали по делам, а карета в оперу будет подана через десять минут.

Миранбель решила встретиться со своей ученицей. Маленькая Лилиана сделала себя старше, пытаясь подогнать настоящей юной леди. Платье у нее было чересчур пышным, лицо чересчур напудрено, прическа чересчур высока. Однако сама девочка была безумно восхищена собственным образом, поэтому гувернантка ничего не сказала. Неизвестно, видела ли ее мать в этом наряде, и если видела, то позволила остаться в нем, но пусть Лилиана почувствует себя взрослой.

– Я так восхищена, – бормочет Лилиана, подставляя позолоченную заколку с большим красным цветком то слева на волосы, то справа. – Уже сейчас, понимаете, Миранбель? Безумно восхищена. Спасибо, что вы сдержали слово... – ученица оборачивается и одаривает гувернантку восхищенным взглядом. Миранбель аккуратно опускается на розовое

кресло с подлокотниками в комнате девочки. – Вы выглядите просто чудесно, будто настоящая фея.

– Благодарю. Вы тоже выглядите изящно, элер Раурос. Госпожа Раурос видела ваш образ?

– Она помогала мне наряжаться, – гордо заявила девочка. Брови Мирабель чуть взметнулись вверх, но она ничего не сказала.

– Господин Раурос едет с нами? – Мирабель оглянулась по сторонам, будто он мог прятаться в комнате.

– Вы про Ксандера? – беззаботно щебетала Лилиана. – Он не очень любит оперу, хотя я сказала ему, что это очень дорогая опера, и вы заявили, что нам обязательно понравится, но он не в восторге от театра. Конечно! – она обиженно фыркнула, и прядка ее покрытых лаком волос смешно подпрыгнула. – Он ходил в театр с самим Императором! Наверное, после такого никакая опера не может впечатлить.

– Вы ошибаетесь, элер Раурос, – воспротивилась девушка. – Иногда нас может вдохновить нечто такое, чего мы совершенно не ожидаем.

Рука девочки с заколкой в пальцах замерла. Темные бровки нахмурились, будто Мирабель сказала нечто заумное, чего Лилиана не понимала. Наверное, в силу своего возраста она этого и правда не понимала.

В дверь постучал лакей и предупредил, что карета уже готова. Лилиана ойкнула, подпрыгнула на месте и прицепила заколку чуть криво справа. Мирабель медленно поднялась и

неспешно направилась за своей активной ученицей.

Во дворе стоял лакей, а рядом с ним Ксандер. Он смотрел на часы с цепочкой в своих руках, но, когда девушки вышли, немедленно убрал их. На нем был темно-серый костюм с фиолетовым отливом. Из-под пиджака выглядывал клетчатый жилет и тонкая белая рубашка. Он всегда выглядел аристократично и привлекательно, как многие молодые мужчины в светском обществе, но сегодня Ксандер превзошел сам себя.

Девушки подошли к экипажу, и лакей отворил дверь. Он собирался подать руку гувернантке и ее ученице, но Ксандер внезапно оттолкнул его и велел дать распоряжение повозчику, во сколько их забрать из театра. Мирабель не обратила внимание на поведение хозяйского сына, какие заведены у них порядки, она не знала. А вот Лилиана бросила удивленный взгляд на брата.

Он подал ей первой руку и помог забраться в экипаж, а следом подал ладонь Мирабель. Она могла забраться и без его помощи, но отказывать в этот момент парню было невоспитанно. Она мило улыбнулась, словно нежные лепестки роз коснулись ее лица, и подняла свой взор на молодого господина.

Их лица оказались ближе, чем она думала. Дабы сохранить приличное расстояние, Ксандер немного отшатнулся назад, продолжая подавать твердую ладонь. Мирабель разглядывала его четкий профиль, будто высеченные из мрамора черты, кремовую кожу и притягательные янтарные глаза, в

которых маленькие темные крапинки приносили озорства.

Ксандер словно впервые видел девушку. Его обычно скупающий взгляд зажегся любопытством, и он взаимно рассматривал черты русоволосой Мирабель. Он также, как и все вокруг, привык видеть ее в строгих учительских нарядах. Он не считал девушку дурнушкой, но, в целом, и не обращал на нее внимание. Их единственный разговор в библиотеке не разрушил отношения хозяина и служанки, и Ксандер исключительно испытывал к девушке строгое уважение и почитание, как к преподавателю.

Мирабель уловила любопытство и заинтересованность в этих янтарных глазах. Ее улыбка стала чуточку шире. Все-таки Ксандер повидал за свои двадцать пять лет немало писанных красавиц и был в близком общении с дочерью Императора. Если Мирабель хоть немного могла понравится ему внешне, значит она и правда обладала необычайной красотой. Либо же Ксандер просто был падок на хорошо одетых женщин. Второй вариант был более вероятен, но Мирабель все же было приятно знать, что не только семья считает ее привлекательной.

Она оперлась на его твердую ладонь и легко взобралась в экипаж. Ее воспитанница уже сидела у окна и все расправляла складки чересчур пышного платья. Мирабель аккуратно опустилась рядом. Следом, садясь напротив, взобрался Ксандер. Лакей за ними захлопнул дверку и отдал приказ кучеру двигаться.

Мирабель впервые находилась в столь маленьком пространстве, в карете, с малознакомыми ей людьми. Если бы они поехали с ученицей вдвоем, поездка не вызвала бы никакой неловкости, но в экипаже присутствовал Ксандер. Все-таки он был холостым малознакомым мужчиной, с которым, несмотря на образованность и чуткое воспитание, Мирабель совершенно не знала, о чем говорить.

– Вы сегодня прекрасно выглядите, элер Нардол, – вдруг в полной тишине заявил Ксандер. Видимо девушка так преобразилась, что даже из обычной Мирабель превратилась в элер Нардол. Он все еще разглядывал перед собой Мирабель, словно диковинку. Она почувствовала себя неуютно, но на комплимент сухо ответила.

– Благодарю.

Лиана оторвалась от собственного платья, которое разглядывала, и тут же затараторила.

– Да, моя учительница настоящий ангел, спустившийся с Небес! Она не только договорилась с матушкой и отцом насчет поездки в театр, но еще выглядит не просто подобающе, а поистине сногшибательно!

Мирабель улыбнулась, но не комплименту, а словам о том, что она ангел. Знал бы ребенок, что ее обучает настоящая ведьма. Девочке же она спокойно ответила.

– Не злоупотребляйте лестью, элер Раурос. Достойная леди должна подмечать красоту, не озвучивать безобразное и уметь найти грань лести и приятного комплимента.

– Не делайте из меня эту бездушную куклу, – скривилась Лилиана. – Я не хочу ходить на ужины и искать там богатых кавалеров, как делала моя мама.

– Элер Нардол не пытается сделать из тебя куклу, – укоризненно произнес Ксандер. – Она лишь воспитывает тебя. Каждая девушка должна уметь себя вести и знать этикет, независимо от того, в каком обществе она крутится. Даже если ты продолжишь общаться с теми ребятами из центра или станешь работать в театре, тебя должны знать, как воспитанную и чуткую девушку, а не сироту-оборванца. Своим поведением ты, в первую очередь, опозоришь не себя, а своих учителей и семью.

Лилиана задумалась, осмысливая слова брата. Сначала она хотела перевести все в шутку, но, заметив строгий взгляд гувернантки, по-настоящему стала размышлять над его словами.

– Лер Раурос абсолютно прав, – серьезно кивнула Мирабель. Экипаж качнуло, и она схватилась за сидение, чтобы не упасть. – Прошу прощения, – она взмахнула волосами, пытаясь поправить их. Ксандер протянул свою ладонь, и она удивленно уставилась на его пальцы.

– Если вам нужно опереться.

– Не стоит, все в порядке, – Мирабель чопорно сложила руки на коленях и бросила взгляд в окно, рассчитывая, сколько им еще ехать. Ксандер неловко убрал ладонь и бросил взгляд на свою руку, будто думал, что это с ней что-то не

так. Девушки никогда не отказывали ему в лишних прикосновениях и сами старались сократить дистанцию, но воспитанная гувернантка себе такого позволить не могла.

Они добрались до роскошного театра недалеко от центра города. Подъездная дорожка была вымощена мрамором, а вход украшен белоснежными резными колоннами. Стояли экипажи, повозки ждали светских семей и молодых пар. Лакей только успевал открывать хрустальные двери. На стене висела огромная красочная афиша с ближайшими спектаклями и рисунками девушки, держащей в руках маску, которая наполовину плачет, наполовину смеется.

Они минули фойе, предъявили билеты в отдельную ложу. Маленькая комнатка ниже балкона, но выше партера, вид которой идеально выходил на сцену, имела три длинные ложи, оббитые красной кожей и небольшой деревянный стол. Работник театра предложил принести напитки, и Ксандер заказал вино для себя и горячий лимонный чай для девушек.

Лиλιана заняла крайнюю ложу и попыталась придвинуть ее к краю еще сильнее, будто хотела сама вылезти на сцену. Ксандер тоже выбрал крайнюю ложу, поэтому Мирабель аккуратно опустилась на среднюю.

Свет в зале выключился, послышались аплодисменты. Красный тяжелый занавес отодвинулся. На сцене на фоне легких декораций в виде стола, стула и кровати находились две девушки в изящных прямых платьях.

Мгновение, и они запели, начиная представление. Мира-

бель бросила взгляд на воспитанницу. Ее глаза горели настоящим пламенем жажды, и будь воля ребенка, она бы уже убежала на сцену и пела с ними, даже если не умела.

Мирабель обернулась к Ксандеру. Тот со скучающим видомпил вино. Он разглядывал бокал, собственные руки, ложку, красную, местами пошарпанную оббивку – все что угодно лишь бы не смотреть на сцену.

Мирабель чуть наклонилась к нему, будто собиралась просто поставить на столик чашку горячего чая, и, стараясь не помешать просмотру Лилианы, проговорила почти шепотом.

– Вам не нравится?

Ксандер поднял на нее удивленный взгляд.

– Скептически отношусь к опере.

– Это же искусство, – улыбнулась Мирабель. – Быть может, вам что-то непонятно, поэтому вы так враждебно настроены? Хотите, я буду говорить вам все, что они поют.

Ксандер уставился на нее, хлопая глазами. Бокал в его руках дрогнул. Он не верил, что Мирабель говорит это серьезно. Но не похоже, что молодая учительница издевалась над ним. В этот момент опера окончательно перестала привлекать внимание Ксандера.

– Почему вы ко мне так хорошо относитесь? – неожиданно спросил он. – Элер Нардол, вы так почтительны со мной, потому что я сын людей, на которых вы работаете?

– Что? – брови Мирабель взметнулись вверх. – Неуже-

ли вы считаете, что я способна лебезить перед богатыми людьми? – обиженно спросила она и отстранилась, отворачиваясь.

– Нет, что вы! – пылко воскликнул он, коснувшись руки девушки, чтобы привлечь ее внимание, и Мирабель покосилась в сторону Лилианы. Она не хотела, чтобы воспитанница неправильно ее поняла, и вечно праведная и скромная гувернантка в ее глазах стала той, которая ищет внимания ее богатого брата. Мирабель одернула руку и строго сказала.

– Но именно это вы пытались сказать.

– Простите, – стыдливо опустил голову Ксандер. – Я имел в виду, что вы как раз не заискиваете передо мной, а просто душевно добры.

– Разве с вами никогда не были добры? – удивилась она, чуть смягчившись. Она понимала, что Ксандер привык нагло общаться с девушками, не думая об их чувствах, ведь они все интересовались им, поэтому не стала злиться его неумению вести аккуратную дружескую беседу.

– Нет, – так уверенно заявил он, что Мирабель вздрогнула.

– Как это «нет»? – не поняла Мирабель.

– Отец всегда был крайне строг, Иоланда ненавидела меня, в светском обществе все думали исключительно о личной выгоде, о моих деньгах и пытались льстить. А вы... Я боюсь вашей доброты, элер Нардол, – он усмехнулся и сделал для храбрости глоток вина.

– Я просто считаю вас хорошим человеком. Я всегда добра к людям, если считаю их добропорядочными. Независимо от того, какое у них положение, – сказала она и вернулась к просмотру оперы. Все же в нынешних реалиях ее походы в театр были крайне редкими. В опере в столице она и подавно никогда не была. В провинции, где она росла, такие масштабные постановки не показывали, а актерами часто были люди, потерявшие смысл жизни.

Однако взгляд Ксандера, буквально прикованный к ней, ощущался так остро, что девушка чувствовала дискомфорт. Она не понимала, почему он так странно смотрит на нее, будто было в ней что-то не так, но его воспитание не позволяло сказать об этом.

– Сцена в другом направлении, лер Раурос, – деликатно напомнила она, оборачиваясь вполоборота, когда занавес опустился, и объявили антракт.

– Я говорил вам, что опера меня совершенно не интересует этим вечером.

– Неужели во мне вы нашли объект поинтереснее? – усмехнулась Мирабель.

– На вас глядеть намного приятней сцены.

– Почему же?

– Я пытаюсь вас разгадать. В вас есть какая-то тайна.

Мирабель вздрогнула. Точно. В ней была тайна. Ей не следует расслабляться, находясь рядом с малознакомыми людьми, ведь она ведьма.

– Лер Раурос... – многозначительно протянула девушка, но так и не закончила предложение. Наступила тишина. Весь оставшийся спектакль они все также молчали. Но Ксандер украдкой да поглядывал в ее сторону.

Когда раздалась последние аплодисменты, а занавес скрыл актеров от зрителей, Лилиана первая вскочила с ложи и подпрыгнула, радостно хлопая в ладони.

– Это чудесная опера! Это прекрасный вечер! Я не желаю, чтобы он заканчивался! – адреналин бурлил в крови ребенка, и она не знала, куда выплеснуть эмоции. Чувства трепетали в ней, словно бушующий ураган, и она искрилась этими эмоциями. Мирабель не сдержала теплой улыбки и слегка коснулась плеча воспитанницы.

– Я рада, что вас вдохновляют такие прекрасные вещи, как театр.

– Театр – это лучшее изобретение людей! Нет, театр точно создали сами ангелы!

Улыбка на лице Мирабель дрогнула, но девушка ничего не ответила. Несмотря на окончившейся спектакль, они не хотели толпиться среди других гостей, поэтому ожидали их ухода.

– Ксандер, как тебе опера? – восхищенно спросила Лилиана, правда совершенно не ожидая от брата того же восторга. Она знала, что он скажет нечто вроде: «скучно» или «я видал и получше». Но внезапно, будто опера стала и для него глотком свежего воздуха, он пылко произнес.

– Оказывается, опера может быть так хороша.

Лиλιана и Мирабель удивленно уставились на него, совершенно не ожидая такой похвалы. Янтарные глаза странно поблескивали, и девушки никак не могли понять его эмоционального возбуждения. Ксандер ведь практически не смотрел на сцену! Как он мог уловить суть сегодняшнего искусства, если его взгляд так редко задерживался на актерах?

– Тяжело признать, но и я не хочу, чтобы этот вечер заканчивался, – признался он.

Мирабель испытывала странные чувства. Она понимала, что ей необходимо достойно себя вести и не забывать о своем положении гувернантки, но ей стало так легко в компании младшего господина и своей воспитанницы, что воспитательный поход в театр превратился в настоящее путешествие и отдушину для уставшего от тревог и работы организма.

– Честно признать, я не имею права такое говорить, – вдруг заявила дрогнувшим голосом Мирабель. – Будучи вашей гувернанткой, элер Раурос, я немедленно обязана доставить вас домой, но, немного включив обычную девушку, которая понимает ваши чувства, я предлагаю вам пойти в город и выжать из этого вечера все соки, насладиться им до последней капли.

Лиλιана взвизгнула, однако, Ксандер быстро остудил ее пыл.

– Я не возражаю и не собираюсь играть строгого правед-

ника, но экипаж уже ожидает нас, чтобы доставить домой.

– Сбежим! – хлопнула в ладоши Лилиана, но тут же метнула взгляд в сторону Мирабель. Ученица не шелохнулась до момента, пока во взгляде гувернантки не увидела согласие. – Да! Это точно будет лучшим днем моей жизни!

– Я все еще сомневаюсь и явно не одобряю такое поведение, ведь, если нас поймают, я сразу буду уволена и... – бормотала Мирабель, видя раскрасневшееся от удовольствия лицо воспитанницы. Мирабель была тоже юна, и ей хотелось насладиться этим вечером, но обязанности сковывали ее, напоминая, что она не в компании друзей.

– Если мы попадемся, я всю вину возьму на себя, – вдруг заявил Ксандер. – Сочиню историю, что принудил вас пойти с нами, и вы, испугавшись моего напора, тут же согласились. Не беспокойтесь, ваша репутация не пострадает.

– Вы рветесь на прогулку не меньше элер Раурос, – улыбнулась Мирабель. – Не будет ли вам скучно? – чуть насмешливо спросила она.

– Я рвусь сбежать, – Ксандер подмигнул ей. И говорил он вовсе не про побег из театра.

Забрав верхнюю одежду и собравшись быстро и неряшливо, Ксандер, Мирабель и Лилиана выбежали из здания театра через черный ход, предназначенный для персонала и актеров.

Оказавшись на заднем дворе театра, они погрузились в тишину и шум природы. Гул голосов доносился издалека, лю-

ди разъезжались со стороны центрального входа. Где-то там же стоял их экипаж. Во дворе же сейчас никого не было, и двое взрослых и девочка-подросток, свернув на небольшую тропинку, перешли на соседнюю улицу, отправляясь на прогулку.

Солнце медленно опускалось за горизонт, отбрасывая лучи на рябь морской глади. Багровое небо освещало остатками света город и заставляло щурить глаза. Легкий бриз доносился со стороны моря. Узкие улочки были наполнены путниками, которые не замечали красоты этого вечера. Кто-то возвращался с работы, кто-то запоздало выходил гулять, бегали дети, шумели изящные юные девицы и молодые юнцы. Несмотря на позднее время, улицы города были полны шума и людей.

Гуляющие вышли на дорогу к центру города. В лавках все еще продавали еду, продукты и другие товары. Витрины поблескивали в последних лучах солнца, еще больше привлекая к себе внимание. Повсюду зажигались фонари и лампы. Громкие зазывания продавцов перекрикивали шум толпы. Повсюду стояла атмосфера праздника, хотя в Оферосе был обычный будничным вечер.

И пусть театр был хорош, для Мирабель ближе атмосфера уюта и радости обычных людей, которые после тяжелого рабочего дня покупали детям сладости за яркими прилавками, а себе позволяли перекусить в тавернах и трактирах. Они все словно понимали друг друга, и на эти недолгие мгнове-

ния становились единым целым. В такие моменты Мирабель казалось, что она обычный человек. Она не скрывается от Церкви, не тренируется в приготовлении зелий и отваров по вечерам, не спасает сестру, борющуюся за справедливость, из-под ареста и не волнуется о том, что будет дальше.

Конечно, их дорогие наряды привлекали внимание и выбивали из толпы. Некоторые любопытные прохожие оборачивались в их сторону и перешептывались, увидя их благородный вид. Но путники не обращали на это внимание. Каждый из них в эти мгновения был поистине счастлив.

– Я никогда не гулял так по городу, – разрушил тишину между ними Ксандер.

– Вы видите, какая настоящая красота в городе? – обернулась к нему Мирабель, поправляя выбившееся из-за ветра волосы.

– Да, – признался Ксандер. – Я вижу. Быть может, не так, как вы, но вижу.

– Что же ты видишь? – вклинилась Лилиана. – Я вижу людей, солнце, море и лавки с такими аппетитными вкусностями, что у меня сейчас слюнки потекут.

– Я вижу свободу. Пусть не полную, ведь от страхов и обязанностей нам не освободиться, но эти люди обладают той свободой, которую не имею я. А что вы видите, элер Нардол?

– Я вижу мгновения, в которые люди, отбрасывая мирскую суету, погружаются в еще большую спешку, чтобы насладиться друг другом и яркими вечерними красками.

– Вы очень красиво выражаетесь, – улыбнулся Ксандер. – Вам нравится в Оферосе, элер Нардол?

– Отчасти. Как и в любом месте, в нем есть недостатки. Я привыкла жить в пригороде, поэтому для меня большой город все еще вызывает некоторые сомнения относительно шума, длинных дорог и большого количества людей. Но мне нравится здесь настолько, насколько может нравится человеку, который переехал из родных мест. Здесь продается много всего, огромное количество товаров и красивых мест. В городке, в котором я выросла, был лишь рынок. На нем тоже продавали всякие красивые безделушки и вкусные сладости, но моя семья была многодетной, а мой отец простым рабочим. Мы не могли позволить себе грандиозную жизнь. Я не жалею об этом, просто сейчас у меня все это множество разноцветных прилавков вызывает такую же дикую радость, как и у малышей.

– Разве сейчас вы не можете позволить себе купить что-то из того, что так хотели в детстве? Просто, чтобы утолить жажду?

– Сейчас я приобрела материальные блага, – согласилась Мирабель. – Но потеряла нечто другое, – она печально улыбнулась. В это мгновение желание открыться этому человеку, который искренне спрашивал ее, обожгло душу. – Я уехала из родного города, когда умер мой отец, – она грустно вздохнула, чуть замедлив шаг, из-за чего Лилиана, слушавшая ее вполуха, унеслась вперед. – Я выросла. И это принесло с со-

бой беды пострашнее отсутствия пирожных с миндальным кремом.

– Мне очень жаль, – ответил Ксандер. В его глазах зажглось то же желание быть услышанным. – Я не помню своей мамы. Я ни с кем не делился этим, но я чувствовал себя поистине обделенным. Строгость моего отца и нежелание его вникать в мою жизнь не так сильно печалили меня. Я чувствовал себя сиротой, потому что рядом не было мамы. Пусть бы она ненавидела меня и била, издевалась и требовала наилучших результатов, относилась строже отца в сотни раз, лишь бы была рядом.

– От чего умерла ваша мама, лер Раурос?

– Она была нежным цветком, и в руках жесткого отца быстро зачахла. Почти сразу после моего рождения она заболела язвенным гриппом и скончалась.

– На самом деле я понимаю, почему вы так увлечены праздной жизнью. Вы прячетесь, – вздохнула Мирабель. – От мира, от жестокости, от людей и от самого себя. Главное, будьте осторожны и вовремя остановитесь. Мне кажется, когда у вас будет семья, вы будете чудесным мужем и отцом и дадите того, чего не было в жизни у вас.

– Надеюсь, вы правы, элер Нардол... – вздохнул он и бросил на нее последний взгляд, прежде чем его тоска исчезла, будто по щелчку пальцев. – Так вы хотите пирожных с миндальным кремом?

– Что? – Мирабель хлопнула глазами и не сдержала сме-

шок. – Это все детство.

– Тогда я тоже хочу миндальных пирожных, – уверенно заявил он и, нагнав Лилиану, что-то сказал ей. Девочка восторженно хлопнула в ладоши и стала озираться по сторонам. Наконец, ее взгляд за что-то зацепился, и она понеслась вперед, не успела гувернантка дойти до нее.

Когда Мирабель проводила девочку взглядом, она поняла, что та бежала в пекарню. На застекленном прилавке лежали пирожные и сладкие булочки. Их ассортимент уже был невелик, все-таки вечернее время, товар успели раскупить, но что-то еще можно было выбрать. Мирабель бросила взгляд на Ксандера, но тот не желал слушать возражений и направился вслед за сестрой.

В пекарне они скупили все оставшиеся пирожные с миндалевым кремом и эклеры, которые любила Лилиана. С полными руками промасленных пакетов со сладостями, которые разносили по округе приятный запах миндаля, корицы и ванили, они шли по узкой улочке, в сторону от центра. Людей становилось все меньше, а резкий сладкий запах только сильнее.

Разве могли обычные пирожные принести столько счастья? Мирабель не понимала, почему улыбка на ее лице становилась с каждым укусом только шире, смех Ксандера громче, а глупые истории Лилианы смешнее. Лилиана резвилась, носясь из стороны в сторону, чувствуя, что гувернантка сегодня в хорошем настроении и не будет ругать ее. Ее

брат был особенно галантен и учтив, а не обычно напыщенно равнодушен.

И тем вечером они еще долго гуляли по окрестностям Офероса, проводили Мирабель до ее ненастоящего дома, душевно распрощались, и их смех еще долго гулял по улицам, отражаясь эхом от старых домов.

Мирабель вернулась домой поздно, когда все члены семьи, как она думала, уже спали. Она прокралась в свою спальню и прислонилась к двери, прижимая к груди горячие руки. И несмотря на безграничное счастье, ее сердце билось громко и гулко, заставляя кровь бурлить, будто ее душу охватила буря.

Глава 12. Первая жертва мести

После того как Мирабель уехала в оперу, Рианелла лениво потянулась, выпила кофе, дочитала главу истории ведьм, спрятанную под обложкой скучной теории о том, что ведьмы порождения самого Ада и Дьявола.

Она не знала, во сколько домой придет старшая сестра, поэтому сидеть все время дома и ждать ее не планировала. Она быстро собралась, попрощалась со всеми и вскоре мчалась под кружащимся снегом в сторону квартиры Хуаниты. Подруга словно ждала ее: собранная, она красовалась у старого пыльного зеркала и заявила, что собиралась в центр за покупками.

Покупки пришлось отложить, потому что Рианелла горделиво сообщила: Мирабель удалось выяснить о Слоуденах информацию. Дочь чиновника прибыла в Оферос для скорого бракосочетания, и теперь у Рианеллы есть время, чтобы проследить за ней и узнать что-то из распорядка дня. А так как Мирабель была занята, да и Рианелла не очень хотела ее впутывать, в ее напарницы идеально вписывалась Хуанита.

Подруга вздохнула, взъерошила длинные волосы и красной помадой, что держала в руках, накрасила губы. У нее все равно не было выбора, да и в столице она задержалась для того, чтобы помочь семейству де Марис. Все-таки они имели давние тесные связи. Быть может, месть быстро перестанет

разжигать пламя в Рианелле, и она вместе с семьей покорно вернется в Шато.

Естественно, точный адрес усадьбы Слоуденов никто не знал, однако, и глупый бы догадался, что она находится среди таких же напыщенных светских аристократов. Но не таких, как Аврора, которые, наоборот, дома пытаются возвести крепость, а среди тех, кто выставляют свое богатство на всеобщее обозрение и участвуют в негласном состязании в денежном состоянии с соседями.

Рианелла и Хуанита минули центр города и вышли на улицу, в конце которой стоял дом Ноэля. Рианелла знала эту часть города, она уже несколько месяцев разносила здесь почту, поэтому отлично ориентировалась среди коттеджей и усадеб, запрятанных в зеленых садах и пшеничных полях.

– Я не уверена, где нам следует искать и не знаю даже, принадлежит ли их усадьба Центральным землям, – вздохнула Рианелла. – Если мы сейчас проходим мимо дома Слоуденов, как мы узнаем, что это их участок?

– Ты же сама сказала, что его дочь прибыла в Оферос, да еще и на собственную свадьбу. Думаешь, их усадьба никак не будет выделяться среди других? Это старый хлыщ точно вывесил табличку, что его дочь выходит замуж за самого богатого наследника Офероса! – Хуанита закатила глаза.

– С чего ты взяла, что его дочь выходит за самого богатого наследника?

– А ты как думаешь? Будто бы такой человек, который

всеми силами старается выслужиться перед кем-то и получить выгоду, отдаст дочь за того, кого она любит?

– Я думала самым богатым являются Рауросы, у которых работает Мира. На их счету крупные мануфактуры... Хотя, наверное, я в Оферосе слишком мало, чтобы говорить о чьем-то состоянии...

– Алер Бекарди! – вдруг раздалось восклицание где-то совсем рядом. Рианелла подпрыгнула, а Хуанита интуитивно подтянула к себе Рианеллу, заслоняя собой.

Рианелла обернулась. К ним навстречу быстрыми размашистыми шагами приближался Ноэль. Девушки только что шли по той дороге, но не видели его. Значит, он только что вышел из чьей-то усадьбы?

Резкая злость вперемежку с волнением окутали Рианеллу, и она, будто собиралась напасть, выскочила вперед. Парень оказался ближе, чем она думала, но девушка не растерялась и, с силой ткнув его в грудь, зашипела на него.

– Ты меня тогда сдал Церкви? С чего у тебя вдруг какие-то счета со мной?

Ноэль, кажется, опешил. Непонятно от чего больше: от того, что девушка неожиданно обратилась к нему фамильярно, будто они старые друзья, или от того, что она была зла, словно он украл у нее что-то.

– Эм...алер Бекарди? – растерянно повторил он, будто мог обознаться. Хуанита поспешила к ним и вновь попыталась загородить Рианеллу.

– Риа, в чем дело? Ты знаешь этого господина?

– Да! – пылко воскликнула она. – Из-за него я попала под арест!

– Попала под арест?.. – растерянно бормотал Ноэль. Похоже, он совершенно ничего не понимал.

– Я совсем забыла, что общаюсь с церковником, который каждого готов преподнести этому старикашке и отправить на допрос! Я...

– Успокойся, Риа, – осадила ее Хуанита. – Лер, кажется, мы незнакомы с вами, но, если моя подруга права, зачем вы...

– Я не совсем понимаю, о чем ты, Рианелла, – также растерянно заявил он, перейдя на неформальное обращение. – Из-за чего ты оказалась под арестом?

Рианелла нахмурилась и с прищуром глянула на него исподлобья. Кажется, Ноэль искренне ничего не понимал. Неужели церковники сами увидели ее в кустах? И Ноэль даже не обмолвился о ее присутствии?

– В последнюю нашу встречу экипаж твоей невесты пострадал, – заявила Рианелла, нехотя вспоминая тот день. – Церковники схватили меня и заявили, что я подбросила камень, который испортил колесо. Сдалась мне твоя невеста! – обиженно воскликнула она, больше доказывая это себе, нежели парню. Встряхнув волосами, она добавила, быстро нацепляя маску безразличия. – Я, конечно, выбралась, но осадок остался. И перед родными неловко, потому что они

узнали.

– Да, у нее и правда сломалось колесо у самых ворот... – пробормотал Ноэль. – Я даже не знал, что тебя в этом обвинили. Я не стал бы ничего говорить свите, да и с чего мне доносить на тебя? Мне казалось, мы вполне миролюбиво общались.

– Мне тоже, – перебила его Рианелла. – До того мгновения, пока меня не схватили у ворот твоего дома, и ты, как бы дополняя свое поведение, исчез. Я приносила почту множество раз, но не увидела тебя больше ни разу.

– Ты прекрасно понимаешь, почему я больше не мог стоять на улице или ждать тебя, – добавил с нажимом Ноэль, поправляя идеально уложенные волосы. Рианелла только сейчас обратила внимание, что он был не в церковной одежде, а в повседневной, но такой же скрупулезно идеальной.

– Да, – прищелкнула языком Рианелла. – Если ты не причастен к этому... – теперь Рианелла испытывала неловкость. Эмоции улеглись, и она стала вспоминать, что наговорила Ноэлю, да еще и так обращаясь к нему. Ей стоило усмирить свой пыл и эмоции, но они буквально взрывались в ней.

Тут встряла Хуанита. Коснувшись руки подруги, она вновь попыталась затащить ее за свою спину. Поправив шикарные волосы, она соблазнительно улыбнулась и обратилась к молодому человеку.

– Моя подруга вас ни в чем не обвиняет, – ее улыбка стала еще шире, а красные губы притягательнее. – Думаю, вы бу-

дете достаточно милым, чтобы замять это мелкое недоразумение. Надеюсь, ваша...кто там? Сестра? Не пострадали, – взмахнула ладонью Хуанита, привлекая внимание к своим изящным движениям. Но ожидая заинтересованности у Ноэля, она, к ее удивлению, только оттолкнула его. Он нахмурился и даже отшатнулся.

– Хуанита, невеста... – зашипела сквозь зубы Рианелла.

– О, так вы женаты? – Хуанита хлопнула глазами, даже не замывшись на своей ошибке. Она бросила взгляд на подругу, будто разочарование, сквозившее в ее голосе, было направлено на нее.

– А еще господин Ноэль глава Церковного отряда, – вклинилась Рианелла в попытке вернуть уважительное обращение и вообще скрыться с места этого недоразумения.

– Теперь я для вас просто Ноэль, – парень улыбнулся, переводя взгляд на Рианеллу. Его спокойное выражение лица вернулось, когда он стал смотреть на нее. – Тебе такое прощительно, забудем это недоразумение. Нынче такое время, когда все друг в друге сомневаются. Потребуется помощь, ты знаешь, где меня найти, Рианелла, – сказав это, он чуть поклонился, прощаясь с девушками, и направился в сторону своего дома.

– Меня зажарят на костре, – выпалила Рианелла, когда Ноэль отошел на приличное расстояние. – Я была уверена, что именно он сдал меня!

– Да он запал на тебя, – фыркнула Хуанита, не сдерживая

смех.

– Да что ты говоришь, – проворчала Рианелла. – Этот человек женится на девушке, которую видел трижды в жизни, он добропорядочнее самих ангелов из церковных писаний. И вообще, ты должна была сказать, что его не привлекают женщины, раз он никак не отреагировал на твой флирт! – девушка толкнула подругу локтем и усмехнулась.

– Нет, он просто правда запал на тебя.

– Хуанита, прекрати, – Рианелла неопределенно взмахнула рукой, будто ей было неприятно слышать эти слова. – Он практически женат.

– Но не женат ведь? Только представь такого покровителя в стенах церкви, Риа! – выдала Хуанита. – Я же не подбиваю тебя украсть невесту и занять ее место, а всего лишь хочу, чтобы у тебя был «защитник», – она выделила голосом последнее слово.

– В настолько опасные игры я не играю. Он собственно-ручно погубил кучу ведьм, его дед бывший глава Централь-ных земель, а Патриарх лично покровительствует ему. Я буквально окажусь в логове врага, если попытаюсь использовать его как защитника.

– Хочешь что-то спрятать, положи это на самое видное место, – подмигнула Хуанита. – Впрочем, я ни к чему тебя не принуждаю, – она пожала плечами и отыскала глазами крошечную фигуру Ноэля. – Такие слащавые мальчишки тоже не в моем вкусе.

– Я думала, он свалится в обморок, когда ты стала флиртовать с ним! – хохотнула Рианелла, вспомнив лицо Ноэля. – Да он же чище пустого листа...

– Постой, – Хуанита прервала ее смех, схватив подругу за запястье. Та сразу замолчала. – Посмотри туда.

Рианелла поглядела туда, куда так внимательно смотрела слегка побледневшая Хуанита. Это был дом, который они уже прошли мимо. Во дворе сновали служанки. Они украшали свежими цветами крыльцо и подъездную дорожку, крепили цветы даже к калитке и черному забору. Но самое главное, на большой деревянной табличке, которую крепил слуга над дверь, было написано: «Невинная и полная чистотой невеста бережет последние дни свое сердце».

– Похоже, мы нашли ее дом, – пробормотала Рианелла. Глянув на Хуаниту, та кивнула, но в ее глазах блеснуло необъяснимое разочарование. Рианелла поймала себя на мысли, что здесь было что-то не так. Почему они прошли мимо этого дома? Почему слуги только сейчас начали украшать его? – Что будем делать? – беззаботно спросила Рианелла. Хуанита бросила на нее вопросительный взгляд, но быстро скрыла свое удивление и ответила.

– Поймаем служанку, допросим и все.

Рианелла не стала противиться. Рядом с Хуанитой она чувствовала, что может сделать все что угодно, прямо сейчас подчинить себе весь Оферос, и это не вызовет каких-то проблем. Хуанита была для нее не просто подругой, а насто-

ящей старшей сестрой. Строгая Мирабель не всегда одобряла проделки младшей сестренки, но Хуанита буквально росла среди хаоса и пакостей. Она обожала приключения и никогда не бросала в беде Рианеллу.

Они вернулись к пропущенному дому. Чувство неправильности все еще не покидало Рианеллу, однако, она отбросила тревожность и стала оглядываться. Во дворе осталось всего три служанки, и все они размещали во дворе цветы. Увести и использовать проще всего ту, которая украшает забор, потому что она дальше остальных.

Хуанита, изящно двигая бедрами, пробирается практически к самому забору и принимается ждать. Служанка напевает что-то под нос и, доставая из плетеной корзинки цветы, аккуратно вставляет их между прутьями забора. Две другие девушки стоят к ней спиной.

Когда служанка добирается до угла дома, Хуанита ловко срывает несколько цветов, только что закрепленных девушкой. Служанка удивленно оборачивается, но ничего не замечает. Она передергивает хрупкими плечиками и возвращает цветы на место, но Хуанита в этот момент срывает цветы на углу, последние, что повесила девушка.

Служанка резко оборачивается. Ее глаза успевают распахнуться от испуга и едва ли не выпасть из глазных яблок. Посиневшие губы открываются, девушка хочет закричать. Но Хуанита ловко взмахивает рукой, резко сжимает пальцы, и тонкая золотая нитка захлопывает рот служанки, не давая

вырваться и писку. Она хватает ее за шиворот белого одеяния, а Рианелла аккуратно подхватывает корзинку с несколькими выпавшими цветками. Подруги затаскивают девушку за угол дома и прижимают к стене, чтобы ни со стороны дороги, ни с окон их не было видно.

Хуанита сжимает кулак, и облако золотой энергии разрастается на нем. Служанка краснеет, а затем смертельно бледнеет. Дрожащими руками она пытается вырваться, но Хуанита даже не обращает внимание на эти жалкие попытки девушки.

– Не кричи, будь пайнкой, и мы не сделаем тебе больно, – нараспев притворно сладким голосом прошептала Хуанита. Рианелла опустила на колени на траву рядом с подругой и служанкой, убирая с лица дрожащей девушки выбившиеся из прически пряди волос и разгоняя сладкий запах магии вокруг них.

Хуанита прикладывает ладонь ко лбу девушки, и магия моментально пропитывает ее лицо, подсвечивая его легким сиянием. Вся краска окончательно покидает лицо девушки, а синие губы открываются против ее воли. Хуанита даже не дрогнула. Подчинить воли слабохарактерную и хрупкую служанку для нее не вызовет труда.

– Говори тихо и по делу. Твой разум в моих руках. Ты служанка семьи Слоуден?

– Да.

– Твоя госпожа дочь хозяина?

– Да.

– Ты прибыла в Оферос вместе с ней?

– Да.

– Сколько времени до церемонии?

– Около двух недель.

– Во сколько твоя госпожа уходит в свои покои отдыхать?

– Около десяти часов вечера.

– Она отдыхает одна? Далеко ли комнаты служанок?

– Ближайшая комната служанки через две двери. В том крыле дома хозяйские спальни.

Рианелла бросает удивленный взгляд на подругу.

– Кто-то еще из семьи Слоуденов в Оферосе? – тут же спрашивает Хуанита, напрягаясь.

– Алер Слоуден.

– Жена чиновника тоже здесь? – удивленно шепчет Рианелла.

– А чего ты так удивляешься? Прибыла готовить дочь к свадьбе да следить, чтобы не якшалась с кем попало, – отмахивается Хуанита.

– Сили! – вдруг раздается недовольный крик у ворот усадьбы. – Сили, где же ты? Отлыниваешь от работы?

– Похоже, ее отсутствие обнаружили.

– Здесь пахнет магией, – кривится Хуанита.

– Сделай так, чтобы она забыла нас, а я попытаюсь оградить нас барьером. Все же стоило оттащить ее подальше...

Хуанита не успела нащупать необходимые для удаления

воспоминания, а Рианелла успела только подняться на ноги и резануть себя кинжалом, надежно спрятанным в штанины брюк, по руке. За поворотом показалась девушка.

Со всем своим мастерством Рианелла не успела бы начертить заклинание и спрятать их, да и смысла уже не было. Девушка точно их видела. Рианелла стремительно пачкает собственной кровью лицо и закрывает своей фигурой Хуаниту. Рианелла обращает внимание, что эта девушка не развешивала во дворе цветы. Одетая незнакомка прилично, волосы распущены, а в ушах и на шее дорогие украшения. Когда осознание ударяет Рианеллу по голове, холодок бежит по спине. Перед ней сама дочка Слоуденов. Они даже не успели выяснить, как ее зовут!

Дочь чиновника явно собирается кричать. Рианелла успевает только поторопить свою напарницу и, испачкав обе ладони в крови, брызнуть каплями в ее сторону, параллельно нащупывая магию. Золотые нити переплетаются с кровью и превращают ее в пыль, которая залепляет глаза юной госпоже.

У Хуаниты нет времени искать последние воспоминания. Из-за страха у служанки в голове спутаны все мысли, и Хуанита, хватая большую часть, обрывает их. Служанка вздрагивает всем телом, ее глаза распахиваются, но разумности в них нет, а из рта потоком хлыщет кровь. Хуанита вскакивает и, грубо хватая Рианеллу за запястье, прыгает вместе с ней в кусты.

Когда дочка Слоудена начинает истошно визжать, до Хуаниты и Рианеллы доносится лишь отдаленное эхо.

Подруги бегут до самого дома Хуаниты. Они забегают в сырой и пахнувший затхлостью подъезд, вбегают в маленькую квартиру, будто за ними погоня. И только, когда оказываются за закрытыми дверьми, медленно сползают на пол, пытаются отдышаться и не выплюнуть собственные легкие. Они так быстро бежали, что вряд ли даже соседи могли разглядеть их в окнах.

Хуанита поднимается первая и, помогая встать Рианелле, тащит подругу на кухню. В крошечной комнате она садит ее на единственный стул и, намочив полотенце, стирает с лица девушки кровь.

Шершавое полотенце царапает кожу, но Рианелла не шевелится. Перед ее глазами образ худой и юной дочери Слоудена.

– Она видела твое лицо.

– Оно было испачкано кровью. Доказать ей что-то будет очень трудно. Она не знает меня, и я смогу претворяться до тех пор, пока она не найдет вещественных доказательств. Главное, что она не видела тебя.

– Не видела, – соглашается Хуанита, продолжая оттирать кровь с лица подруги. – Это ведь и была дочь Слоудена, да?

Рианелла не озвучивала эту мысль, но догадаться было не так-то сложно. Рианелла кивает. Хуанита отстраняется и протягивает ей бинт.

– Совсем забыла, – виновато добавляет она, намекая на руку. Рианелла не заметила, как все это время сжимала ладонь в кулак, и кровь практически остановилась, и порез превратился в уродливую рану.

– Что теперь будет с той служанкой? – чувствуя ответственность, спросила Рианелла, не спеша наматывать на руку бинт. Если бы она только поставила барьер, если бы сразу предложила Хуаните оттащить служанку, если бы следила за входной дверью...

– Боюсь, я оборвала ей лишние воспоминания, – вздохнула Хуанита. – Думаю, я удалила последние лет пять-шесть.

Рианелла тяжело вздохнула и откинулась к стене, прикрыв глаза. Рану на руке саднило, но не так, как скребли кошки на душе. Служанка ни в чем не была виновата, но потеряла память, а Слоудены, которые по-настоящему были виноваты, остались безнаказанными.

– Не вини себя, – строго сказала Хуанита. – Я поторопилась и... – никаких оправданий эта ситуация не требовала, но ведьма тоже чувствовала вину. – Промой рану.

Рианелла заставила себя встать, обработать рану и забинтовать руку. Заставила поверить, что это случайность, ведь они не хотели вредить служанке. Месть обязательно расставит все по своим местам. Да, служанка пострадала, будучи невиноватой, но ведь сотни ведьм за историю Исливарии страдали от рук Церкви, и ни один церковник не сожалел об этом, а лишь величался героем. Рианелла всегда стремилась

к справедливости, даже если другим она могла причинить боль.

Поздно вечером, когда солнце давно опустилось за горизонт, Рианелла направилась в одиночестве домой. Заходить через центральные двери ей было неловко. Ночной страж во дворе караулил особняк тети. Конечно, он бы пустил племянницу хозяйки без лишних вопросов, но он был обязан по долгу работы доложить ей о прибытии Рианеллы. А Рианелла не была готова объяснять порезанную руку, испачканную одежду и удрученный вид. Ей было стыдно. Она хотела спасти своих родных, но пока получалось только навлекать на них беды.

Она забралась через окно второго этажа в коридоре. Оно всегда было открыто для проветривания, и полупрозрачные шторы колыхались на улице. А еще под ним рос удобный плющ. Шипастый, конечно, но забраться по нему было несложно.

Когда Рианелла проходила мимо комнаты Мирабель, она была уверена, что старшая сестра, как и остальные члены семьи, давно спит.

Рианелла припала ухом к двери Мирабель. Ей хотелось поделиться своими страхами и переживаниями, событиями сегодняшнего дня, но из комнаты доносились лишь легкие шорохи. Не стоит портить Мирабель сегодняшний день. Скорее всего, она прекрасно провела его в опере с Раурос.

Глава 13. Святая вода в руках греховной девушки

Действовать необдуманно теперь было опасно. Рианелла уже попадала под арест Церкви, и, если дочь Слоудена сдаст ее, у Патриарха могут возникнуть вопросы. Навряд ли девушка попадает под арест дважды совершенно случайно.

До церемонии оставалось чуть меньше двух недель. Рианелла решила выждать ровно неделю, а затем действовать. Вдруг дочь Слоудена все-таки смогла опознать ее и сдать Церкви. Всю эту неделю Рианелла вела себя чересчур покладисто. На работе выкладывалась по полной, перечитала кучу книг, прибралась в комнате и постоянно помогала слугам. Мама восхищалась хорошим настроением дочери, но вот тетя предупредила, что Рианелла явно что-то задумала.

Когда Мирабель попыталась выяснить причину столь странного поведения сестры, Рианелла отмахнулась и сказала, что просто хорошо себя чувствует. Рианелла же, попытавшись выбить подробности оперы из Мирабель, тоже толком ничего не получила. Мирабель будто стыдилась этой поездки и заверила, что опера была обычной, не ужасной, но и не особо впечатляющей. Стоило заикнуться о ее спутниках, как Мирабель принималась браниться и фыркать.

Рианелла с Альвиной даже помогали сестре в комнате Мирабель с изготовлением новых порошков, и, когда средняя

сказала старшей сестре, что та там явно с кем-то познакомилась или нашла какого-то ухажера, Мирабель кинула в сестру недавно приготовленным зельем. Баночка разбилась, чуть не вылив содержание на Рианеллу, но девушка вовремя увернулась. Рианелла прекратила свои расспросы, но в ее мыслях только укрепилась догадка, что нечто интересно все-таки случилось в театре.

Мирабель сама не понимала причину своего поведения. Она вела себя в театре достойно, Лилиана до бесконечности благодарила ее, а хозяева даже не узнали об их побеге. Все складывалось наилучшим образом, но то состояние эйфории, в котором Мирабель заявила домой, так напугало ее, что она попыталась избавиться от пугающих чувств и уж тем более не решилась делиться ими с сестрами.

В пятницу Рианелла разносила почту вновь. Это был последний рабочий день до получения жалованья, и девушка стала подумывать об увольнении. Ситуация стала закручиваться так, что она больше не может позволить себе постоянный рабочий график, без какой-либо гибкости. Если все пройдет гладко, ее семья уедет из Офероса, как только Рианелла отомстит Слоудену.

Возвращаясь домой, Рианелла решила пройтись через центр города, утонув в шуме столицы. Для этого требовалось пройти мимо Церкви, и это единственное, что портило настроение.

Прогуливаясь по улицам города, Рианелла рассматривала

дома. Вроде бы каждый день она видела их: припорошенные снегом, омытые дождем или обласканные солнцем. Но каждый раз она находила в них что-то новое, видела что-то интересное и замечала необычные детали. Все люди, что жили здесь, никогда бы не поняли интереса Рианеллы. Но когда ты всю жизнь прожил в провинции, а затем, пусть и вынужденно, но приезжаешь в огромный город, хочется разглядывать каждый его камешек и наслаждаться всеми видами.

Бах! И Рианелла врзается в чью-то спину. Виды, что услада для глаз, путаются перед глазами, и девушка переводит взгляд на того, в кого врзалась. Хрупкие женские плечики вздрагивают, и к ней поворачивается юное оскорбленное лицо. Встряхнув своими темными волосами, девица, чье нежное лицо исказилось гримасой гнева, выпаливает.

– Что вы себе позволяете!

– Изви... – Рианелла обрывается на полуслове. Ее брови взметаются вверх, мгновение, и она осознает, что перед ней... дочь Слоудена! Вот ее только не хватало. Последнего человека, которого бы хотела сейчас увидеть Рианелла, это отпрыска ненавистного ей чиновника.

Девушка тоже замирает, и ее лицо еще сильнее искажается гневом. Всплеск ее рук, как попытка выразить эмоции, заставляет Рианеллу отступить на шаг. Широкие рукава пальто девушки взметаются в воздух и волной опускаются обратно. Рианелла не успевает даже развернуться, как девушка, прищурившись, восклицает.

– Ты!

Несколько прохожих оборачиваются. Рианелла тоже пытается увернуться, но дочка чиновника грубо хватает ее за руку и тянет на себя. Она недовольно кричит.

– Это ты покалечила мою служанку!

Рианелла вырывает руку из цепких пальцев девушки, пытаясь развернуться и уйти, но крикливая девица начинает верещать.

– Она ведьма! Ведьма! Здесь ведьма!

Рианелла замирает, будто ее ошпаривают святой водой. Холодок, пробирающий до костей, блокирует движения, и она не в состоянии пошевелиться. Мысли лихорадочно мечутся из стороны в сторону. Церковь легко вычислит, где Рианелла живет, а семья не упрятана, у тети, самой ведьмы, живут другие колдуньи, а в комнате Рианеллы книг и запрещенных вещей на пару сроков заключения в городской темнице. Ей точно конец.

Сердце замедляется, кожа бледнеет, но Рианелла из последних сил поворачивается к дочери чиновника и с невозмутимым видом заявляет, стараясь скрыть то, как сильно ее трясет.

– Что вы себе позволяете, девушка? Даже если вы из богатой семьи, это не дает вам дозволения обвинять в таком неповинную прохожую.

Кажется, девица не сомневается в своей правоте, и ее рот кривится, будто она видит перед собой настоящего уroda.

Неприязнь к ней растет с новой силой. Она настоящая наследница своего отца!

К девушке буквально подбегает юный паренек в монашеских одеяниях и с большим крестом на шее. Его белые волосы немного растрепались, а нежные черты лица исказились испугом.

– Элер Слоуден, что же вы так кричите... – пробормотал он, оглядывая прохожих. Некоторые обернулись на них, но, похоже, не восприняли всерьез крик капризной госпожи.

– Залан! – воскликнула она, словно подзывала своего слугу. Рианелла скривилась. Эта девица вообще не воспитывалась родителями? Или она считает, что можно обращаться пренебрежительно с теми, кто ниже ее? – Эта та поганка, которая испортила мою служанку! Это она ведьма!

– Элер Слоуден... – вздохнув, пробормотал он и бросил быстрый равнодушный взгляд на Рианеллу. – Поймите, нельзя обвинять каждого встречного исключительно по вашей прихоти. Церковь разберется в этом преступлении, но, поймите, элер Слоуден, вы накинулись на невинную девушку, – пытался переубедить ее Залан. Рианелла чувствовала, как ее руки дрожат все сильнее.

– Так ты не веришь мне! – обиженно воскликнула она и взмахнула подолом платья, выглядывающим из-под пальто. – Я тебе сейчас докажу! Я тебе покажу! Ты у меня еще прощение просить будешь! Патриарх такого не потерпит! – верещала она. У Рианеллы разболелась голова.

Дочь Слоудена неуклюже унеслась в Церковь и так хлопнула дверьми, что несколько парней в форме церковного отряда вздрогнули. Залан тяжело вздохнул, пробежался пятерней по волосам и жалостливо бросил.

– Вы простите ее, девушка. Она вся на нервах, недавно на территории ее усадьбы на служанку напали ведьмы и лишили ее памяти. У элер Слоуден скоро свадьба, и она, мягко говоря, волнуется по поводу этого события... она... – продолжал оправдываться некий Залан, но, кажется, ничего большего он выдумать не мог.

– Все в порядке, – отчеканила Рианелла холодно. – Юным девушкам можно простить излишнюю эмоциональность.

Залан кивнул, готовый согласиться с чем угодно, лишь бы незнакомка не затаила на них обиду. Он хотел извиниться еще раз, но его окликнул кто-то из церковного отряда. Молодые парни столпились у оружия и что-то бурно обсуждали. Залан откланялся и унесся в сторону стражей порядка.

Рианелла только успела выдохнуть и поскорее завернуть за здание Церкви, чтобы унести отсюда ноги, как сзади донесся визгливый голос.

– Стой, поганка!

Рианелла вздрогнула и замерла, будто в это мгновение околдовали ее. Она успела только обернуться и инстинктивно, будто знак природы, закрыть руками лицо. За ней стояла дочь Слоудена. В руках у нее было жестяное ведро, содержимое которого она с особой прытью выплеснула на Рианеллу

в попытке попасть не просто на кожу, а на лицо.

Осознание, что же находилось в ведре, захлестнуло Рианеллу почти сразу, но увернуться она бы уже не успела. Пусть на улице стояла зима, и верхняя одежда и могла спасти ее от весомых повреждений, руки и шея были оголены.

Удар святой водой пришелся в особенности на руки, потому что девушка целилась в лицо. Жгучее ощущение разъедающейся плоти буквально разрывало Рианеллу от боли, но они стиснула зубы, прикусила себе язык, пустив кровь, чтобы сосредоточиться на другой боли, и побежала.

Руки жгло. Несколько капель упало на шею. Если не обработать раны как можно быстрее, она останется изуродованной навсегда, а если медлить, то может заработать какое-нибудь заболевание и повредить магию внутри себя.

Девушка Слоуден завизжала, что было мочи, но ее голос доносился откуда-то издалека. То ли Рианелла так быстро бежала, то ли от боли ее ощущения притупились. Магия заметалась в душе, сбивая дыхание, и Рианелла чувствовала, как ее сейчас стошнит.

Ноги сами привели ее к квартире Хуаниты. Девушка лишь молила, чтобы подруга оказалась дома, иначе ее либо поймает Церковь, либо она умрет от сжигающей боли. Крик девушки Слоуден еще дребезжал в ушах, и Рианелла почти ничего не слышала, поэтому она даже сначала не поняла, что дверь, в которую она с таким неистовством колотилась, открылась.

Она практически упала на пороге Хуаниты. Слезы ручьем

потекли из глаз. Девушка попыталась закричать, но, когда распахнула рот, из нее ручьем потекла кровь попеременно со слюнями, испачкав ее одежду. Силы покинули тело, и она рухнула на колени.

Хуанита что-то причитала, пытаясь дотащить подругу до ванной. Кажется, просила не терять сознание и расспрашивала, что же случилось. До сознания Рианеллы даже не доходили эти слова. Она хотела закричать, но у нее никак не получалось.

Хуанита засунула пострадавшие руки подруги под кипятилок, и новая волна боли пронзила Рианеллу. Из горла донесся болезненный хрип, магия еще сильнее заметалась, вызывая новую волну крови.

Хуанита стянула с подруги окровавленное пальто и, схватив ее за руки, прикрыла глаза, стараясь настроиться на магию. Она буквально пыталась нарастить девушке новую кожу. Но пережив такую невыносимую боль, Рианелла больше не могла терпеть. На этот раз крик вырвался из ее горла и пронзил всю квартиру. Застлантыми от слез глазами, она уловила, как и Хуанита плачет.

Рианелла зажала в зубах полотенце, чтобы крик, вырывающийся из горла, пока подруга наращивала ей новую кожу и избавляла от остатков святой воды, не был таким пронзительным.

Рианелла не знала, сколько прошло времени, но вскоре она оказалась в свежем платье, лежащей на кровати Хуани-

ты. Подруга наматывала бинты на ее ладони, чтобы сохранить заклинание. Кровь с ее лица была стерта, а грязное пальто лежало где-то в углу. Вся квартира пропиталась сладким запахом магии, который и привел Рианеллу в чувства.

– Что... что произошло? – спросила тоже уставшая Хуанита, упорно продолжая заматывать подруге руки.

– На меня вылили святую воду, – ответила Рианелла, попытавшись пошевелить пальцами. Движения все еще приносили дискомфорт, но уже не дикую боль.

– Останутся маленькие шрамы, но их почти не будет видно, – уверила ее Хуанита. – Кто это сделал?

– Дочь Слоудена. Она узнала меня.

Хуанита вздрогнула.

– Кто-то видел, что случилось с твоей кожей?

– Не знаю. Я убежала. Я бы не выдержала этой дикой боли еще и минуту. Но, боюсь, ареста мне не избежать. Она доложит Церкви о том, что случилось. Уверена, она настаит на моей проверке. Они быстро выяснят, где я живу. Мне нужна твоя помощь, Хуанита. Я должна где-то спрятать маму и сестер.

– Я с радостью приму их, но не будет ли это опасно? Я тоже ведьма. Если где-то попадусь я, их тоже обнаружат.

– Нужно поговорить с Авророй, – вздохнула Рианелла. – Как можно быстрее.

– Ты слаба, – воспротивилась Хуанита.

– Не умру, – отмахнулась Рианелла. – Нам нужно вывезти

их из особняка быстрее, чем туда явится Церковь. Так тетя легко соврет, что не знает ни обо мне, ни о других.

– Куда ты пойдешь в таком виде? На тебя только что вылили святую воду! Если бы не пальто...

– Она целилась мне в лицо, – процедила Рианелла. – Считай, мне повезло. Ты со мной? – ласково отстраняясь от подруги, спросила девушка.

– Конечно, – обеспокоенно ответила та, провожая подругу взглядом. – Я дам тебе пальто.

Уже через полчаса подруги стояли у порога особняка Авроры Нардол. Рианелла приказала лакею немедленно собрать всю семью в гостиной, а сама зашла на кухню, чтобы попросить кофе. В ее организм должно было попасть хоть что-то, чтобы не умереть от истощения.

Обеспокоенные слуги вместе с хозяевами собрались в гостиной. Их никто не прогонял, потому что по бледному лицу Хуаниты и раненной Рианелле все понимали: беде не миновать.

– Риа, что с тобой случилось! – испуганно воскликнула Мирабель, подбегая к сестре и хватая ее за плечи, пытаясь проверить раны.

– На меня вылили святую воду, – честно призналась Рианелла. Мама ахнула и пошатнулась, но тетя вовремя поймала ее и аккуратно усадила на диван. – В особняк тети может в любой момент заявиться Церковь. Тетушка не сможет вас спрятать в его стенах. Мама, Мира, Альвина, собирайтесь. У

вас есть минут десять. Мы спрячем вас в городе.

– Где? – тут же спросила Аврора, даже не пытаясь противостоять или отчитывать племянницу.

– Думаю, в квартире Хуаниты. Это опасно, но у нас нет выбора. Сюда придут арестовывать меня. Тетя солжет, что не знает никого из нас.

Мирабель испуганно отшатнулась. Она побледнела и бросила взгляд на маму. Та, кажется, чувствовала себя не очень хорошо. Альвина сидела на диване, подогнув под себя ноги, и не поднимала взгляда.

– Не надо к Хуаните, – отрицательно мотнула головой Аврора. – У меня есть квартира в центре. Я тоже обладаю тайнами и не все свои «тайны» могу привозить сюда, – она обвела пальцем комнату, намекая на особняк. – Быстро собирайтесь.

– Главное, не паникуйте. Вам стоит продолжить жить обычную жизнь: работать и учиться, – наставляла Рианелла. – Тогда к вам не возникнет вопросов. Я... я уберегу вас, – ее голос дрогнул, словно она сильно сомневалась в своем обещании.

Мирабель всплеснула руками, ахнула, и спустя мгновения охватившей тишины ужаса гостиной, особняк погрузился в хаос. Мирабель, Альвина и мама собирали вещи, служанки помогали им, кухарка накладывала в корзину еды. Рианелла и Хуанита поднялись в покои девушки.

Рианелла взяла кожаный чемоданчик и стала собирать ту-

да книги, запрещенные свитки, карты и оружие, закрывая это все вещами. Она не знала, когда ей хватит смелости вернуться в дом тети, не боясь привести за собой хвост врагов.

Девушка наклонилась за спрятанным под кроватью револьвером, который не всегда носила с собой на улицу, и почувствовала головокружение. Мгновение, и она упала на пол, ощущая, как комната вокруг нее вертится. Хуанита тут же подоспела к ней и помогла подняться, посадила на кровать, и сама достала револьвер.

– Я говорила, что ты слишком слаба. Мы шли пешком от центра досюда, теперь нам предстоит обратная дорога, да еще и с сумками.

– Я справлюсь. Тем более я сама в этом виновата. Нужно было давно бежать из Офероса или, как минимум, увозить семью. Но они упорно оставались здесь, – Рианелла вздохнула. – Я виновата. Я навлекаю на них беду. Хуанита, я запуталась... Я ведь, наоборот, хочу как лучше... Не хочу, чтобы они прятались и страдали, но только сильнее заставляю их скрываться.

– Все в порядке, – Хуанита аккуратно сжала раненную ладонь подруги. – Мы рядом. Мы всегда будем помогать друг другу.

– Я так боюсь всех подставить, не оправдать ожиданий, разочаровать... Ты видела Альвину? Думаю, она ко мне больше никогда не подойдет.

– Не волнуйся. Прекрати считать, что из-за тебя одни про-

блемы. Сейчас все на взводе. Всем нужно время осознать то, что, возможно, им придется уезжать из Офероса, в котором вы уже прожили несколько месяцев.

В дверь постучали. Рианелла тут же поднялась и захлопнула чемодан, не позволив себе грустить. Пришедшей оказалась служанка, которая передала, что все готовы отбывать.

Дабы не привлекать внимание, все направились пешком. Рианелла чувствовала головокружение, но никому даже не намекнула на то, что ей плохо. Все шли в полном молчании, обходными путями, витая в своих мыслях и переживаниях.

Квартира тети оказалась в десяти минутах ходьбы от Хуаниты, что хоть немного подняло всем настроение. Квартира оказалась маленькой, однокомнатной и практически без мебели, но здесь было относительно безопасно.

Каждый поставил свои вещи в разные углы, а Рианелла спрятала чемодан под единственную кровать. Все ходили по крошечной квартире, разглядывали ее, привыкая к новому месту.

– Сколько нам придется торчать здесь? – не выдержала Альвина.

– Я улажу все как можно быстрее, я... – голос Рианеллы опять дрогнул, и тетя добавила.

– Я тоже постараюсь все уладить. Не спешите думать, что из Офероса придется уезжать. Один раз Рианелла уже была арестована, и это никак не сказалось...

– Риа была арестована? – воскликнула мама.

– Я не рассказывала об этом, – вздохнула Рианелла, и Аврора сразу замолчала, опуская взгляд, словно извиняясь.

– Мама, почему мы должна страдать из-за выходок Рианеллы? – воскликнула Альвина. Когда слова достигли ушей Рианеллы, она вздрогнула, будто ей дали звонкую пощечину. – Мирабель же может держать себя в руках и достойно вести себя. Она вообще крутится среди аристократов, она...!

– Альвина, – осадил ее мама. – Мы семья, и мы должны держаться вместе. Рианелла всегда была полна чувств справедливости, мы с отцом правильно воспитали ее.

– В нынешних реалиях ее справедливость нас погубит! – взрывалась Альвина. Рианелла ничего не могла сказать в свою защиту. Она винила себя за случившееся, и сейчас сестра только подтверждала ее опасения, что все возненавидят ее.

– Альвина, поимей совесть! – воскликнула Хуанита. – Она из кожи вон лезет, защищая всех вас, а ты...

– Да пусть она уже просто замолчит и прекратит лезть всюду! Она бесит со своей справедливостью, понимаешь? Я люблю ее, но я тоже имею права на счастливую жизнь!

– Замолчи! Риа делает все для вас, даже не задумываясь о себе.

– Она думает только о мести! Я не желаю так жить! Я не ведьма, чтобы меня попрекали этими силами! Я обычный человек, я хочу быть счастлива, любить, работать, выйти замуж, а не прятаться в крошечных квартирках по вине моей

драгоценной старшей сестренки!

– Закрой свой рот, ты еще слишком мала, чтобы понимать, что ты несешь! – закричала Хуанита. Праведный гнев и несправедливое отношение к раненной Рианелле заставляли ее изводиться на яркие эмоции. Рианелла коснулась ее плеча, молча призывая к прекращению конфликта, а тетя, увидев влажные глаза средней племянницы, осадила младшую, попытавшись закрыть ее собой.

– Почему это я должна закрыть рот? – кричала Альвина, отталкивая тетю. – Хочешь сказать, что она права? Кто вылил на нее эту святую воду? По какой причине? Где она прокололась? Ты уверена, что все это время она не вела за собой хвост? Что, если в твоей квартире уже сейчас обыск, и церковный отряд только и дожидается твоего возвращения?

Рианелла вздрогнула. Хуанита затащила подругу за свою спину и уверенно, без тени сомнений, крикнула.

– Даже если из-за нее я окажусь на костре, поглощенная пламенем, я не посмею обвинить ее в этом! Я выросла в Шато, среди ведьм, которые страдали от людей, которые боялись лишний раз выехать в город, которые учили своих детей прятаться и лгать, чтобы спасти собственные жизни. Я выросла в огромной семье Шато. Любой, кто предаст меня отсюда, никогда не станет моим врагом, потому что и я не святая, чтобы требовать от загнанных в угол ведьм благой тихой жизни!

– Во мне ни капли силы! Меня не примут в этом Шато,

так с чего я должна умирать за них?

– Ты из семейства Нардол!

– Да плевать! – крикнула она. – Я из семейства де Марис! Я человек, жизнью которого, как вам вздумалось, вы можете управлять!

– Никто тебя не трогает! Все просто волнуются друг за друга и хотят быть рядом, но ты, боясь за свою человеческую шкурку, забываешь, что переживают твои сестры, мать, тетушка и друзья. Плевать, кем родилась ты, вспомни, кто окружает тебя!

– Хуанита, – осадил ее Рианелла, набравшись немного сил. Ее душа болела, а щеки жгло, будто ее били. Ей было больно и стыдно, она ненавидела себя в это мгновение. Если бы своей смертью можно было все резко исправить, она, не задумываясь бы, пронзила себя кинжалом.

– Альвина, – строго осадил младшую дочь мама. – Если мы колдуем или варим зелья, а ты нет, это не значит, что мы не любим тебя. Я бы точно также отдала бы за тебя жизнь, как за любую из своих дочерей. И мне жаль, что у меня всего одна жизнь, и я не могу пожертвовать ею всем вам.

– Мама, ты не понимаешь! Однажды Рианелла навлечет на нас такую беду, от которой мы уже ничем не спасемся.

– Значит, быть таковой судьбе, – вздохнула мать, и это окончательно разбило Альвину.

Альвина всхлипнула, не сдержавшись, хотела крикнуть что-то еще, но понимала, что это бесполезно. Они были ведь-

мами и не приняли бы сторону Альвины. Но и предавать саму Альвину они не собирались, но вот девушка восприняла это как предательство.

Альвина рванула к двери. Никто не успел среагировать. Она громко хлопнула дверью, и только донеслись торопливые шаги на лестнице.

Глава 14. Демон в женском обличе

– Нужно найти ее, – тут же реагирует Рианелла.

– Останься, мы сходим сами, – сказала Мирабель. Младшая сестра одарила ее убийственным взглядом и настойчиво заявила.

– Я виновата перед Альвиной, значит я должна найти ее. Если ее пойдете искать вы, это только усугубит наши отношения.

– Ты ранена, – напомнила Хуанита. Рианелла бросила взгляд на свои ладони, отмахнулась и фыркнула.

– Разве это ранение?

– Тебя ищет Церковь.

– Я буду аккуратна.

– Почему ты такая упрямая? – закатила глаза Хуанита.

– Хочешь, чтобы еще мы поругались? Хватит на сегодня хлопнувших дверей. Хуанита, пожалуйста, останься здесь сегодня, потому что тетушке придется вернуться домой, и я не хочу, чтобы мама оставалась одна, пока мы с Мирой будем искать Альвину.

– Конечно. Будьте осторожны. Мирабель, проследи за ней. Ее натура иногда бывает...

– Невыносима? – усмехнулась Рианелла.

– Именно.

– Я знаю. Пошли быстрее, Мира, иначе Альвина точно по-

теряется.

Рианелла и Мирабель спустились вниз вместе с тетей. Та предложила свою помощь, но девушки отказались. Сестры вдвоем шли по улицам, заглядывали в каждые переулки, но звать громко Альвину не решались. Она только сбежит, нежели пойдет им навстречу.

– У вас уже не первый раз такие конфликты, – вздохнула Мирабель, оглядывая серую улицу и каждого прохожего. Вдруг мелькнет знакомое лицо сестры?

– Иногда у меня просто не хватает социальных сил, чтобы выстраивать отношения еще и с Альвиной, – вздохнула Рианелла. – Я жалею об этом. Если она моя сестра, мне кажется, она сразу меня поймет, но мы выросли, и у каждой из нас свои ценности. Мы не обязаны подстраиваться друг под друга.

– Я думаю, наоборот, Альвина еще слишком юна. Будучи самой младшенькой, мы многое от нее скрывали, и это сыграло злую шутку. Я не могу сказать, что Альвина сильно избалована, я просто считаю, что у нее мало опыта и знаний бросаться теми обвинениями, которыми окинула она тебя.

– Я не сержусь на нее. Я знаю свой упертый характер, и пусть я действую из самых благих побуждений, не факт, что этого понимает Альвина.

– Думаю, будет лучше, если мы, как можно скорее, выдадим ее замуж, – неожиданно заявила Мирабель. Рианелла вскинула брови.

– Почему ты так говоришь?

– Ей правда будет лучше с женщиной, в своей семье. Она будет спокойно прижата к одному месту, вроде бы не предавая нас, но и не бегая за другими ведьмами.

– Тогда так будет лучше и для тебя, – добавила Рианелла, взглядываясь в темноту переулков. Альвина будто исчезла. Никаких следов сестры. Мирабель вспыхнула и отмахнулась, намекая, что не желает об этом говорить. – Да ладно, мы уже пережитое поколение того, что женщина без мужчины никто, и я не говорю, будто тебе нужно выйти замуж ради покровительства или статуса, а лишь потому, что, мне кажется, в твоём сердце есть кто-то.

– Да. Ты, мама, Альвина и тетушка. Может быть, ещё Хуанита, мы близко общались с её семьёй, – строго ответила Мирабель. – Все, не хочу об этом говорить. Ты у нас уже выскочила замуж.

– Я? Выскочила? – наигранно обиженным тоном воскликнула Рианелла. – У меня с Алессио искренняя любовь. То, что он сидит в тюрьме, никак не повлияет на наш брак...

– Рианелла, – прервала поток её слов Мирабель, заворачивая на новую улицу. Людей стало больше, и теперь сестры едва шли, чтобы успевать разглядеть всех прохожих. Строгий голос Мирабель чеканил каждое слово по делу. – Ты не сидишь дома. Ты постоянно где-то на улице, работе, в делах, не всегда легальных и безопасных. Вокруг тебя куча мужчин. Твое влюбчивое сердце нуждается в чувствах. И дело

не в твоей верности, просто ты такая натура, которой нужно здесь и сейчас, которая живет сегодняшним днем. Если бы не ведьминские дела и твое разгоряченное чувство справедливости, ты бы уже давно заинтересовалась кем-то другим.

– Ты говоришь так, будто я какая-то драная кошка, готовая изменять мужу, только он уйдет за порог.

– Алессио и правда твой муж, – Мирабель задумчиво кивнула. – Но я сомневаюсь, что он твоя судьба на всю жизнь. Ладно, – она вздохнула. – Не будем об этом говорить. Нам нужно отыскать Альвину. И куда эта девчонка могла убежать?

Мирабель сама закончила этот диалог, резко съехав на другую тему, и стала вертеть головой по сторонам в надежде отыскать какую-то зацепку.

Сестры проверили ближайшие улицы, сходили к учебному заведению Альвины, проверили лавки в центре и даже заглянули в дом, где живет Хуанита. Нигде Альвины не оказалось.

Сумерки сгущались, приближался вечер, и сестры волновались все сильнее. Конечно, принципиальная Альвина все равно придет рано или поздно домой, потому что в огромном Офересе у нее никого больше нет, но вдруг с ней что-то случится? Одна молоденькая девушка, в потемках, в неизвестном месте... С Альвиной могло приключиться что угодно, и от этого у сестер мурашки бежали по коже.

– Альвина точно захотела спрятаться. Она не глупа и по-

нимают, что просто сидеть на улице может быть поистине опасно. Если бы она хотела спрятаться от ведьм, куда бы могла она пойти... – бормотала Рианелла, и в ее голосе все отчетливее сквозил страх.

Внезапно обе девушки остановились. Озарение и надежда вспыхнули с новой силой, и они синхронно воскликнули.

– Церковь!

Конечно, если Альвина бежала от ведьм, идеальное место спрятаться от них – Церковь. Туда просто так не сунется ни одна ведьма, а уж сестры и подавно не сразу догадаются ее там искать. Взявшись за руки, Мирабель и Рианелла практически побежали к зданию Церкви. Впервые Церковь стала для них спасительной соломинкой и надеждой на успех.

Как раз с минуты на минуту должна была начаться вечерняя молитва. Центральные двери Церкви были распахнуты. Народ толпился в дверях, в зале и коридорчике, потому что места на лавочках хватило единицам. Молитва еще не началась, стоял шум и гам, люди разговаривали, смеялись и делились секретами друг с другом. Ребятишек выталкивали вперед, чтобы их не задавили в процессе ежедневной церемонии, и они могли увидеть монахов и церковников своими глазами.

Рианелла крепко схватила сестру за руку и протасила, аккуратно раздвигая людей, в Церковь. Они все еще стояли у самого входа, и плотное кольцо посетителей обхватывало их. Людей было так много, что осмотреться и поискать Альвину

было физически невозможно.

– Нужно подождать конца молитвы и в дверях следить за каждым выходящим, – прошептала Рианелла, наклонившись к сестре. – А пока... – она вздохнула и вымолвила. – Нам придется послушать вечернюю молитву.

Глаза Мирабель округлились. Она согласна кивнула, а ее удивление было адресовано готовности сестры слушать монотонные голоса и обращения к ангелам.

Девушки разместились у стены так, чтобы их не задавили люди. Все еще ходили и шумно переговаривались друг с другом, поэтому сестры сами не заметили, как, двигаясь по стенке мимо лавочек, они оказались практически у самого алтаря. Рианелла понимала, что, находясь в такой близости от места чтения молитвы, нужно вести себя спокойно и скромно. Мысленно она говорила себе, что эти мучения ради Альвины, и очень надеялась, что они отыщут здесь сестру.

Зазвонил колокол, оповещающий о начале молитвы, и люди мигом застыли. Разговоры оборвались на полуслове, а лица десятков людей устремились к алтарю. Деревянное возвышение еще было пустым, но на алтаре уже лежало писание.

Рианелла болтала головой из стороны в сторону. Она никогда в жизни не была на молитвах и не совсем знала, как они происходят. Ее окружали люди, взгляды которых были полны восхищения и духовного возбуждения. Мирабель немного побледнела. Ее руки, сцепленные пальцами, дрожали. Ей тоже было некомфортно находиться в Церкви.

Наконец, со второго этажа в сопровождении трех монахов, трех монахинь и трех мужчин из Церковного отряда спустился Патриарх. Они поднялись к алтарю. Патриарх встал рядом с пожилым монахом, который должен был читать писание. Патриарх держал в руке крест. Монахиня по другую руку от него сжимала икону с ангелом. Остальные встали позади первых трех. Народ продолжал молчать и не молвил ни слова, будто дыхание у них перехватило. Все взгляды были устремлены исключительно к алтарю. Люди приготовились молиться.

Рианелла мельком оглядела монахов, монахинь и церковников. Она уже хотела облегчено выдохнуть, что никого из них не знает, но тут взгляд дошел до последнего парня, который стоял к Рианелле ближе всего. Она побледнела. Про Леквелла она совершенно забыла.

Рианелла дернула за рукав Мирабель и попросила ее немного наклониться, чтобы скрыть их лица. Все еще сжимая запястье сестры, она зашептала, едва разлепляя губы.

– Крайний в заднем ряду с нашей стороны Ноэль. Внук свергнутого правителя Центральных земель.

– В Центральных землях кого-то успели свергнуть? – также прошептала Мирабель, но исподлобья поглядела на алтарь, чтобы разглядеть этого Ноэля.

– Двадцать лет назад. Я знакома с этим Ноэлем.

– Да? – удивилась Мирабель, взволнованно устремляя взгляд на сестру. Никто из людей не обратил на их ше-

пот внимание. Возможно, молодые девицы часто обсуждали статного и завидного жениха Леквелла.

Молитва началась. Пожилой монах начал читать священные писания.

– Вот от него лучше прятаться, – также шепотом добавила Мирабель.

– Это уж точно, – кивнула Рианелла. Девушка рядом с сестрами шикнула на них, злясь на то, что ей мешают слушать молитву. Или любоваться Ноэлем Леквеллом. Уж больно близко она подлезла к помосту и едва ли не пускала слюни на молодого церковника.

Ноэль, стоя на возвышении, ничего не говорил. Его взгляд смотрел прямо, стан был ровным, гордо вздернутый подбородок едва ли не цеплялся за потолок. Рианелла усмехнулась с этого парада лицемерия и благонравных людишек, которые готовы были убивать тех, кто не похож на них.

Ноэль будто услышал смешок Рианеллы. Он опустил взгляд и неловко отыскал практически в первом ряду знакомую девушку. Его брови медленно поднимались вверх, а глаза округлялись. Он ни разу в жизни не видел, чтобы Рианелла Бекарди ходила в Церковь. Не могло быть случайностью, что они никогда не сталкивались здесь. Она просто не ходила на молитвы, и Ноэлю было страшно представить, что он общался с неверующей девушкой, поэтому он старался вообще не думать об этом. Но вот она здесь, почти в первом ряду. И как о ней не думать?

К тому же, они практически не общались. Быть может, для Ноэля такое долгое общение с девушкой говорило о чем-то, но для Рианеллы, воспитанной в других условиях, их несколько встреч ничего не значили. Да и он помнил, что она не одобряла Церковь, а в первую встречу и вовсе устроила спектакль. Удивительно, что после этого они сохранили хоть нить возможности общения. Стоило ее все же оборвать, чтобы девушка пагубно на него не повлияла.

Однако в этот вечер перед ним и правда стояла Рианелла. Он совершенно был сбит толку, а голову занимали другие тяжелые мысли.

– Он меня заметил, – зашептала Рианелла, наклонившись к сестре. – И, судя по его гримасе, узнал. Надо валить отсюда.

– Почему ты его боишься?

– Не знаю. Вне Церкви общаться с ним спокойно, но не в этом здании. Все же он Глава Церковного отряда.

– Если мы выйдем отсюда живыми, это точно будет чудо, – вздохнула Мирабель. – Постарайся не привлекать внимание.

– Да ладно, что может пойти не так! – отмахнулась Рианелла. Мирабель одарила ее строгим взглядом. У Рианеллы все могло пойти не так.

Молитва подошла к концу, однако, люди не торопились уйти. Многие хотели пообщаться с монахами, попросить совета или благословения. Патриарх ушел, оставив эту работу другим, и к монахам и монахиням выстроилась длинная очередь.

Рианелла надеялась, что парни из отряда уйдут, ведь делать им тут было нечего, совета у церковников точно бы не стал никто просить, но парни не торопились. Оглядели толпу, переговаривались между собой. Ноэль все также стоял у алтаря и иногда бросал взгляды на Рианеллу, словно хотел с ней переброситься словечком. Рианелла начинала нервничать. Альвина могла уйти, а толпа из плотного кольца никак их не выпускала. Вход был, а выхода нет.

Тут до ушей девушек донесся шепот двух юных девчонок. По голосу они были даже младше Альвины и глупо хихикали после каждого слова.

– А я тебе говорила, лер Леквелл настоящий красавчик!

– Да тише ты! – зашептала другая, но тоже глупо хихикнула. – Он молодой Глава Церковного отряда, как он может быть не привлекательным... – шептались они. Взрослая супружеская пара рядом с ними переглянулись. Женщина закатила глаза, а мужчина усмехнулся.

Рианелла вмиг отыскала покрасневших сплетниц. Они стыдливо смотрели вниз, боясь поднять глаза. Да ладно, они всего лишь обсуждали его привлекательность! Разве было в этом что-то постыдное или запретное? Однако молодые девушки очень стеснялись своего поведения, но сами старались украдкой бросить взгляд на Ноэля. Взрослые, которые слышали их перешептывания, осуждающе глядели на девчонок, отчего те краснели еще пуще прежнего.

Рианелла бросила на парня взгляд: тот тоже смотрел на

юных сплетниц, которые обсуждали его достоинства. Щеки его покраснелись, и он пытался сдержать хладнокровное выражение, но глаза и румянец выдавали его.

Почувствовав, что на него смотрят, Ноэль перевел стыдливый взгляд на Рианеллу. Девушка ухмыльнулась, поймав его взгляд, и подмигнула. Щеки Ноэля стали еще ярче. Неужели девушки никогда не заигрывали с ним? Он был довольно слащав, но со стороны эстетики неплох. Или девичьи в Оферосе относились к нему как к тотему и молились на него? Рианелла прыснула от смеха с собственной идеи. В голову полезли неприличные мысли. Ноэль же подумал, что девушка смеется с его нелепого поведения маленького мальчишки, поэтому нахмурился. С ярко пылающими щеками и нахмуренными бровями он казался еще смешнее.

Рианелла опять дернула за рукав сестру, которая наблюдала за толпой, и на этот раз сказала тихо, но так, чтобы услышали близстоящие посетители Церкви.

– Девчонки обсуждали Ноэля. Он весь бедный покраснелся.

– Не дразни его, Риа, – качнула головой Мирабель. – Их порядки другие, ему не дозволено флиртовать с девушками. Он скромный парень и...

С каждым словом Мирабель ухмылка Рианеллы становилась только шире. Теперь взгляд Ноэля метался между сплетницами, пытаясь пристыдить их, и Рианеллой, где безнадежно пытался не быть пристыженным он.

Рианелла не боялась Ноэля, но в стенах Церкви инстинкт самосохранения говорил держаться от него подальше, однако, разум почему-то всегда отключался, когда в какую-то историю ее жизни вляпывался Ноэль. Даже если он играл секундную роль, он все равно влиял на исход события.

Рианелла знала, что общение с Ноэлем, пусть он и предлагал свою помощь, прервется. Такому парню и правда нельзя лишней раз общаться с девушками, тем более после свадьбы. Их история началась с глупого спектакля, где Рианелла привлекла к себе внимание и поставила Ноэля в неловкое положение. Кстати, в тот день рядом с ней тоже была Мирабель. Значит, таким же внимание должна и закончится их история.

– А лер Леквелл красавчик, – громче нужного заявила Рианелла, толкнув сестру локтем. Она делала это все наигранно и показательно. Про юных сплетниц тут же забыли. Появился экземпляр поинтереснее, и близстоящие посетители обернулись к ним. Ноэль внимательно следил за Рианеллой, но он точно не был готов к ее выходке.

– О нет... – донесся шепот Мирабель, когда она сразу раскусила идею Рианеллы.

– Скажи же, красавчик, а? – она опять бесцеремонно толкнула сестру локтем, пародируя невоспитанную простолоудинку. – Посмотри, какие у него руки, – Рианелла ухмыляется, медленно скользнув взглядом по его плечам и рукам. Ее голос негромкий, но окружающие и Ноэль прекрасно слы-

шат ее. Его уши краснеют, а лицо становится пунцовым. – Представлю, как он схватил бы ими мою...

– Книгу Священного писания! – вдруг так заорет Мирабель, что почти вся Церковь оборачивается на нее. – Как он схватил бы священные писания!

Мирабель хватает сестру за плечи и буквально выталкивает из Церкви. Люди сами расступаются перед ними, удивленно разглядывая нахалок. Рианелла кашлем пытается скрыть дикий смех, который разрывает ее грудную клетку. Она чувствует, как Ноэль провожает ее взглядом. Перед ее глазами все еще мелькает картинка его пунцового лица и мило покрасневших ушей.

– Нас убьют, нас убьют, нас убьют... – бормочет Мирабель. В ее голове эхом раздаются слова сестры с явным пошлым подтекстом. Сейчас Рианелла точно начнет отпираться, что имела в виду серп и то, как он бы начал невинно и трудолюбиво косить пшеницу, но Мирабель не хотела слушать никаких оправданий. – Ты что вытворяешь? Сама же сказала, что от него лучше держаться подальше!

– Да. Но он такой невинный, я не сдержалась, – она опять кашлянула, пытаясь скрыть усмешку, но на сестру этот обман не действовал. – Прости! Он ничего не сделает. Пусть люди хоть пообсуждают, что бы он там у женщин хватал. Он и женщин-то никогда не видел.

– Да, потому что ему попадались демоны в женском обличье!

– Ты намекаешь на меня? – наигранно обиделась Рианелла. – Ладно, прости, Мира, мы с ним больше не заговорим, обещаю! – попыталась она усмирить гнев сестры, но ни капли не жалела о своей выходке. – Он со мной уж теперь точно, – она хихикнула. – Все, еще раз прости! – вскинула Рианелла руки, словно сдавалась. – Я больше не привлекаю внимание. Дай мне порошок молчания, и я закрою свой рот на ближайшие пару дней.

– Обязательно, – хмуро заявила Мирабель. Ей хотелось еще раз отчитать Рианеллу, которая шла на поводу у своих чувств, желаний и сиюминутных проказ, ради которых она, по мнению старшей сестры, жила.

– Что вы там устроили?! – вдруг раздался женский крик у входа в Церковь. Девушки испуганно обернулись и обмерли, словно провинившиеся. Однако они тут же узнали младшую сестру. С заплаканными глазами на них гневно смотрела Альвина.

– Альвина! – синхронно воскликнули сестры и бросились ее обнимать.

– Нет, вы не меняйте тему... – бормотала она, но отталкивать девушек не стала. Сестры больше не стали оправдываться или что-то говорить, дружно обнялись, и Рианелла уже хотела предложить идти домой, как со стороны входа, из которого валил поток людей, ее вновь окликнули.

– Рианелла?

Рианелла отстранилась и увидела Ноэля. Краска сошла с

его лица, и теперь он казался чересчур бледным. Выйдя вперед, чтобы загородить собой сестер, Рианелла с холодным выражением лица равнодушно спросила.

– Да, Ноэль? – хотя голосок в голове молил поинтересоваться, как парню ее комплимент.

– Что с тобой? – спросил он. Первая мысль – девушка подумала, что он говорит о ее странном поведении. Но Ноэль достаточно привык к ее экстравагантности. Его взгляд был прикован к рукам. Он обратил внимание на ее ранение.

– Неважно, – она отмахнулась и натянула улыбку. – Все в порядке.

– Что за девушки с тобой? Познакомишь нас? – явно не собирался прекращать беседу парень.

– Нет, – твердо заявила Рианелла. – Мои подруги. Слушай, не подумай, что я преследую тебя, просто сегодня мне жизненно необходимо было услышать молитву, – соврала она.

– С тобой что-то не так, – хмурится он.

– Ты не привык к моему странному поведению? – усмехнулась Рианелла.

– Не привык, – согласно кивнул он. – Но дело не в этом.

Сзади раздался многозначительный кашель Мирабель. Рианелла ойкнула и, всплеснув руками, воскликнула.

– Я вообще-то дала обещание не говорить с тобой! Но мой рот просто не может закрыться. Хорошего вечера, Ноэль! – крикнула Рианелла, будучи оттащенной сестрами, что-

бы уходить. – Знай, все, что я сказала, правда! – бросила она через плечо, хохотнула и вновь ему подмигнула. Даже в темноте вечера было видно, как покраснели его уши, и Рианелла не сдержала улыбки.

Мирабель вновь принялась бранить ее. Но почему-то в душе Рианеллы было легко. Она скинула это на то, что наконец-то отыскала целую и невредимую сестру, и даже наставления строгой Мирабель не опечалили ее. Вдруг темный зимний вечер показался ярче обычного.

– Извини, Альвина, – пока Мирабель отчитывала сестру, извинилась Рианелла. – Знай, я всегда буду рядом с вами и сделаю все ради вас. Не молчи, если тебе что-то не нравится. Я готова выслушать тебя.

– Ты извини меня. Я просто переволновалась. Не стоило убегать. Теперь Мирабель целую вечность будет тебя ругать, – она толкнула сестру в бок, и они обе рассмеялись. Недовольная Мирабель скривилась и махнула в сторону младших сестер рукой. Похоже, наставлять их уже было по-настоящему бесполезно.

Глава 15. Две противоположности

До вечерней молитвы остается всего несколько минут, но Ноэль не спешит спускаться вниз. В соседнем кабинете Патриарх уже обсуждает ежедневную церемонию с монахами. Звукоизоляция в тонких каменных стенах Церкви плоха, и голос Патриарха эхом отскакивает от стен, слово в слово доносясь до Ноэля.

Он сидит в маленькой комнатке, названной штабом Церковного отряда. Окна завешаны плотными шторами, и вечерняя мгла не поступает в штаб. Горят свечи. Аленькие огоньки бросают причудливые образы на стены и тени на собеседника Ноэля.

Ноэль разговаривает с графом Западных земель. Элиас Линдир его ровесник, в одиночку управляет Западными территориями, и давний друг Ноэля. Их встречи в последнее время стали реже, и Элиас широко улыбается, глядя на друга. Его бледная кожа в полумраке комнаты кажется темной, а медные волосы отбрасывают рыжие оттенки. Золотистые глаза будто сами излучают свет. Длинными пальцами он сжимает какую-то книгу про юриста. Элиас расслаблен, хотя не любит встречаться в Церкви.

– Ты слишком рассеян в последнее время, – бархатный голос товарища вырывает Ноэля из собственных мыслей. – Неужели это из-за приближающейся свадьбы?

– Нет, дело в другом, – также рассеянно отвечает Ноэль. Элиас усмехается и, касаясь легкой щетины на подбородке, деловито спрашивает.

– Тогда, в чем?

Ноэль сомневался, стоит ли озвучивать мысли, которые уже долго терзают его, но все же решается. Он доверял Элиасу. Тот всегда был рядом, мог наставлять друга и порицать его выбор, но все равно оставался на его стороне.

– Вигго засиделся на троне Центральных земель, – холодно заявил Ноэль. Брови Элиаса взметнулись вверх, и он от удивления едва ли не выронил книгу. Он ожидал услышать что угодно, поверил бы больше, что у праведного друга появилась любовница, нежели тот заговорит о трепетной теме, которую они всегда обходили стороной.

– Я недавно столкнулся с его младшим братом на светском вечере. Избалованный придурок, – фыркнул Элиас, возвращая улыбку и маску спокойствия.

– До его брата мне нет никакого дела, я знаю его лишь на словах. Меня волнует Вигго. Он жил в роскоши двадцать лет. Пусть он и управлял Землями, пусть не так уж и плохо, хотя я и не хочу этого признавать, но он узурпировал власть, не являясь наследником. Должен был править мой дед, затем отец, затем я.

– Seriously, ты хочешь отомстить? Не верю своим ушам, лер Леквелл! – воскликнул он. – Неужели спустя столько лет вы решились на это?

– Я не знаю, как к нему подлезть, нужно действовать аккуратно.

– Но это нарушает кодекс чести Церкви, – продолжал подтрунивать Элиас. – Когда-то я читывал его, там написано, что стоит простить врага своего...

– Убийство им моих родителей нарушило мой кодекс чести, – отчеканил Ноэль, не уловив сарказм друга. – Я был ребенком, но я вырос и возрастил достаточно сил, чтобы свергнуть его.

– Я буду на твоей стороне, какими бы консерваторскими ни были твои методы, – усмехнулся Элиас. – Но хорошо, что ты понимаешь: действовать необходимо осторожно. Еще нужен тот, кто готов будет помочь, и не предаст в ответственный момент.

– С этим проблемы, – фыркнул Ноэль. – Я не могу просто подняться к алтарю и просить монахов совершить кровавый переворот.

– Насчет этого не волнуйся, – Элиас широко улыбнулся. – Я постараюсь подыскать того, кто тебе поможет.

– Уже боюсь представить, кого ты отыщешь, – поднимаясь с кресла, сказал Ноэль.

– Главное, действенно, – парировал Элиас, тоже вставая. – Я не останусь на вечернюю молитву, так что прощаемся до следующей встречи, – подал ему руку друг.

– Почему? Остался бы, послушал, – несмотря на сказанное, Ноэль пожал протянутую руку. Он понимал, что пере-

убеждать упертого Элиаса было бесполезно. Тот не любил оставаться на молитвы, хотя никогда и не признавался, что неверующий. Ноэль же иногда ловил себя на мысли: он не прекратит дружбу с графом, даже когда узнает правду о его вере.

Элиас ушел. Прозвенели колокола. Патриарх в сопровождении монахов, монахинь и Церковного отряда спустился вниз, где их уже привычно ожидала огромная толпа жителей Офероса.

Ноэль привык к этой толпе воодушевленных горожан, поэтому спокойно поднялся вслед за Патриархом и монахами, встал крайним во второй ряд и принялся слушать молитвы, лично обращаясь в мыслях к ангелам и прося их поставить его на верный путь и не судить зов сердца.

Совершит ли он ошибку, если попытается устроить мятеж против Вигго? Вигго правит Центральными землями уже двадцать лет. Недовольные люди будут всегда, но хватит ли их недовольства согласиться со свержением графа и новой властью? Как отреагирует на эту новость Восток?

Если Ноэль остановится на решение мстить, ему придется отказаться от роли Главы Церковного отряда. Он не сможет управлять штабом и ловить ведьм и одновременно с этим заправлять всеми Центральными землями Офероса. Примет ли его поступок Патриарх? Самое главное, сможет ли сам Ноэль свыкнуться с той мыслью, что убил человека? Ведь он в строгости был воспитан дедом, который никогда в жизни

не заикался о том, как Вигго занял власть, встал на праведный путь благодаря Патриарху, который открыто выражает желание передать ему власть.

Если Ноэль откажется от поста Патриарха и Главы Церковного отряда, какую-то из этих ролей займет родной сын Патриарха, Залан. Тогда справедливость восторжествует: Ноэль будет графом, как и суждено ему было при рождении, а Залан – Главой Церкви. Вот только из-за переворота в Центральных землях не слишком ли переменится жизнь Ноэля? Что, если кто-то из родных людей откажется от него? Что, если ангелы не простят ему такого поступка? Что, если все пойдет совершенно не так, как планировалось? Стоит ли мечь этого?

Внезапно по коже бегут мурашки, которые заставляют вырваться из мрачных мыслей. Ноэль чувствует на себе чужой взгляд. В переднем ряду несложно отыскать двух перешептывающихся девушек, одна из которых украдкой поглядывает на него.

Это Рианелла. Ноэль так изумлен ее появлению в Церкви, что едва ли не падает, с трудом сдерживая эмоции. Девушка ловит его взгляд и замечает замешательство. Ноэль также пристально смотрит в ее фиолетовые глаза. Они такие необычные и привлекающие взор, что парень невольно засматривается. Ему кажется, что он знает эти глаза наизусть, но одновременно с этим в них плещется столько неразгаданных тайн, которые еще больше привлекают, нежели отталки-

вают.

Ноэль понимает, что совершенно не знает эту девушку. Пусть они и общались, но он уверен: эта девица не та, за кого себя выдает. Может быть, она гангстер? Подпольные нелегальные дела точно подойдет такой девушке, как Рианелла. Она бойкая, свободная и с кучей загадок. Да и мужа ее Ноэль подозрительно никогда не видел. От таких девушек Патриарх всегда советовал держаться подальше. Он называл их двуличными невоспитанными женщинами с ведьмами в голове. Такие очаруют не хуже настоящей ведьмы, а последствия оставят еще хлеще.

Но при этом Рианелла не отталкивала его. Они виделись редко, особенно в последнее время, их общение подходило к концу, так и не начавшись по-настоящему, но почему-то Ноэль чувствовал себя спокойно рядом с ней. Правда, до тех пор, пока Рианелла опять не выкинет нечто необычное. За такое отношение практически к незнакомке Ноэль гневался на самого себя. У него есть невеста. Они практически семья.

Он был уверен, что девушка ведет гангстерский образ жизни, потому не появляется в Церкви. У него не было доказательств, чтобы сдать ее Церкви, но ему казалось, даже будь они, он бы не сдал ее и закрыл глаза на происходящее. Нет, творилось поистине нечто странное: Ноэль стал терпимее относиться к неверующим, покрыв бы гангстера и думал о кровожадной мести.

После молитвы люди привычно остались в Церкви. Потя-

нулась очередь к монахам. Люди трепетали от желания получить совет или избавиться хоть от толики испытываемого отчаяния. Ноэль терпеливо ждал у алтаря, показывая власть и охрану данного места.

Из толпы донесся пискливый шепот юной девушки. На вид ей было не больше шестнадцати, и она шептала своей подруге восторженные комплименты в сторону Ноэля. Ноэль мгновенно покраснел, не имея возможности контролировать смущение.

Патриарх говорил ему, что Ноэль востребован среди женщин, и ему стоит побыстрее жениться, чтобы не подвергнуться искушению. Ноэль всегда был терпелив по отношению к женщинам. Он понимал красоту женского тела лишь образно, но мечтал о широкой душе. Он уверял себя, что его невеста именно такого характера. Пусть им не удалось достаточно пообщаться, она должна быть доброй и терпеливой девушкой. Этот брак, по его мнению, должен был принести не только расчет и выгоду, но и счастье для мужчины.

Однако слышать комплименты от совсем молоденьких умов было неловко. Поправить девушку в данной ситуации он не видел возможным, прервать ее или грубо оборвать и подавно. Начать уверять в обратном тоже выставило бы Ноэля в плохом свете, поэтому он просто молча краснел.

И он бы справился с этим вниманием, если бы его взгляд не наткнулся на Рианеллу. Она с вызовом глядела на него и было заметно, как ее забавляют восторженные вздохи дев-

чонок. Ноэль покраснел еще сильнее. Почему-то ему не хотелось, чтобы эта девушка слышала эти вздохи восхваления.

В ее глазах зажегся странный блеск. Ноэль перестал слушать разговор юных девочек и только смотрел на Рианеллу, будто замороженный. Ее фиолетовые глаза блестели в свете свечей, она была единственной обладательницей в холле Церкви такими необычными глазами. Ноэль был уверен: он бы узнал девушку из миллионов других благодаря глазам.

Она была хитрой лисой, опасной змеей, чересчур свободной женщиной, владелицей множеством тайн, а он был доверчивым зайцем, пугливой мышью, слишком заботливым о репутации и благонравии, открытой книгой. Ее волосы были струящимся шоколадом, глаза напоминали туман, а в сердце превыше всего стояла свобода. Его волосы словно пшеничный перламутр, глаза будто отражают прозрачное дно океана, а в сердце долг чести. Они полные противоположности, но именно поэтому они никак не могли вычеркнуть друг друга из жизни.

Ноэль думал, что ситуации хуже быть не может. Куда уж, он смотрит на Рианеллу, весь красный, и они оба слышат неловкие речи молодых девушек о нем. Но Рианелла, кажется, нашла это забавным. И блеск в ее глазах говорил о том, что она собирается устроить шалость. Ее бархатный голосок донесся не только до Ноэля и тех сплетниц, но и до всех ближайших посетителей Церкви.

– А лер Леквелл красавчик, – сказала Рианелла. Ноэль

вздрогнул. Он ожидал чего угодно, но не думал, что эта девушка опозорит его еще больше. Рядом стоящая девушка, вцепившись ей в руку, замотала головой. – Скажи же, красавчик, а? – продолжала она. – Посмотри, какие у него руки, – взгляд Рианеллы грубо скользнул по телу парня. – Представлю, как он схватил бы ими мою...

– Книгу Священного писания! – так неожиданно закричала девушка рядом, будто на нее напали. Казалось, вся Церковь вздрогнула от этого пронзительного крика. – Как он схватил бы священные писания!

После этого девушка хватает Рианеллу и уносится с ней прочь из Церкви так, будто за ними гонятся. Удивленные взгляды провожают незнакомок. Ноэль чувствует, как смущение и негодование распирают его изнутри. Что только что произошло?

Ноэль, спрыгнув с деревянного возвышения, расталкивая толпу, торопится на выход. Плотное кольцо людей окутывает его, и он быстро теряет из виду скрывшихся девушек, но продолжает прорываться на улицу.

В одном камзоле холодно, и свежесть остужает пыл. Негодование все еще плещется в груди. Почему эта девушка позволила себе такое поведение? Отвлекла внимание от сплетниц? Решила поиграться с Ноэлем? Почему она постоянно творит нечто несурзное? Почему просто не может закрыть свой рот и вести себя тихо, как остальные десятки горожан, посещавшие Церковь?

Ноэль спешно оглядывается. У Церкви вместо двух девушек стоят уже три. Парень удивленно моргает, не ожидая, что его кто-то опередил. Девушки о чем-то переговариваются и хохочут. Удивленный голос Ноэля разносится по округе:

– Рианелла?

Девушка замерла, замолчав. Спустя мгновение она обернулась, но на ее лице не отражались никакие эмоции. Казалось, никакой шалости не было, и она даже удивлена, что парень заговорил с ней.

– Да, Ноэль?

В голове вдруг ветрено пронеслось множество мыслей: почему абсолютно не зная друг друга, они обращаются так фамильярно, почему эта девушка настоящий эмоциональный всплеск, почему она творит, что ей вздумается, а, самое главное, что на ее руках за бинты? Раненные руки Ноэль у алтаря не заметил. Вдруг все вопросы отпали, осталось только желание выяснить, что с ней произошло и кто ее обидел.

– Что с тобой?

– Неважно, – Рианелла зарделась и, кажется, не ожидала, что Ноэль обратит внимание на руки. Вымученно улыбнувшись, добавила. – Все в порядке.

– Что за девушки с тобой? Познакомишь нас? – попытался еще раз вовлечь ее в разговор Ноэль.

– Нет, – равнодушно сказала Рианелла. – Мои подруги. Слушай, не подумай, что я преследую тебя, просто сегодня мне жизненно необходимо было услышать молитву, – склад-

но пробормотала она. Было видно, как она сама не верит в этот бред.

– С тобой что-то не так.

– Ты не привык к моему странному поведению? – тут же ухмыльнулась она. Эта девушка была буквально кладезем эмоций.

– Не привык, – согласно кивнул Ноэль. К такому невозможно привыкнуть. – Но дело не в этом, – он чувствовал, что у Рианеллы какие-то проблемы, которыми она вряд ли бы стала делиться с Ноэлем сейчас, но ему все равно хотелось узнать правду.

Когда Ноэлю показалось, что Рианелла уже готова открыть рот и поведать, что же случилось, сзади донесся намекающий кашель одной из девушек, которая сопровождала Рианеллу. Рианелла всплеснула руками и воскликнула, будто была поймана с поличным за неприличным делом, и тут же затараторила.

– Я вообще-то дала обещание не говорить с тобой! Но мой рот просто не может закрыться. Хорошего вечера, Ноэль! – девушки сзади потянули ее в свою сторону. Ноэль нахмурился. Что за выходки? В смысле дала обещание не говорить с ним? Кому? Мужу? Или этим девушкам? Кто они такие? – Знай, все, что я сказала, правда! – крикнула она через плечо и подмигнула. Уши предательски загорелись, но Ноэль также хмурился. Он хотел окликнуть ее и вернуть к разговору, достучаться, что ему нужна правда. Он старательно делал вид,

что не заметил, как девушка обыграла этот диалог, будто их последнюю встречу. Они так сумбурно встретились, неужели также и простятся?

– Ноэль! – строгий голос сзади буквально парализовал своим тоном. Спина вмиг выпрямилась, и тело словно само, не подчиняясь Ноэлю, двинулось обратно в сторону дверей Церкви. И только глаза предательски глядели на то, как фигурка Рианеллы в сопровождении двух незнакомых девушек становится все меньше и меньше, а затем и вовсе исчезает.

– Да, Патриарх, – услышал Ноэль свой сдавленный голос и послушно вернулся ко входу. В детстве, когда он провинился, всегда был вызван Патриархом таким тоном, а парень также, как раньше, стыдливо опустил взгляд. Патриарх стоял с заложенными за спиной руками и негодовал от поведения Ноэля. Рядом с главой Церкви находился его юный сын, бледный Залан с огромным, давящим на груди крестом, привычная молчаливая тень своего отца.

– Почему убежал от алтаря? – нахмурился Патриарх, и его длинная седая борода зашевелилась. – Я спустился, чтобы забрать тебя, но на помосте тебя уже не было, – он попытался заглянуть за спину воспитанника, но, благо, Рианелла ушла достаточно далеко, и Патриарх девушку не увидел.

– Извините. Стало душно, и я выбежал на улицу.

– Ну хорошо, – Патриарх не стал допрашивать парня и похлопал его по плечу. – Ты молодец, – Ноэль поднял взгляд, удивившись похвале. – На твоём месте, конечно, тяжело. Ты

молод и совсем неопытен в управлении. Но у тебя обязательно все получится. Ты добьешься больших успехов, я всегда видел в тебе потенциал, – он старчески похихикал и еще раз хлопнул парня по спине. Ноэль не опускал взгляд, но смотрел не на Патриарха, а на бледнеющего с каждым словом отца Залана. Юный монах всегда был рядом с отцом, делал все, что тот ему прикажет, но отец по итогу хвалил совершенно постороннего человека. В глазах Залана мелькнула обида, но не на Ноэля, а на отца. Ноэлю хотелось успокоить парнишку и сказать, что тот еще обязательно заслужит похвалу отца и займет более высокое место, нежели сам Ноэль, но вымолвить смог только холодное:

– Спасибо.

– Ну-ну, пойдем, мой мальчик... Тебя наверху ждет твоя невеста, да и мне нужно отдать монаху тексты священного писания на завтрашнюю утреннюю молитву...

– Зачем отдавать текст? – нахмурился Ноэль. – Разве у него нет текстов?

– Я храню их у себя. Ты же знаешь, я не доверяю библиотекам, монахам и тем, кто может исправить священные тексты.

– Но вся библиотека была составлена исключительно по тем книгам, которые вы предоставили для копирования...

– Да. Но у меня-то оригиналы, – он усмехнулся и старчески кашлянул. – Ну-ну, не грузись, ты пока за это не отвечаешь.

Ноэль почувствовал какую-то странность, неумолимая мысль пронеслась в его голове, но хвататься за нее он не хотел, поэтому не услышал в словах Патриарха, которому он доверял на все сто, смятения.

десятью минутами ранее

Ревекка Слоуден видит, как Патриарх, равнодушно глянув на толпу, покидает зал Церкви и исчезает в своем кабинете. К монахам выстраивается длинная очередь, Ноэль еще где-то у алтаря. Идеальное время, чтобы поговорить с Патриархом наедине.

Девушка, подхватив подол зимнего платья, быстро поднимается по лестнице и громко стучит в знакомую дверь. Голос Патриарха доносится не сразу, будто он успел занять себя важным делом и не планировал принимать гостей. Однако спустя минуту он разрешает войти.

Ревекка, не здороваясь, усаживается на свободный стул без приглашения и надменно заявляет.

– Патриарх, у меня есть к вам дело.

Патриарх, оторвавшись от потрепанной книжки на столе, поднимает скучающий взгляд. Кажется, его не заинтересовали слова дочери Слоудена.

– Говорите, я вас слушаю, элер Слоуден, – равнодушно ответил он.

– Это насчет ведьм. Я сама поймала ту, что недавно напа-

ла на мою служанку! Я знаю, кто она такая! Вам нужно лишь арестовать ее. Я вылила на нее святую воду, и она сбежала... – девушка фыркнула и гордо задрала голову, видимо, посчитав, что делает для поимки ведьм больше, нежели Церковь.

– Послушайте, элер Слоуден, Церковный отряд занят этим делом, расследование ведется, ведьмы обязательно будут пойманы и наказаны, вам не о чем волноваться... – устало вздохнул Патриарх. – Я понимаю, ныне время нервное, но не стоит бросаться на каждую девушку...

– Так вы мне не верите?! – перебила она Патриарха. – Вы обязаны арестовать ее!

Патриарх воодушевления Ревекки не разделял. Он знал натуру дочери Слоудена и теперь встретился с ее темпераментом лично, но разгребать эти проблемы не желал.

– Я передам кому-то из Церковного отряда. Не хочу пока загружать этим делом Ноэля. Если арестованная девушка окажется ведьмой, передам это дело ему, но сейчас не стоит перегружать его. Ноэль сразу отнесется к этому делу чересчур серьезно.

– Поэтому я и пришла к вам, Патриарх.

– Какие-то отличительные черты девушки?

– У нее темные волосы и фиолетовые глаза. Уверена, они таковы из-за ее ведьминского происхождения!

– Будьте покойны, элер Слоуден, мы разберемся с этим делом, – Патриарх начиркал на желтом листе бумаги отличительные знаки и поднялся. – Спущусь за Ноэлем.

Глава 16. Мгновения, полные чувств

Мирабель аккуратно откладывает в сторону учебник и облегченно выдыхает. Лилиана сегодня особенно энергична, и учеба для нее превратилась в сущее испытание. Также, как и для гувернантки.

– Пожалуй, на сегодня закончим, – заявила Мирабель, поднимаясь из-за стола. Лилиана тут же вскочила, затанцевала по комнате, периодически подбегая к окну и выглядывая наружу, будто кого-то ждет. – Не высовывайтесь так сильно, – добавила Мирабель. – Можете упасть, элер Раурос.

Лилиана этого, кажется, не слышала. Радостная тем, что она свободна на весь солнечный зимний день от оков учебы, она мысленно уже была на прогулке. Она не собиралась сидеть дома и вперед учительницы попыталась выскочить за дверь, дабы приказать служанке собирать ее на улицу.

Дверь раскрылась у девочки прямо перед носом. Юная барышня отскочила и громко ойкнула. Внезапное появление их лакея остудило ее пыл. Она с любопытством взирала на слугу и не спешила уходить.

– Элер Нардол, вам записка из дома, – обратился он к гувернантке.

Мирабель встрепенулась, бросила собирать свои вещи и выхватила свернутый лист бумаги из рук слуги. Скомканно поблагодарив его, Мирабель вместе с ученицей покинула

учебную комнату. Лилиана убежала к служанке. Мирабель поспешила накинуть пальто и повязать шарф.

Записки из дома в эти дни по-настоящему пугали. Мирабель все еще жила в квартире вместе с мамой и сестрами и без лишней надобности писать они ей не стали бы. Руки дрожали, когда девушка разворачивала лист бумаги. Прочитать в нем можно было что угодно.

«Дорогая Мира! Пишу тебе срочную записку, потому что, скорее всего, сегодня мы не увидимся. Я уезжаю обратно в особняк тетушки Авроры. Ее связи в Церкви доложили, что Патриарх объявил в розыск Церковному отряду девушку с фиолетовыми глазами. Похоже, девчонка Слоуден сдала меня. Не хочу навлекать на вас беду. Если они всерьез думают о том, чтобы поймать меня, они отыщут меня в любом уголке Офероса. С тетей у нас уже есть план, так что все будет в порядке. Ни в коем случае не вздумайте с мамой и Альвиной заявиться обратно в особняк. Обходите его стороной ближайшие дни. Как только смогу, я выйду на связь.

Передай Альвине, что бал, на который они планировали ехать с тетушкой сегодня, отменяется. Пусть не расстраивается.

Сегодня отличная погода. Не спеши домой и прогуляйся. Не думай обо мне. Все будет в порядке. Твоя сестра Риа».

Руки Мирабель дрожали все сильнее и сильнее. По спине пробежали мурашки. Девушка нежно коснулась угловатых букв и тяжело вздохнула. Рианелла боялась, и этот страх

сквозил в каждом слове, но она не смела выказать его. Похоже, их сумасбродный план с тетушкой означал то, что Рианелла попадется Церкви нарочно, будто не скрывается, а затем попытается оправдать себя. Но как Рианелла справится со всем этим? Слоуден выразит обвинения, но чем оправдается Рианелла? Не выйдет ли так, что она просто сдастся, чтобы спасти семью? После ареста могут начаться допросы и проверки и тогда скрыть ведьминское происхождение не удастся.

– Мирабель, что так сильно приковало ваше внимание?

Голос Ксандера, раздавшийся у самого уха, возник так неожиданно, что Мирабель подпрыгнула от испуга и смяла записку. Янтарные глаза Ксандера блеснули. Девушка сохранила равнодушный взгляд и ответила.

– Прислали сообщение из дома, лер Раурос. Мой рабочий день окончен, и я намерена...

– Я могу проводить вас до дома? – перебил ее не очень вежливо Ксандер. Мирабель удивленно вскинула брови, забыв, о чем говорила.

– Я бы приняла ваше предложение, лер Раурос, но я отправляюсь на прогулку. В такой погожий день неправильно засиживаться дома, – произнесла она, а сама внутренне содрогнулась. Она просто боялась появляться в квартире, которую нельзя было назвать домом. Она уже и не знала, где теперь ее дом. Дома должно быть безопасно, спокойно и радостно, но даже в особняке тетушки она ощущала опасность

и страх.

– Тогда позвольте прогуляться с вами, – тут же сориентировался Ксандер. – Поверьте, Мирабель, мое общество не наскучит вам.

– Прекрати донимать мою гувернантку! – донесся крик с лестницы, и на Ксандера налетел маленький вихрь. Ксандер подхватил девчонку и, сдерживая смех, крепко ухватил ее, барахтающуюся в его объятиях.

– Я не донимаю элер Нардол. Я всего лишь говорю, что ее общество намного приятнее всех светских вечеров. Уверен, прогулки с ней не хуже.

Лилиана вдруг перестала барахтаться и, замерев, подняла взгляд на брата. Долго изучая его лицо и ища в нем подтверждение своих мыслей, она подмигнула ему. Губ коснулась ухмылка. От этого выражения воспитанницы Мирабель стало неловко, и она, пытаясь скрыть смущение, приказным тоном заявила.

– Лер Раурос, отпустите вашу сестру немедленно. А вы, Лилиана Раурос, умерьте свой пыл.

Ксандер тут же послушался ее приказа и разомкнул объятия. Лилиана отстранилась от него и встала смиренно рядом с гувернанткой, однако, ее взгляд все еще блуждал по лицу брата, и глаза хитро прищурились. Ксандер, безусловно, заметил намеки младшей сестры и щелкнул ее по носу.

– Умерь свою фантазию, ребенок.

Щеки Лилианы немедленно возмущенно надулись, но

Мирабель вновь осадил ее лишь холодным взглядом.

– Так что, Мирабель, позвольте прогуляться с вами?

– Если вы так желаете, – также холодно добавила она, но Ксандер понял, что это согласие.

Ксандер и Мирабель покинули усадьбу Раурос. Девушка шла немного впереди, все еще чувствуя неловкость, и они поравнялись только когда дошли до конца улицы. Мирабель никогда не гуляла один на один с господином Раурос и не совсем понимала, зачем он настаивал на прогулке.

Ксандер выглядел расслабленно и спокойно. Его большая шляпа бросала тень на лицо, но блеск янтарных глаз был также заметен. Его пальто развевалось на ветру, открывая часть темного строгого костюма. Ксандер казался загадочным в этом образе.

– Мирабель, мне очень понравился тот вечер в опере. Особенно, наша прогулка после.

– Да. Мне тоже, – отстраненно ответила она.

– Ваше общество скрашивает мою жизнь. Знаете, мы с вами просто идем по улице Офероса, но я не испытываю скуку или раздражение. Наоборот, даже умиротворение и радость...

– Я рада, что помогаю вам, лер Раурос, но к чему вы мне рассказываете это все? Может быть, вам интересно лишь потому, что это нечто новое для вас? Не радуйтесь раньше времени. Нет гарантии, что мое общество не наскучит вам через пару дней.

– Нет, Миранбель, я чувствую, что не наскучит. Я знаю это, – таинственно, но уверенно заявил он.

– Что ж, ладно, – пожала она плечами.

– И прекратите звать меня так пафосно. Я Ксандер, а вы Миранбель, так к чему эти высокие обращения?

– Я служанка в вашем доме и воспитываю вашу сестру, не забывайте, – строго напомнила Миранбель. – Служу господину Раурос, вашему отцу, и он мне платит жалованье. Так что высокие обращения вполне уместны.

– Нет, – лениво отмахнулся Ксандер. – Я Ксандер, вы Миранбель, мы знаем друг друга уже несколько месяцев, и лично я не плачу вам жалованье, если для вас это важно.

– Важно. Но я вам посоветую лишний раз не сближаться с девушками другого социального статуса. Я из семьи рабочего человека, вы господин богатый. Ваше общество может отрицательно среагировать на то, что вы проводите со мной время.

– Плевать на общество. Оно надоело мне.

– Не будьте так импульсивны, помните о том, что сейчас вы все еще зависите от своего отца...

– Даже если мой отец лишит меня всего наследства, я прекрасно справлюсь в этой жизни сам. Я сейчас не хвастаюсь, а лишь говорю истину: мой отец заядлый консерватор и совершенно не понимает, что необходимо привносить в производство все новое.

– Наверное. Я не очень понимаю в этом деле.

– Куда мы направляемся? – поинтересовался Ксандер, оглядевшись. Мирабель куда-то настойчиво его вела, минуя Центральную площадь.

– В трактир, – заявил девушка. Ксандер оцепенел на мгновение, задержавшись.

– Не знал, что вы ходите по таким заведениям.

– Крайне редко. В моем родном городе был всего один трактир, и моя сестра со своим супругом часто там отдыхали, приглашали меня...

– У вас есть сестра? – так удивился Ксандер, будто существование сестры нечто из ряда вон выходящее.

– Да. Я рассказывала о том, что я из многодетной семьи.

– Точно.

– Вас это так изумляет?

– Нет, я просто понял, что совсем мало знаю о вас. Кто ваша семья? Друзья? Как проходили ваше детство и юность?

– Извините, но я не люблю рассказывать об этом, – соврала Мирабель. Делиться информацией о семье, которая находилась в розыске, было опасно, как бы ей ни хотелось быть честной с Ксандером. – Я сказала, что дочь рабочего и выросла в простой дружной семье. Поверьте, в ней есть множество тайн, знать которые вы бы точно не захотели.

– Я всегда говорил, что вижу в вас загадки.

– Не стоит их разгадывать, Ксандер, – улыбнулась Мирабель, так и оставшись еще одной тайной, в которой он заинтересовался только больше, и любопытство в отношении

этой девушки сжигало его. Ксандер хотел знать о ней все, понять, почему она так много скрывает и так мало говорит, почему она не пытается заполучить его расположение и улучшить отношение, почему держится уважительно и отстраненно. Эта девушка не была глупой и грубой деревенщиной. Ксандер видывал семьи рабочих, те, что работали на мануфактурах, неотесанные, резкие и хамоватые, лебезили перед его семьей, чтобы расположить господ к себе, но гордость этой девушки могла быть задета только от одного упоминания о лесте.

Мирабель сворачивает ко входу в трактир. За маленькими столиками сидят посетители и общаются, выпивая. Несколько мужчин оборачиваются к девушке и сально улыбаются, но затем видят суровый взгляд хорошо одетого господина, который следует за ней, и отворачиваются. Ксандер удивлен выбору гувернантки. Он никогда бы не подумал, что она выпивает после работы. Он не стал бы осуждать ее и точно выпил бы за компанию, но эта девушка удивляла его все больше.

Она прошлась до хозяина трактира и сделала заказ. Ксандер не слышал, что она заказала, но с нетерпением ждал исхода событий. Он гадал, какая выпивка окажется в ее руках. Выдержанное вино? Сладкий эль? Или яблочный бренди?

Мирабель, стараясь не обращать внимание на посетителей, возвращается через пару минут с заказом и выражает желание поскорее покинуть трактир. Ксандер едва поспевает

за ней. Дверь трактира хлопает, и они оказываются на улице.

– Что вы заказали, Мирабель? Любопытство сейчас сожрет меня!

Мирабель бросает на парня взгляд. Раскрасневшийся, бегающим взглядом он смотрит на руки девушки. Улыбка касается губ Мирабель, и она протягивает ему пакет, купленный в трактире. Ксандер задерживает янтарные глаза на пакете довольно долго, будто не может разобрать, что у него в руках. Затем его взгляд медленно ползет вверх и пересекается с Мирабель.

– Пончики? – доносится его растерянный голос. – Seriously?

– Чего же вы так сегодня от всего удивляетесь? – усмехается Мирабель. – Купленные мной пончики буквально ввели вас в ступор, – девушку забавляет сцена у трактира. Она никогда не думала, что будет стоять здесь с Ксандером и обсуждать какую-то глупость.

– Я просто ожидал, что вы купите алкоголь...

– Алкоголь? – Мирабель вскинула бровь. – Вы серьезно думали, что я стану распивать алкоголь с вами посреди белого дня? Ксандер, вы, конечно, шутник.

– Я...я... – Ксандера будто пристыдили. Ему стало неловко за своим мысли: и правда, разве могла такая благонравная учительница после работы пойти с малознакомым мужчиной выпивать?

– Я хочу пойти в какое-нибудь тихое место и перекусить.

Шум Офероса успевает надоесть. Вы со мной, Ксандер? – спросила Мирабель, не обращая внимание на его растерянность и смущение.

– Конечно! – тут же опомнился он. – Куда вы хотите? В парк? Или, может быть, на набережную?

– Нет, это не по мне. Видите тот дом? – Мирабель указала на старый квартирный блок. Ксандер видел, но не понимал, на что она намекает. – В нем всегда открыты подъездные двери, а значит можно попасть и на крышу.

– Мирабель, вы хотите трапезничать на крыше? – всплеснул руками Ксандер.

– Да ладно, будто вы никогда не ели в таких местах, – фыркнула Мирабель. Ксандер бросил на нее многозначительный взгляд. Он и правда не ел. Девушка вспомнила, что находится в обществе светского человека, привыкшего к богатой жизни. Наверное, в его кругу вряд ли даже в голову могло прийти кому-то отобедать на крыше старого дома.

– Нужно же пробовать что-то новое в жизни, верно? – в его голосе звучало сомнение, но все же он направился в сторону дома. Мирабель почувствовала, как ее губы сами расплываются в улыбке. Она невольно вздрогнула, вспомнив, что эмоциям в их общении делать нечего. Она ведьма, скрывающая себя настоящую, он развлекается, получает новые эмоции, которые еще не успели наскучить ему.

Мирабель уверена, Ксандер никогда не бывал в таких домах. Он старательно скрывал свое удивление, но девушка

легко замечала растерянность и легкую брезгливость.

– Некомфортно? – спросила в тишине Мирабель, поднимаясь на последний этаж. В этих домах она не видела ничего удивительного. Особняк тети у нее вызывал намного больше изумления, чем жилые помещения обычных рабочих.

– Немного, – честно признался Ксандер. – Это звучит оскорбительно, но...

– Вы ведь выросли не в таких условиях, – по-доброму усмехнулась Мирабель. – Я не осуждаю. Быть может, и моя жизнь была бы другой, если бы я выросла в других условиях и другим человеком, – вздохнула она, говоря совершенно не о богатстве. Ксандер ощутил ее тоску и замолчал.

Они добрались до верхнего этажа, откуда вертикальная лестница вела на крышу. Мирабель ловко забралась по ней и толкнула люк. Он был железным и тяжелым, но самое главное незапертым. Пару попыток, Ксандер не успел возразить, и люк уже открылся. Мирабель самодовольно хмыкнула, поправила волосы и быстро забралась наверх.

– Ксандер, не заставляйте вас ждать! – донеслось сверху. Ксандер немедленно полез наверх. Ни одна девушка на свете не ждала его на крыше. Ни одна девушка не пригласила бы его есть пончики. Ни одна девушка не шла в сравнении с Мирабель.

Она стояла на крыше, чуть отойдя от люка. Никакого ограждения не было, и Мирабель опасно близко находилась к краю. Ее русые волосы, собранные в высокую прическу,

растрепались на ветру. Пряжи сумасбродно выбивались и кружили вокруг ее лица. Голубые глаза смотрели вдаль, чуть щурясь, высматривая что-то в узких улицах Офероса. Тонкие губы были чуть приоткрыты, будто она все время находилась в состоянии удивления. Вздернутый нос сбоку казался совсем маленьким. Ее пальто, из-под которого выглядывало строгое платье с накрахмаленным передником, шевелилось, хотя девушка была неподвижна.

Ксандер вспомнил ее в тот день в опере. Собранную, в дорогом наряде и с тонной пудры. Она была другой. Но не менее прекрасной. Но сейчас, в этом простом наряде, с голубым строгим взглядом и усмешкой, которой она постоянно одаривала его, когда он говорил, что ему не наскучит ее общество, она была совершенна для него. В то мгновение, узнай он о ней любую тайну, он бы принял ее. Ненавидь она его, он бы подарил ей всю любовь мира. Насмехалась она над ним, он бы принимал унижения. Он был готов на все. Но оставался совершенно бесполезен, потому что не представлял, что мог сделать.

– Чего же вы замерли, Ксандер? – улыбнулась она, поворачиваясь к нему и чуть наклоняя голову. В то мгновение она перестала быть учительницей и гувернанткой. Она была Мирабель. Обычной юной девушкой, чья душа истерзана переживаниями, несвойственным девицам ее возраста.

Ксандер не мог пошевелиться. Он глядел на нее, разглядывал, изучал и разгадывал. Даже слово «любовался» не

могло точно описать его блуждающий взгляд янтарных глаз.

– Ксандер! – окликнула она его. На ее губах мелькнула улыбка. Наверное, она считала его сумасшедшим. Да он и правда сходил с ума. – Ксандер! – опять крикнула Мирабель. На ее лице мелькнул страх, а улыбка замерла. Она сделала маленький шаг в его сторону, испугавшись, что брезгливость и неприязнь не позволяет парню пойти дальше.

На крыше было скользко. Страх Мирабель отвел в сторону инстинкт самосохранения, и она, ойкнув, поскользнулась. Вот тогда Ксандер немедленно бросился вперед. Он, словно сверхчеловек, пронесся по скользкой крыше, хватая в объятия едва не упавшую девушку.

Мирабель вздрогнула. Они впервые были так близки друг к другу. Тепло Ксандера было комфортным и правильным. Казалось, нет ничего дурного в том, что они стоят на крыше дома, и она растворяется в объятиях молодого господина Раурса. Они были совершенно из разных миров. Их судьбы случайно пересеклись и так переплелись, что стали связаны.

– Ксандер... – прошептала Мирабель. Парень будто очнулся и аккуратно отстранился от девушки, возвращая дистанцию. Мирабель протянула ему пончик в бумажной обертке.

Несмотря на погоду, было тепло. Обычные пончики из дешевого трактира казались заморским деликатесом.

– У тебя крошки, – Ксандер тыкнул пальцем на свою губу, показывая, где на лице Мирабель остались крошки. Он

вздрыгнул, осознав, что назвал ее чересчур фамильярно, но девушка на это не отреагировала. Она неловко отвела взгляд и протерла рукой рот.

– Все нормально? – неловко спросила Мирабель.

– Вот здесь немного, – он протянул руку вперед и аккуратно коснулся ее щеки. Не было там никаких крошек, но Ксандер верил, что им поможет эта маленькая ложь сблизиться еще немного.

Мирабель дрогнула, когда его пальцы коснулись ее кожи, замерла, не в силах пошевелиться, но не отстранилась. Ксандер приблизился еще немного. Они стояли до неприлично-го близко. Каждый понимал, что Ксандер уже не вытирает крошки, а Мирабель не отстраняется, давая молчаливое согласие. Так было нельзя, и голос разума кричал об этом, но Мирабель хотела раствориться в этом мгновении. Ксандер ей нравился: как человек и как мужчина. Он был поистине привлекателен, но не только внешне, а внутренне, потому что он практически никому не показывал себя настоящего, но Мирабель позволил разглядеть его нутро, не позволенное видеть светскому обществу.

– Мира! – раздался громкий крик, словно голос разума девушки ожил и просил немедленно остановиться. До поцелуя оставались считанные мгновения, но появившейся третий лишний уже точно не мог стать свидетелем их тайных чувств.

Мирабель немедленно отстранилась. Ксандер неловко по-

правил пальто и шляпу, не зная, куда деть руки. Они обернулись. На крышу по тому же пути, что и они, забралась девушка в красном плаще из кожи и с длинными рыжими волосами, развевающимися на ветру.

– Хуанита?! – растерянно воскликнула Мирабель, и холодок пробрал ее по коже. Та застала ее с мужчиной на крыше едва ли не в обнимку. Что она о ней подумает? Как она вообще узнала, что Мирабель здесь?

– Извините, что помешала, – усмехнулась Хуанита, глядя на молодого человека рядом с подругой.

– Как ты узнала, что я здесь?

– Следила от самого дома Рауросов, – хмыкнула Хуанита. – Сделаю вид, что просто разрешила состояться дружеской встрече. Но медлить больше нельзя. Ты получила записку от Рии?

– Да, конечно.

– Она под арестом. Нужно спешить.

Глава 17. Потенциальная угроза для слишком правильного Главы

– Парни, я же сказала, со мной живет подруга, – развязно пробормотала Аврора. Она и правда выпила, но лишь потому, что хотела расслабиться и отгородиться от тревожных мыслей.

Церковники оглядели молодую девушку. Она выглядела привлекательно, молодо и свежо, поэтому даже служители Церковного отряда, отрешенные от женщин, обращали на нее внимание.

Рианелла спустилась со второго этажа. Она была совершенно спокойна. Она знала, что так будет, и Церковь придет за ней. Все, что необходимо, она сделала: отправила предупредительные записки семье и упрятала их в квартире тети. Им не угрожает никакая опасность, даже если Церковь начнет расследование. Рианелла предупредила Хуаниту, чтобы они не лезли в это дело, и тогда беда обойдет их стороной. А Рианелла разберется сама.

– Вы алер Бекарди? – спросил церковник, внимательно взглядываясь в ее глаза. Конечно, дочь Слоудена точно назвала фиолетовые глаза, как отличительную черту.

– Я, – не стала врать Рианелла. Отступить было поздно. – Что-то не так, господа? Вы ворвались в дом моей подруги, перепугали всех слуг.

– Вы арестованы по доносу элер Ревекки Слоуден, – заявил один из мужчин. Рианелла вскинула брови. Значит, звать девчонку Ревекка. Вот же наглая особа, все-таки заявила в Церковь и посмела донести на нее.

– Какое вы имеете право! – воскликнула Аврора.

– В чем она обвиняет меня? – спокойно спросила Рианелла.

– Говорит, что вы ведьма.

– Да вы что! – наигранно всплеснула руками Рианелла. Бинты с ладоней она уже убрала.

– Не играйте с нами, алер Бекарди. Вы, кажется, уже попадали под арест из-за элер Слоуден.

– Быть может, она клеветает на меня? Вы верите ей, потому что она дочь богатого чиновника.

– Мы обязаны проверить, – строго заявил церковник. Клинок на его бедре дрогнул, когда он доставал металлические, местами почерневшие, наручники. В таком виде Рианеллу в Церковь еще не доставляли.

Она нехотя протянула руки. Старые наручники захлопнулись на ее руках, неприятно обжигая кожу кистей. Аврора дернулась вперед, будто хотела напасть на церковников. Рианелла остановила ее предостерегающим взглядом. Тете тоже не стоит вмешиваться сюда.

Рианеллу на церковной кибитке доставляют в Церковь, но на этот раз ведут не в кабинет Патриарха. Ее заводят в другую комнату. Окон в ней нет, серые стены грязные, из ме-

бели одно единственное кресло с лопнувшей кожей и засохшими на нем пятнами. Неприятное место, от которого веет холодом и болью.

Один из церковников толкает ее на кресло. Неужели так сразу начнутся допросы? Ледяная вода? пытки? Холодок пробежал по ее спине. Боль всегда пугала, к тому же, когда не знаешь, чего ожидать.

Церковники не запирали дверь, и постоянно выходили в коридор с кем-то переговариваться. В дверном проеме мелькнул Патриарх, однако, не задержался и, взглянув на девушку, приказал позвать кого-то для допроса, чью фамилию Рианелла не услышала. От нее не могло пахнуть магией, раны на руках от святой воды зажили. Их единственное доказательство – устное утверждение от Ревекки. Поверят ли они ей и прикажут сжечь Рианеллу на костре?

Рианелла уже попадала под арест, но тот совершенно не сравнится со вторым по степени опасности. На этот раз она ставит на кон свою жизнь. Неужели она закончит, как отец? Он ведь тоже сидел в похожей комнате, только в другом городе, и знал, что его ждет смерть. Боялся ли он? Переживал? Рианелла была уверена: он думал исключительно о семье.

Тогда девушка тоже принялась беспокоиться только о них. Мама будет убита горем, но она обязательно справится, рядом с ней останутся две другие дочери. Мирабель обязательно выйдет замуж за богатого и умного мужчину и станет прекрасной женой и мамой. Альвина, как думалось Рианел-

ле, еще долго будет гулять на светских вечерах, цеплять мужчин, но не цепляться за них. Они будут скорбеть, но время иссушит их слезы и заштопает раны. Да, они перестанут бороться и продолжат прятаться, но зато будут в безопасности. И, возможно, однажды Мира расскажет своим детям о тете, которая храбро полегла за ведьминскую справедливость.

Громкий стук чьих-то сапог вытаскивает девушку из мыслей. Дверь хлопает и на этот раз с грохотом запирается. Рианелла внутренне сжимается, и нити магии от стресса и тревоги неразборчиво мечутся. Внешне девушка не смеет выказать страх. Покажи кровожадным церковникам, которые борются за добро и милосердие, страх, они растерзают тебя, будто дикие звери.

В допросной возникает мужчина. Его костюм ярче остальных, а рукоять клинка, выглядывающего из ножен, украшена несколькими драгоценными камнями. Рианелла шумно сглатывает, и незаметная капелька пота стекает по ее лицу. Они позвали на допрос Главу Церковного отряда.

Рианелла медленно поднимает взгляд и встречается с холодными очами Ноэля. Он моментально узнает девушку и тут же теряет ее. Ему требуется минута, чтобы взять себя в руки, привести в порядок мысли и обернуться к нескольким подчиненным.

– Зачем притащили ее сюда? – грубо спрашивает он. От удивления брови Рианеллы ползут на лоб. Где этот нежный скромный мальчик, которого она знает? Неужели на службе

он настолько отличается, что становится другим человеком?

– Приказ Патриарха, господин, – испуганно шепчет один из служащих и смотрит на своих товарищей. Они явно начинают сомневаться в правильности своих действий из-за тона Главы.

– Что она натворила?

– Элер Слоуден сказала, что эта девушка ведьма, – стараясь сдержать страх, продолжает отвечать церковник. Ноэль резко оборачивается в сторону закованной в наручники Рианеллы и хохочет.

– О, она точно ведьма!

Церковники, как один, вздрогнули и стали переглядываться. Рианелла дернулась на кресле и гневно цыкнула. Не открывать рот заставляли две мысли: она обещала Мирабель с ним больше не разговаривать, и в данной ситуации стоило молчать, чтобы не разгневать Церковь. Но когда в поле зрения появлялся Ноэль, язык сам по себе чесался опять бросить в его сторону грубость, пошлость или шутку. Сделать что угодно, лишь бы не промолчать и приковать к себе его внимание.

– Но вот только вряд ли в плане колдовства, – продолжал Ноэль. Рианелла фыркнула, его слова звучали смешно. – Как женщина, понимаете? – он усмехнулся.

– И что, сожжешь меня на костре за то, что пообещала не говорить с тобой? – цель промолчать провалена.

Церковники переглянулись. Те, что стояли у двери, шеп-

нулись. Ноэль бросил на каждого из них строгий взгляд, и мужчины выпрямились, не посмев больше и взгляда бросить друг на друга.

– Лучше помолчи, – устало сказал Ноэль. – Ты сейчас не в том положении, чтобы устраивать очередной спектакль.

– У меня что не день, то спектакль. Особенно, когда вижу с тобой.

Церковники едва сдерживались, чтобы не закидать друг друга вопросами и сплетнями: неужели их предводитель знаком с такой девицей? Почему она так фамильярно обращается к нему? И не специально ли Ревекка отдала ее Церкви?

Ноэль сжимает переносицу. На Рианеллу не смотрит. Поворачивается к тому же церковнику и спрашивает.

– Почему ее арестовали? На каком основании? Только из-за доноса?

– Да обнаглели просто, – фыркнула Рианелла. – Ты их утихомирь, Глава все-таки.

– Помолчи, пожалуйста, – махнул он в ее сторону.

– Элер Слоуден сказала, что облила святой водой девушку с фиолетовыми глазами, мол, она напала на ее служанку. Святая вода вступила в реакцию с магией, и кожа загорелась. Элер Слоуден уверена, что эта девушка ведьма, – отчитывался церковник, изумленно глядя на Рианеллу. Она только что нахамила Ноэлю, но тот даже бровью не повел.

– Все понятно, – вздохнул Ноэль. – Чувствую, я знаю, в чем дело.

– Хочешь сказать, я по ошибке прикованная сижу в грязном кресле и жду допроса? – воскликнула Рианелла, дернувшись на кресле. – Меня подруга дома заждалась, а я по воле девчонки Слоуден под арестом. Немыслимо!

– Что за подруга? – спросил Ноэль у церковника.

– А у меня спросить? – перебила Рианелла. Ноэль ее проигнорировал.

– Алер Бекарди якобы у нее гостит. Высокая, темноволосяя, лет тридцати отроду, кажется, была пьяна, когда мы приехали.

– Нет, такую я не знаю, – нахмурился Ноэль. – Но, думаю, это и правда недопонимание.

– Патриарх элер Слоуден так и сказал, – заверил Ноэля еще один церковник, неистово кивая, будто соглашался абсолютно со всем, в чью сторону хотя бы вздохнул Глава. – Может быть, она просто нервничает из-за случившегося и скорого стресса...

– Я поговорю с Патриархом сам, – отрезал Ноэль.

– Что делать с ней? – церковник указал на Рианеллу.

– У меня имя есть, – не молчала девушка.

– Допросите ее и, если не услышите ничего странного, отпустите...

– Нет, нет! – крикнула Рианелла, перебив мужчину. – Отпустите меня сейчас же! Если ты думаешь, что я ни в чем не виновата, зачем допрашивать меня?

– Какая же ты невыносимая!

– Так снимите наручники и отпустите меня, и я прекращу казаться невыносимой! Да я на глаза тебе больше не попадусь!

– Ты и так уже обещала со мной не разговаривать, но, смотрю, рот у тебя сегодня не закрывается.

– Твои люди сами меня схватили! Я бы к тебе в жизни не подошла, я уже уволилась с работы, ты сам прямо-таки ищешь встречи со мной!

– Потому что ты постоянно творишь какую-то дичь! – крикнул Ноэль, а затем, развернувшись, бросил церковникам грубо и раздраженно. – Вышли отсюда все.

Церковники, словно муравьи, понеслись прочь, только успевала дверь ударяться о стену, так они спешили покинуть допросную. Рианелла тут же захлопнула рот. Она не ожидала, что Ноэль по-настоящему разозлится. Он обошел комнату пару раз, глубоко дышал так, что у Рианеллы появились мурашки, и, наконец, спросил.

– Почему ты просто не можешь в нужный момент замолчать?

– Почему я должна молчать, когда меня, ни в чем неповинную, собираются допрашивать ледяной водой или другими пытками?!

– Я бы не подпустил их допрашивать тебя, – вздохнул он. Встав перед Рианеллой, он вновь устало сжал переносицу, будто у него была мигрень, и добавил. – Просто спрячься, ладно? Я сам поговорю об этом с Патриархом. Ревекка, как

оказалось, бывает... импульсивна, – он сжал губы в тонкую линию, и лицо его охватило выражение угрюмости, но он быстро скрыл это.

– Я прячусь всю свою жизнь, Ноэль, – загадочной проговорила Рианелла. – То от одних, то о других.

– Значит жизнь должна была научить тебя, что вести себя безрассудно опасно, – не зацепился за ее слова Ноэль. – Рианелла, мы живем в Исливарии, здесь возможны доносы и клевета, так зачем самой себе рыть яму?

– Сытому голодного не понять, – усмехнулась девушка. Уголки ее губ нервно дернулись, и вновь опустились. Так Рианелла выглядела уставшей. – Я правда мечтаю исчезнуть из твоей жизни, потому что вижу, как тебя тошнит от меня и моих выходок.

– Я не испытываю ненависти к тебе.

– Может быть, – после недолгого молчания добавила Рианелла. Она с трудом верила, что парень, репутацию которого она постоянно ставила под удар, не испытывает ненависти к ней. – Но ты боишься меня. Для тебя я потенциальная угроза твоей безмятежной жизни. Узнай твоя жена, с кем ты общаешься, она будет в бешенстве.

– Невеста, – поправил ее Ноэль.

– Из всех моих слов ты опроверг только это?!

– Да, потому что в остальном ты права, – он вздохнул. Рианелла захлопнула рот, не ожидая, что мужчина подтвердит ее слова. – Я поговорю с Патриархом сам. Как только ты уй-

дешь отсюда, ты не просто исчезнешь из моей жизни, ты ляжешь на дно, спрячешься и будешь вести тихую-мирную жизнь со своим супругом.

– Обещать такое не могу, – она передернула плечами.

– Даже сейчас? – раздражался он. – Ты сидишь, закованная наручниками, в комнате допроса, боясь пыток, и не соглашаешься на мои глупые условия? Ты можешь соврать мне!

– Зачем? Ноэль, сама не понимаю как, но ты знаешь часть меня настоящей. И неужели ты согласишься, что я останусь в тени, даже если я совру сейчас?

Ответить ему не дали. В коридоре раздался шум, хлопок, словно что-то взорвалось, а затем крики церковников. Ноэль и Рианелла синхронно повернулись в сторону двери. За ней все шумели, но в допросную никто не врвался.

– Отдай ключ, – попросила Рианелла. – Беги разбирайся, что у вас приключилось, а я уйду.

Ноэль словно не сомневался. Он резко подлетел к Рианелле вплотную, вставил ключ в замок и нервно прокрутил. Наручники щелкнули и поддались. Ноэль, не оглядываясь, выбежал из комнаты. Он не хотел оборачиваться к Рианелле. Не хотел видеть ее в это мгновение, потому что знал: замешкается.

Рианелла смотрела ему вслед несколько секунд. Шум становился то громче, то тише, кто-то бегал по коридору, но дверь комнаты оставалась закрытой. Ноэль так просто ушел,

отпустил ее и позволил сбежать.

Она вскочила с кресла, разминая покрасневшие кисти рук. Выбегать в коридор было опасно, но выход был там. Рианелла подождала, пока шум утихнет, и вышла в коридор. Церковники бегали и что-то кричали друг другу на первом этаже. Туда спускаться было нельзя.

Рианелла огляделась. Единственное окно-витраж было открыто. У нее в запасе имелось несколько секунд, чтобы незаметно сбежать. Запрыгнув на каменный подоконник, она схватилась за раму и высунулась наружу. Внизу были кусты, но падение рискованно. Хватаясь за практически ровные серые камни стены Церкви, Рианелла пыталась спуститься.

Почти сразу она сорвалась вниз и грузом свалилась в кусты под окном. Пальцы немного кровоточили. Цепляться за ровные стены здания оказалось очень трудно.

Когда она упала, послышался чей-то вскрик. Аккуратно выползая из кустов, Рианелла огляделась. Неужели за зданием Церкви кто-то прятался? Или караулил кого-то?

– Она может быть в любом месте этого здания, в любой комнатке... – зашипел женский голос.

– Мы отвлекли их, – отвечал другой. – Показали, что кто-то колдовал. С нее снимут обвинения.

– Хуанита? – прохрипела Рианелла, выползая из кустов и пытаясь встать. Она бросила взгляд туда, откуда доносились голоса. Стоя друг напротив друга, препирались Хуанита и

Мирабель. Увидев девушку, появившуюся из кустов, они выпучили глаза от удивления, но вскоре опомнились. Хуанита подбежала и помогла подруге встать.

– Как ты выбралась?

– Вы колдовали? – ответила она вопросом на вопрос. – Внизу начался какой-то шум, и церковники переполошились. Я пыталась вылезти через окно, но сорвалась.

– Мы хотели отвлечь их и вытащить тебя, но не знали, где конкретно искать. Мы попытались залезть в кабинет Патриарха, где Мира нашла тебя в прошлый раз, но мы тебя там не увидели.

– Нужно бежать. В воздухе остался запах магии, и нас могут поймать, – Рианелла схватила Хуаниту за руку и махнула сестре.

– Ты только что выпала с окна второго этажа! Ты не ушиблась? Бежать-то можешь?

– Какая разница! – раздраженно фыркнула Ри и потянула подругу на себя. Мирабель подхватила подол пальто вместе с платьем и понеслась вслед за девушками.

Далеко убежать они не успели. Крики церковников перенеслись во двор, оббегать Церковь было слишком опасно. Они бежали мимо кустов, и спрятаться в них было невозможно. Девушки ничего не говорили друг другу, но страх, который сковывал каждую из них, становился почти осязаемым. Нет, они не могут попасться, когда практически убежали!

Ситуация, казалась, патовой. Стук сапог церковников становился громче. Они явно оббежали Церковь, чтобы поймать ведьм. С одной стороны – задняя стена Церкви, с другой – кусты, которые привлекут внимание еще больше, если девушки через них побегут. С обеих же сторон здания на них бегут церковники.

Низкая железная дверь в стене Церкви вела в подвальное подсобное помещение. Рианелла знала об этом, потому что практически в каждом доме и общественном заведении были такие. Здания строились примерно одинаково и в ее родном городе, и в столице. Времени на более рациональное решение проблемы не оставалось.

– Сюда! – крикнула Рианелла, толкнув подругу к стене.

– Сюда! – крикнули церковники, и их фигуры мелькнули у поворота.

Рианелла схватилась за ручку двери и мысленно взмолилась, чтобы подвал был открыт. Мирабель успела только открыть рот и выразить свой невообразимый страх выражением лица, как дверь поддалась и открылась практически без звука.

Рианелла быстро затолкала внутрь сестру и подругу, забежала следом на ступеньки и закрыла дверь в тот момент, когда церковники добрались до заднего двора. Рианелла едва успела выдохнуть, ее всю трясло. Подвальное помещение явно должно было быть закрытым, и кто-то просто забыл запечатать его, поэтому вряд ли церковники решат искать их здесь.

Едва успела Рианелла выдохнуть и сжать кулаки, дабы унять заметную дрожь, как услышала тихий вскрик сестры.

Рианелла резко обернулась. На ступеньках ниже сидел молодой парень в монашеском облачении и глядел на них огромными удивленными глазами.

Глава 18. Разбившийся крест

Залан молился всем высшим архангелам каждый день. Он просыпался раньше молитв на пару часов и сидел у алтаря, склонив колени. Он плакал и шептал все молитвы, каким научил его отец, все то, что он за восемнадцать лет жизни читал в отцовских трактатах. Он был истинным верующим, настоящий сын своего отца, мальчик, воспитанный Патриархом. Но эта вера разбилась в один день и открыла глаза на разочарование и упущенные годы, посвященные грезам ангелов.

Залан был довольно поздним ребенком отца и его единственным наследником. Несмотря на это, мальчик знал, отец любил его до тех пор, пока тот следовал образу Патриарха в голове. Лет до десяти ребенок был идеальным, тем, кем Патриарх по-настоящему гордился, потому что позже Залан перестал быть марионеткой в руках отца и делать только то, что тот прикажет.

В целом, была довольно запутанной история женитьбы родителей Залана. Мама и папа никогда не рассказывали об этом, а мама и вовсе предпочитала молчать. Залан понимал, что отец женился только для того, чтобы получить наследника и не отдавать патриаршество в чужие руки. При отце Церковь расцвела, и он не хотел терять ее славу, поэтому выбрал невесту не по любви, а отличную хранительницу очага, которую знал максимум пару недель.

Церковь всегда говорила, что своего партнера нужно уважать и любить, а измена считается грехом, какой ангелы не простят, но ни уважения, ни любви в семье Залана не было. Отец был строг и сух, матери за столько лет совместной жизни не сказал и слова нежного. Они были просто сожителями, которые появлялись на важных церковных вечерах вместе, как муж и жена, но жена всегда была лишь украшением Патриарха.

Залан любил свою маму. Любил так сильно, что этой любви не было предела. Она, в отличие от отца, гордилась им независимо от обстоятельств и не заставляла его быть тем, кем хотела она.

Отец жаждал вылепить из сына того, кого хотел видеть он. Но, в отличие от всех прихожан городской Церкви, Залан видел истинную грубую натуру отца и быть на него похожим не мечтал. Залан был тихим и скромным ребенком, у него почти не было друзей, и он боялся говорить слово «нет».

Отец надел на него монашеское облачение в пятнадцать. В шестнадцать передал крест, семейную реликвию и объявил на весь Оферос, собрав настоящее светское мероприятие, следующего Патриарха. Вот только Залан знал, что такому мягкотелому мальчишке отец никогда не передаст власть.

Патриарх ненавидел сына за то, что тот не умел управлять и держать в руках власть, ненавидел, что сын не был похож на него и что максимум походил на монаха, но никак не на Патриарха. Залан прекрасно понимал, что власть перейдет

парню, который был старше него, рос при Церкви и дослужился до Главы Церковного отряда.

Залан не испытывал ненависти по отношению к Ноэлю. Религия учила его прощать врага и не сметь ненавидеть ближнего своего, поэтому Залан восхищался Леквеллом младшим и искренне считал, что быть Патриархом тому подойдет намного больше, нежели ему самому. Залан и не стремился к власти. Он мечтал о тихой и мирной жизни, о жизни, где ему наконец-то позволят быть самим собой.

Залан боялся своего отца. Мальчик пытался соответствовать стандартам родителя, но быстро смекнул, что превратится в настоящего лицемерного тирана, если станет следовать его наставлениям, поэтому Залан тихо ушел в религию, не пытаясь добиться власти и признания от своего отца. Да, ему было больно, что Патриарх относился к нему хуже, чем к собачонке, но Залан понимал, что это его отец, и стоило принять его таким, какой он есть.

Однако отношение к отцу серьезно ухудшилось, когда заболела мама. Залану было шестнадцать, и он уже достаточно вырос, чтобы понимать: мама заболела из-за отца. Она всегда была слаба здоровьем, но отец нещадно загружал ее делами и часто жаловался, что ему не нравится то, как хозяйка ведет быт. Мама слегла и больше вообще не могла ухаживать за домом.

Сначала она стала позже вставать с постели. Затем и раньше ложиться. Но около года назад болезнь окончательно

приковала ее к постели. Лекарь сказал, что у нее какое-то серьезное заболевание костей, но медицина в Оферосе не процветала, не говоря о лечении, даже диагноз не в состоянии были поставить. Отсчет шел на месяцы, затем на недели, а недавно и вовсе на дни. Но Залан верил, раз религия помогает в тяжелый момент, и ангелы слышат послания, они обязательно помогут его маме, и она справится с этой болезнью.

Но этого не случилось. Отец не пытался ничего делать и последние пару месяцев даже не приглашал врача. Он говорил, что незачем тратить время лекаря и деньги семьи на человека, который уже точно не выкарабкается, стоит позволить ей мирно отойти на Небеса.

Залан часами сидел у постели матери. Она плакала и сожалела, что не может быть больше рядом с сыном и бросает его на отца, которому точно нет дела до мальчика. Залан тоже плакал. Он уверял мать, что она обязательно выздоровеет, ведь не зря он тратит годы своей жизни на веру. Кому как не семье Патриарха помочь высшим ангелам.

Но они не помогли. Алер Уэлбон скончалась в возрасте сорока лет, прикованная к своей постели последние годы.

В это утро Залана разбудил монах даже раньше того, как мальчик вставал сам. Он спешно попросил одеться и все время прижимал к груди крест. Залана потрясывало, когда он понял, что они направляются в покои матери.

Она лежала в кровати уже холодная. Бледная и больная, она все равно сохранила легкую улыбку на губах, не позво-

лив горечи завладеть последними минутами ее жизни. Залан упал на колени и зарыдал в голос. Его плач поднял на ноги всю Церковь, разбудил монахов и зазвал сторожевых. Монахи с трудом оттащили мальчишку от постели, но он брыкался и сопротивлялся.

Ангелы воткнули ему нож в спину и грубо провернули. Они предали его и истратили юные годы мальчишки, так и не оказав ему помощи. Все его убеждения рушились, а вера дала серьезную трещину и осыпалась в прах. Залан будто заново родился этим утром, будто превратился в другого человека.

Монах дал ему целебную травяную настойку, но, когда внешнее проявление истерики Залана закончилось, он помчался к отцу в кабинет. Он не постучался, а грубо хлопнул дверь, за что уже на пороге получил недовольный взгляд. Залану было плевать, в это мгновение он ненавидел человека, который бездействовал и даже не скорбел.

– Мама умерла! – воскликнул он, и будто воздух выбили из груди. Залан задыхался. Он не верил, что все то, чему он поклонялся много лет, оказалось бездейственной чушью, которая не помогла ему и погубила матушку.

– Я знаю, – ответил отец. Ни слезинки, ни дрогнувшего голоса. Он просто знал, но ничего не чувствовал.

– Почему ты не плачешь? – голос Залана сорвался. – Не страдаешь? Разве тебе не больно? Неужели ты хотел, чтобы она умерла?

– Ты перегибаешь палку, Залан, – нахмурился Патриарх. – Я просто не показываю свои эмоции и тебе советую тоже скрывать их. Что нам говорят высшие ангелы? Они забирают на Небеса лишь тех, кто достоин этого. Твоя мать была достойной и благонравной женщиной...

– Она угробила жизнь на тебя! – пылко воскликнул он, схватившись за крест. – Твоя вера мне не помогла, как бы я ни молился.

– Залан! – прикрикнул отец. Пламя гнева вспыхнуло в его глазах. Не будь повсюду монахи, он бы точно ударил сына.

– Твои ангелы ничего не делали, пока я страдал! Я жил в Церкви все свои восемнадцать лет и не видел другой жизни, но даже мне они не помогли! И ты не помог! Все просто смотрели, как она умирает! – горячие слезы обжигали щеки, но остановить их Залан не мог. Вместе с мамой умерла та часть настоящего Залана, которую он мог показать. Мама была единственным человеком, не осуждающим его.

Трясущиеся пальцы Залана нащупали крест на шее. Резким движением он сорвал его. Цепочка больно оцарапала кожу. Залан бросил взгляд на семейную реликвию и испытал невыносимое отвращение. Мгновение, и крест полетел в сторону Патриарха, задев его за рукав и упав к его ногам.

Патриарх взорвался. Несмотря на свой возраст, он быстро пересек весь кабинет и направился к сыну, но Залану уже был безразличен гнев отца. Он обернулся и, вылетев из комнаты, понесся вниз по лестнице. До его ушей донеслось толь-

ко громкое и разъяренное:

– Я тебе покажу, греховный ты выродок!

Но Залан был юн. И крест на шее больше не тянул его камнем вниз. Он бежал, впервые испытывая легкость избавления от креста и невыносимую тяжесть из-за смерти мамы.

Он понимал, что практически не знает Оферос, ему некуда идти, поэтому, забежав на задний двор, Залан отворил подвальную дверь и спрятался внутри. Впервые в жизни ему пригодилась связка, которую дал ему еще пару лет назад старший монах. Железная дверь захлопнулась, рассекая жизнь Залана на две части. Со двора доносился едва различимый шум, но Залан не вслушивался в него. Он больше не боялся отца. Он больше не верил в ангелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.